

ИСТОРИЯ

OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2024 | № 20 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Под редакцией М. А. Колерова

Фотография на обложке — М. Бороздинского

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT. №20 / Под ред.
М. А. Колерова. М. : Модест Колеров, 2024. (www.ostkraft.ru)
176 с.
ISBN 978-5-905040-92-4

ISBN 978-5-905040-92-4

© Авторы статей, 2024
© Модест Колеров, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Володин.</i> Фигуры философии и её образ на страницах журнала «Вестник Европы» в 1802 г.: вводные замечания	3
<i>Екатерина Корнеева.</i> Краткая история элиты СССР	60
<i>М. В. Разина, И. С. Ратьковский.</i> Деятельность Всероссийского общества содействия жертвам интервенции по выявлению преступных действий к российским и советским гражданам на территориях Западных стран	87
<i>В. Н. Коробейников.</i> Н. А. Семашко и его старший брат Владимир (неизвестное в их биографиях)	95
<i>Стефан Машкевич.</i> Элита в оккупации (Киев, 1941–1943): «сладкая жизнь» или борьба за выживание? Интервью с Аглаей Горман, дочерью Константина Штеппы	122
<i>М. А. Колеров.</i> Что делать, если враг взял Москву? Сурский рубеж на защите «второго индустриального центра» СССР. Тезисы	170

Андрей Володин

ФИГУРЫ ФИЛОСОФИИ И ЕЁ ОБРАЗ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» В 1802 г.: ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Журнал «Вестник Европы» в истории русской литературы может быть отнесён к разряду неувядающих феноменов¹, переживающих прочие периодические издания, поколения, эпохи — он увидел две продолжительные жизни: первый номер приходится на 1802 г., когда Н. М. Карамзин принимает приглашение стать (сегодня бы сказали: главным) редактором, взяв на себя основные обязанности по насыщению выпусков актуальными переводами и оригинальными сочинениями, а уже в 1830 г., при мало известных обстоятельствах журнал закрывается. В 1866 г., условно «восстановленный» М. М. Стасюлевичем «Вестник Европы» (далее — ВЕ) просуществовал до 1918 г., весной которого он будет запрещен как «контрреволюционное издание». До недавнего времени (2022 г.) функционировал «третий» «Вестник Европы», создатели которого провозглашали непосредственное наследова-

¹ Показательно, что в первое десятилетие XIX в. в России возникли порядка 84 периодических издания — «Вестник Европы» оказался единственным должителем. Запланированный тираж в 580 экземпляров быстро увеличился до 1200 — максимальный тираж первых десятилетий XIX в. Показательно здесь замечание М. П. Полуденского: «Журнал выходил постоянно два раза в месяц; об успехе его можно судить, потому что в том же году первая книжка была напечатана вторым изданием» (*Полуденский М. Указатель к Вестнику Европы: 1802–1830. М.: В университетской типографии, 1861. С. V*).

ние этой версии предыдущих двух — возможно, другое исследование поставит вопрос о правомочности такой претензии.

Жизнестойкость «ВЕ» в связи с присутствием «Европы» в названии может спровоцировать вводные идеалистические суждения: о бессмертии «европейской темы», о природной необходимости русской интеллигенции мыслить своё назначение в связи с «единой и неделимой» Европой, в конце концов — о неизбежности самоопределения исторической России на основе идейных сходств и контрастов, свидетельствуемых на аренах европейской политической и литературной активности. Наименование «Вѣстникъ Европы» сталкивает с наивным эстетическим вопросом о сущности и содержании издания — здесь есть риск подчиниться аффекту, вовлекая ассоциации, собственно, с «Европой», стоящей в заглавии, во внутреннюю жизнь журнала и мировоззрение его редактора Н. М. Карамзина в период 1802 г. Между тем, названия журналам часто даются произвольно. По-видимому, история не сохранила свидетельств о замысле назвать журнал так, а не как-либо иначе. Важно заранее отвлечь Европу от рассматриваемого здесь предмета, то есть от философии и философов, поскольку на страницах «ВЕ» они существуют вне национальных и политических, «цивилизационных» характеристик: распространённое сегодня в отечественных учебниках истории философии разделение собственно философии на «западноевропейскую» и «русскую» отсутствует *in principio*, в те времена оно ещё не зародилось. Фигуры философии и её образ на страницах журнала «Вестник Европы» — таков предмет предлагаемого исследования. Первой интеллектуальной задачей здесь выступает отсечение навязчивых аллюзий, способствующих поспешному превращению именитого издателя в «проводники европейских идей», как если бы Россия и Европа не представляли собой целое², пускай и не всегда единое.

Январь 1802 — декабрь 1803 г. в истории «ВЕ», как было сказано, принадлежит Карамзину — в слабом смысле содержание выпусков свидетельствует его издательскую политику, а в сильном — это же содержание образует особую литературную реальность, живущую лишь в границах самого «ВЕ» очерченного периода. При

² «Таким образом лучшие авторы Европы должны быть в некотором смысле нашими *сотрудниками* для удовольствия русской публики; а нам остается изображать их мысли, как умеем. <...>. Наконец скажем, что мы издаем журнал для *всей* русской публики <...>» (ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 24. (Декабрь). С. 227, 229). В легендарной характеристике Лотмана: «Россия есть Европа для Карамзина».

этом не следует моментально отождествлять эту реальность с *коррупцией* Карамзина — есть риск выдать отдельные философические и политические смысловые оттенки, содержащиеся в выпусках «ВЕ» за фактор его мировоззренческой эволюции. Вместе с тем этот риск не должен отсекается окончательно — в качестве научной гипотезы он актуален и как таковой необходим в развитии. Менее рискованно относить смысловые особенности к конкретной литературной реальности «ВЕ» 1802–1803 гг., чем приписывать их издателю, поскольку журнал есть форма, которую «Сочинять <...> одному трудно и невозможно; достоинство его состоит в разнообразии, которого один талант (не исключая даже и Вольтерова) никогда не имел»³. Получается, что к подготовке выпусков требуется множество талантов — тем знаменательнее следующая реплика: «Но разнообразие приятно хорошим выбором; а хороший выбор иностранных сочинений требует еще хорошего перевода»⁴. Хороший выбор, подразумевающий хороший вкус, по-видимому, принадлежит Карамзину — последний видит свою задачу в синтезе частного *своего* таланта с профессионализмом переводчика. Эта диада в руках издателя журнала служит честной объективности, то есть предельному замыслу: «Надобно, чтобы пересаженный⁵ цветок не лишился красоты и свежести своей»⁶. Если это вступительное «Письмо к Издателю» действительно, а не «едва ли не писано самими Карамзиным»⁷, то Карамзин, обращаясь как бы к самому себе заявляет нравственную *трудность* издательского замысла «Вестника Европы», отдавая читателю отчет в этом.

Таким образом, «перспективу из Карамзина» отбрасывать всё же не стоит — доскональное языковое, литературно-аналитическое прочтение, как предполагается, может выявить *замысел* — здесь нужно помнить, что журнал издавался в годы относительно «слабой» цензуры⁸; пользовался широкой популярностью у чита-

³ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 1 (Янв.). С. 6.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ «Пересаженный» не на язык перевода, а на «почву» «великаго и сильнаго народа, как Россійской» (Там же).

⁶ Там же.

⁷ Полуденский М. Указатель к Вестнику Европы: 1802–1830. М.: В университетской типографии, 1861. С. III.

⁸ Краткое время после 1802 г., когда были ликвидированы цензурные комитеты и до 9 (21) июля 1804 г., когда указом Александра I утвердился Цензурный устав (См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 28. СПб., 1830. С. 439–444).

ющей публики⁹. В этом трудном вопросе показательна исследовательская надежда М. Погодина, развивавшегося под сильным методологическим влиянием Карамзина — уже он был готов рассматривать стихотворения своего патрона, возникшие на заре восшествия на престол императора Александра I, в духе «исторического документа»¹⁰. Симптом того времени, конституирующий творческие замыслы Карамзина, толкуется Погодиным в указании на стихотворение «Его Императорскому Величеству Александру I...», где «Карамзин с самого начала сравнивает восшествие на престол Александра с явлением весны, которая приносит с собою забвение всех мрачных ужасов зимы»¹¹. В общем-то, «Письмо к Издателю» начинается этим же психологическим мотивом: «Искренне скажу тебе, что я обрадовался намерению твоему издавать Журнал для России, в такое время, когда сердца наши, под кротким и благодетельным правлением юного Монарха, покойны и веселы»¹². Если «Вестник Европы» действительно издавался Карамзиным в духе этого настроения, то следует ожидать от его выборки как минимум воодушевленную активность, а как максимум — реализацию некоторого замысла, определяемого в духе просветительской задачи. Таким образом, «Вестник Европы» здесь становится историческим документом не только эпохи, веяний времени, авторства, но и, следуя фокусу нашего исследования, документом философии, всё более проникающей в русскую литературную реальность. Мы не можем утверждать мысль, согласно которой Карамзин *нарочито* складывал номера «ВЕ» исходя из конкретного философского учения или с целью пропаганды конкретных философских взглядов. «Перспектива из Карамзина» демонстрирует простой факт: *некоторые знания о философии русский читатель получил благодаря «Вестнику Европы»*.

⁹ Так А. Коире, чётко не определяя временных рамок, хотя, текстуально относя следующую характеристику к периоду подготовки «Истории государства российского», пишет: «Национальная реакция, на глазах превращающаяся в реакционный национализм, в лице Карамзина нашла себе глашатая совсем иного размаха. Глинка со своими детскими восторгами, наивным воображением, невежеством в области истории был смешон. Карамзина почитали и слушали» (Коире А. Философия и национальная проблема в России начала XIX в. М., 2003. С. 18.).

¹⁰ Погодин М. Николай Михайлович Карамзин: по его сочинениям, письмам и отзывам современников: материалы для биографии. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1866. С. 318.

¹¹ Там же. С. 318–319.

¹² ВЕ. М., 1802. Ч. I. № 1 (Январь). С. 3.

Сосредоточившись на стандартной работе историка, а именно обзоре и демонстрации искомым предметом в их очевидности и взаимосвязи на страницах «Вестника Европы» 1802 г., следует задаться вопросом: какой статус здесь имеет «перспектива из Карамзина» в практическом отношении? Для начала нужно выяснить перечень упоминаемых философов; их композиционную роль; аспекты их презентации в пределах статей и выпусков за очерченный период; частоту упоминаний и рисуемый характер; их связь со словом «философия» и производными от него, далеко не всегда сопутствующего конкретным персонам философии; образы философии, конструируемые суммой выше перечисленного. Но какова роль Карамзина? Здесь исследователя встречают новые *синтетические* трудности, обойти вниманием которые возможно лишь по легкомыслию.

«ВЕ» насыщен переведённой литературой, написанной в определённых времени и месте, на определённом языке (на немецком, французском, английском, итальянском). На страницы «ВЕ» эти сочинения попали, если верить Карамзину, исходя из принципа извлечения замечательных статей из лучших европейских журналов. Обозначенная «перспектива из Карамзина» подразумевает, что этот отбор происходил под формой литературных вкусов и приверженности некоторым идеям или смыслам, исходящим от самого Карамзина как редактора и автора. Однако, это не означает, что содержание избранных статей *автоматически* солидаризируется с фигурой Карамзина как мыслителя. «Пересаженный цветок», а точнее целый цветник, каковым выступает здесь корпус текстов, входящих в границы «ВЕ» 1802 г. представляет собой феномен. Исключая из внимания к этому цветнику немногочисленные тексты, принадлежащие Карамзину, теоретически разумно ставить вопрос: *становятся ли переведенные на русский язык для «ВЕ» тексты феноменом именно русской литературы?* Если да, то какое место они занимают или должны занимать в каноне русской литературы? Если да, то какое место они занимали в литературном круге 1800-х и позже? Если да, *принадлежат ли* они Карамзину? Если да, то в каком объёме поиск фигур философии и её образа на страницах «ВЕ» теоретически релевантен не только с точки зрения обзора и представления современнику, ввода в научный оборот такой исследовательской задачи, но и с точки зрения расширения наших знаний в области истории русской философии? При прочих равных такое исследование зачинает в лучшем случае аналитику и демонстрацию с целью показать жизнь философов и философии на страницах «ВЕ». Од-

нако, учитывая специфику переведенных текстов именно как переводов, получается, что исследуется не «ВЕ», а эти тексты, которые исходно публиковались в других литературных реальностях¹³. Строго говоря, возникает мысль, что следует отказаться от исследования «ВЕ» времен Карамзина в контексте разыскания в нем философов и философии — справедливее будет отыскать оригиналы и сосредоточиться на прояснении фундирующих их контекстов. Более того, журнал, если взглянуть на него с точки зрения временности, оказывается ненадёжным в отношении завершённого, реализованного замысла — как правило, создатели какого-либо журнала не знают, когда нужда в его издании исчезнет. Ньюансом этой «журнальной реальности» оказывается впечатление, согласно которому, многообразие номеров журнала имеет начало и конец — ото дня ко дню, хотя бы от месяца к месяцу — в эту ловушку рискует попасть поспешный историк. Между тем, это впечатление ошибочно уже потому, что создание журнала хотя и допускает долгосрочное планирование (политика редакции, редакционная этика), однако никогда не допускает образ или содержание последнего номера/выпуска — будь это возможно, ум литератора, сосредоточенный на эстетике соразмерности, сумел бы сообразовать номера/выпуски журнала согласно преодолевающему временные рамки замыслу/смысловому порядку. Мы видим, что Карамзин имел некий замысел. Отбрасывая перечисленные преграды, следует предположить, что представленное исследование может логически предпослать *согласие* с «перспективой из Карамзина» — иными словами, данное исследование следует рассматривать в духе расширения наших знаний хотя бы о философской реальности, занимающей Карамзина. Таким образом, исследование должно предполагать аспект аналитики, традиционно обозначаемый фразой «отследить творческую эволюцию автора» — это допустимо уже потому, что первые два года жизни «ВЕ» всецело принадлежат замыслу Карамзина, его переводческому навыку, его писательскому мастерству. Трудность, порождаемая неустранимой гранью оригинала и перевода, не всегда была столь прочна, как принято считать сегодня — исследователи литературы регулярно с ней сталкиваются¹⁴.

¹³ Подлинники, из которых Карамзин черпал объекты перевода хорошо известны — см.: Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803 гг.) // XVIII век. СПб., 1991. С. 249–283.

¹⁴ Так, например, Андрей Николаевич Егунов (1895–1968), исследуя «греческий роман» Александра Петровича Сумарокова (1717–1777) «Исмений и Исме-

«ВЕ» был адресован и столичному, и провинциальному дворянству — такова его аудитория. Это первый в истории России журнал, где, помимо раздела «Литература и смесь», присутствовал раздел «Политика». Тексты, помещенные в «ВЕ» призваны разносторонне освещать актуальную европейскую реальность — в целях осведомления и формирования русского литературного языка. Согласно Карамзину, сочинения, помещённые в «ВЕ», должны способствовать развитию литературы — «искусства, прославляющего государство». Если текст пишется среди прочего для того, чтобы кто-то этот текст прочитал, то отсюда с очевидностью вытекает, что прочитанный текст не проходит мимо прочитавшего, но некоторым образом воздействует, то есть производит впечатления и знания, закрепляясь в памяти — Карамзин рассчитывал, что подобранные, а также написанные им сочинения не пройдут мимо дворянства, «всей русской публики». Тексты, содержащиеся в «ВЕ» 1802 г. за исключением двух принципиально не философские, т. е. они не ставят исследовательских задач, не имеют формы трактата, не обращаются к знатокам философии. В этом логическом отношении можно предположить, что они не входят в историю философии — за ними не стоит автора-философа. Тем не менее, философы и философия, их производные, присутствуют на страницах «ВЕ» в разносторонних, подчас неожиданных контекстах. Следовательно, читатели «ВЕ» узнавали кое-что о философах и философии в представленных содержательных характеристиках — «ВЕ» служил «мягкой», дополнительной силой, вносящей философские идеи и образы в русскую литературу. Источником этих идей была «Европа». Литературный факт строг: без «Вестника Европы» за редакторской рукой Карамзина в России было бы *меньше* знаний о философии.

ния», формально подражающий «Повести об Исминии и Исмине» Евматия Макремволита (XII в.), пишет: «Читателю, искавшему в повествовательной литературе занимательности, не было дела до того, что перед ним: подлинно ли древний роман, адаптация ли или же вольные вариации на условно греческом материале. Для авторов же было иной раз удобно — или модно — прикрыться авторитетом античности, сославшись на якобы найденные древние рукописи или проставив на титульном листе обозначение «греческий роман». Все это осложнялось еще господствовавшими тогда понятиями о полномочиях переводчика, что приводило к тому, что зыбкой становилась граница между оригинальной и переводной литературой» (См.: Егунов А. Н. «Исмений и Исмена», греческий роман Сумарокова // Международные связи русской литературы / под ред. М. П. Алексева. М.; Л., 1963. С. 136–137).

Таким образом, следует поставить еще один, более широкий вопрос: *входят ли упоминания философов и философии в историю философии феноменально?* Эта формулировка либо провокативна, либо ошибочна — в самом деле, схожим образом можно спросить: входят ли упоминания литературы и литераторов в историю литературы? Здесь исследовательская мысль погружается в туман мелочей, случайных или не случайных репрезентаций фигур и образов, наполняющих письменное наследие человечества. Нужно сказать, что не всякое сочинение или собрание сочинений носят строго философский характер, при этом философы и философия *почему-то* присутствуют в сочинениях, составляют горизонт причастных к философии феноменов. В конце концов, исходный вопрос следует дополнить, расширив его платформу суждением: *почему-то философы и философия присутствуют, почему-то упоминаются, привлекают внимание, находясь не в исторически привычной форме философского сочинения, но в журнале.* Отбросив всё сказанное еще раз, следует указать на принципиальное: читатели журнала, часто не имея под рукой сочинения именитых философов, не будучи студентами университета, где философия преподается, не зная ни одного *национального* философа получали данные о философах и философии, открывая свежий выпуск «ВЕ». Учитывая это, следует отнестись к «ВЕ» исторически — за отсутствием вышперечисленных, сегодня уже привычных, т. е. обретенных в российском обществе разнообразных возможностей обращаться к философии на родном языке, философы и философия присутствовали в русской реальности на русском языке посредством выпусков «ВЕ», освещенных «перспективой из Карамзина».

Философские феномены здесь разнообразны. В основном, в «ВЕ» 1802–1803 гг. присутствуют следующие типы: 1) Персоналии, то есть философы, занимающие центральное значение в тексте; 1.1.) философы, упоминаемые вскользь, иногда с краткой характеристикой; 2) эпохи, периоды, зонтичные понятия, известные науке с историко-философской точки зрения («Древние», «Просвещение», «Моралисты» и др.); 3) существительное «философ», глагол «философствовать», прилагательное «философский» и их грамматические производные, применяемые к личностям и ситуациям; 4) характеристики философии в настоящем времени; 5) философские сочинения.

Таким образом, мы предпринимаем попытку зафиксировать все упоминания философии и философов на страницах «ВЕ», включая на первый взгляд непримечательные. Выпуски «ВЕ» представляют

ся нами в хронологической последовательности. Каждый выпуск исследуется на предмет наличия в нем философов и философии, форм и характеристик последней. Сочинения, содержащиеся в «ВЕ», также преподносятся в порядке расположения в выпусках, последовательно. Тексты, в которых упоминания философов и философии напрочь отсутствуют, опускаются. Упоминания, подпадающие под типы 1.1) и 3) передаются по возможности полно, но комментируются по эвристической необходимости. Более развернутые комментарии сопровождают остальные пункты. Основная задача носит демонстративный характер — здесь важно не упустить, как может показаться, мелкие или излишние упоминания философии и философов. Выпуски «ВЕ» выделены жирным шрифтом. Для поискового удобства названия статей выделены курсивом, заключены в кавычки.

ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 1. (Январь)

В «*Письме к издателю*»¹⁵ Карамзин перечисляет представителей общества, которые желают просвещения путём «чтения книг»¹⁶; испытывают нужду в знаниях и «новых, лучших идеях». Так европейские монархи «считают за долг и славу быть покровителями учения», «министры стараются слогом своим угождать вкусу просвещённых людей», «придворный хочет слыть любителем литературы», «судья читает и стыдится прежде непонятого языка Фемиды», а молодой светский человек «желает иметь знания, чтобы говорить с приятностью в обществе, и даже при случае философствовать». Таким образом, способность философствовать впервые здесь относится к светскому миру — важно, что наращиванию этой способности служит принципиально нефилософская, журнальная литература. Показательно, что в связи с господствующим в обществе запросом на добротную литературу Карамзин не упоминает ни одну науку.

В «*Альцибаде к Периклу*»¹⁷ встречаются фигуры Сократа и Перикла. Сократ наставляет Альцибада «мудрыми словами», «ставит в образец» Перикла, представляет собой героическую проти-

¹⁵ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 1. (Январь). С. 1–8.

¹⁶ Здесь и далее до след. сноски: с. 4.

¹⁷ Там же. С. 9–16.

воположность софистам, чей образ рисуется резко отрицательно. Квинтэссенция конфликтной ситуации между разумом и глупостью, образованностью и невежеством выражена смысловой дискуссией, объектом которой выступает Альцибад. Достаточно привести выдержку: «Но Сократ опять явился, и душа моя воскресла. “Ты видел часть наших софистов”, сказал он мне с улыбкой: “они не любят меня, ибо я люблю правду”»¹⁸.

Читающая «ВЕ» публика получила строгое представление о софистах и философах: софисты здесь утверждают, что «истина и ложь есть только условие»¹⁹ и «бесконечное есть одна мечта». Софисты «отвергают бытие Творца» природы, «проповедают общественность мнений», «именуют себя наставниками рода человеческого; но в самом деле хотят быть его тиранами». В свою очередь, Сократ предлагает «возвратить философии ту честь и славу, которую ложные мудрецы хотели у нее навек похитить» — с этой целью он перечисляет серию атрибутов истинного философа, попутно указывая дополнительные отрицательные черты софиста: «Философ любит человечество и добродетель. Софист только хвалит добродетель и человечество. Философ полагает счастье в том, чтобы служить отечеству, друзьям и родственникам. Софист жертвует родственниками, друзьями и отечеством для утверждения мнений своих. Философ думает, что религии благодетельны, и что в Индии должно обожать Брамму, в Эгбатане Оромацеса, в Финикии Адоная, в Греции Зевса. Софист говорит, что религии вредны, и забывая, в чем они состоят, доказывает только вред грубого суеверия. Философ думает, что быть хорошим гражданином есть быть хорошим отцом, супругом, сыном. Софист утверждает, что патриотизм должен истребить все природные склонности. Часто кричат софисты: погибни мир, но торжествуй система! Философ говорит: если бы все истины были у меня в руке, то я побоялся бы разжать её. Надобно угождать народу, беспрестанно твердят софисты. Надобно сделать его благополучным, говорят философы. Самое лучшее правление, по их мнению, есть то, которого душа есть правосудие или справедливость. По мнению софистов, там везде тиранство, где они не царствуют. Послушай софистов: Перикл — тиран своего отечества! Послушай философов: Перикл есть герой и благодетель народа своего. Послушай софистов: нет вольности без демократии. Послушай

¹⁸ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 1. (Январь). С. 13.

¹⁹ Здесь и далее до след. сноски: с. 14.

философов: нет демократии без смятений. Послушай философов, и ты узнаешь, что свобода, справедливость, мудрость и счастье, как для государств, так и для каждого человека особенно, в своих действиях должны быть различны. Послушай софистов: они скажут тебе, что свобода есть необузданность, справедливость — личная польза, а мудрость — счастливый успех. Таковы главные различия между ними!»²⁰. Тезис философов «нет демократии без смятений» отсылает к буржуазно-революционному опыту Европы — потому неудивительно, что философы, которых характеризует этот Сократ, называют всевластного Перикла «благодетелем народа своего»²¹.

«История французской революции, избранная из латинский писателей»²² свидетельствует «классиков древности», среди которых однажды упоминается Цицерон: «Тацит, Саллюстий, Цицерон, Тит Ливий, Светон, В. Патеркул, Авл Геллий, описывая людей своего времени часто нас изображали»²³. Цицерон здесь упоминается только как историк, о его принадлежности к философии не сказано ни слова. Сходство человеческих судеб в сочинениях этих классиков с судьбами современников Французской Революции названо «истинным пророчеством», которому «надлежало бы привести нас в рассудок и предупредить многие бедствия; ибо здесь видим не легкие случайные подобию, но целые и великие картины, которые между собой сходны для того, что человеческая природа во все времена одинакова»²⁴.

Статья «О просвещении»²⁵ представляет собой краткий отзыв на сочинение «Об успехах просвещения в Европе» Андре-Мари Шенье (1762–1794 гг.), где речь идет о «медленных и трудных» успехах человеческого разума, утверждающегося «с того времени, как сей разум собственными силами начал выходить из варварского невежества <...>»²⁶. Просветительский пафос здесь не избегает упоминания «вечных, неистребимых» познаний, чье развитие актуализировано изобретением книгопечатания. Показательна ха-

²⁰ Там же. С. 14–16.

²¹ Образчик государственного покоя, в Афинах «[Перикл] не менее пятнадцати лет обладал непрерывной, единоличной властью, хотя должность стратега даётся на один год» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. С. 187.).

²² Там же. С. 20–37.

²³ Там же. С. 21.

²⁴ Там же. С. 21.

²⁵ Там же. С. 41–45.

²⁶ Там же. С. 41.

рактеристика «истории ума», представляющей человека «жертвой невежества». Предлагается формально историософская альтернатива: «<...> истина, разум и философия мало по малу истребляют или обессиливают зло, облегчают состояние человека и ведут его к совершенству и счастью»²⁷.

Жан-Батист Поклен, более известный как Мольер обозначен здесь как «поэт-философ, первый живописец человеческих слабостей»²⁸. Блез Паскаль охарактеризован как *утвердитель* французского языка, образчик «в трудном искусстве подчинять слова мыслям»²⁹. Вместе упоминаются Исаак Ньютон и Готфрид Лейбниц — они «изобрели вместе геометрию бесконечного»³⁰. Среди прочего, «Сии два геометра, вместе с базельскими Бернуллиями, ежедневно обогащали математику, в то время, когда Локк, взяв в руку светильник наблюдения, озарил ничтожность мечтательной схоластики, новейшую химеру врождённых идей, утвердил путь, слегка начертанный Бэконом, и разумом изъяснил разум человека»³¹.

Неудивительно, что статья отводит первое место среди деятелей просвещения Вольтеру, «Фернейскому философу»: «Явился Вольтер: Софокл нашел соперника, Корнел и Расин преемника. Но торжество одного рода не могло удовлетворить его чрезвычайного славолубия. Вольтер, ум обширнейший и разнообразнейший не только своего века, но и всех веков, чудесно деятельный и ревностный, ввёл философию в эпопею, в трагедию, в историю, в критику, в романы, в самую лёгкую поэзию. Он употреблял против врагов её то остроумные насмешки Горация, то забавные вымыслы Ариоста; наказывал и поражал их громом славы своей; отвечал на заклинания шутками, на вопль зависти новыми прекрасными творениями, на клевету добродетельными подвигами; обратил к философии все умы, всякое честолюбие; искал ей друзей и помощников при дворах, в царских советах, на тронах; и в течение шестидесяти лет имел на всю Европу такое влияние, которое превосходнее всякого могущества: ибо оно было ничто иное, как общее мнение, единая безраздельная власть в мире»³².

²⁷ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 1. (Январь). С. 41.

²⁸ Там же. С. 42.

²⁹ Там же. С. 42.

³⁰ Там же. С. 42–43.

³¹ Там же. С. 43.

³² Там же. С. 43–44.

В заключение статьи приводится выдержка из некоего «Фридрихова портрета», посвященного Фридриху II Великому, где прусский король назван «другом философов». Отношения Вольтера и просвещенного монарха хорошо исследованы — известно, что Вольтер называл короля Фридриха «северным Соломоном», а тот, в свою очередь, почитал себя «Повелителем Вольтера». По-видимому, именно Карамзину принадлежит сноска на высказывание, где сказано, что «<...> со времен императора Юлиана судьба не возводи- ла на трон такого гения»³³: «А Пётр Великий?»³⁴.

Философ Жан-Жак Руссо вынесен в заглавие следующей крошечной статьи с опечаткой: «Жан-Жан Руссо в Тюльери»³⁵. Здесь живописуется последняя встреча, то есть прощание с «другом природы» — особенно примечательно формально метафорическое, а по замыслу полумистическое описание «Руссо во гробе»: «Гроб поставили на возвышение, и одели голубым сукном, усеянным звёздами. Все глаза на него устремились. Слава великого мужа проникла сквозь мрак смерти и оживляла его. Бесчисленные факелы освещали сие трогательное действие. Слёзы украшали всякое лицо; на всяком видна была — не горечь о кончине друга, но тихая, спокойная надежда на его возвращение»³⁶.

В целом, на этом более или менее конкретные характеристики философов в «ВЕ» от 1802 г. Ч. 1. № 1 заканчиваются. В «Портрете милой женщины»³⁷ речь идёт, собственно, о женщине под псевдонимом N. N., письма которой, «<...>украшенные легким слогом, исполненные чувствительности, философии, могли бы занять место в лучших романах»³⁸. В разделе «Политика», в статье Карамзина «Всеобщее обозрение»³⁹ философия упоминается в связи с критикой революции: «Амьенский конгресс будет в истории славнее всех Утрехтских и Ахенских конгрессов: с него начинается новая эпоха не только для политики, но и для самого человечества. По крайней мере истинная философия ожидает хотя сего единственного счастливого действия ужасной революции, которая останется пятном восемнадцатого века, слишком рано на-

³³ Там же. С. 44.

³⁴ Там же. С. 44.

³⁵ Там же. С. 45–47.

³⁶ Там же. С. 46–47.

³⁷ Там же. С. 55–59.

³⁸ Там же. С. 56.

³⁹ Там же. С. 66–84.

званного философским»⁴⁰. Следует здесь указать текст из следующего номера «ВЕ», а именно «Речь депутатов французского законодательного Совета, в ответ на обнаруженную ими картину Республики»⁴¹, в котором революция прославляется⁴².

ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 2. (Январь)

Если первый номер «ВЕ» открывался фигурами классической эллинской древности — Периклом и Сократом, а также софистами, то второй номер переносит читателя в Индостан, в пространство индийской социальной реальности, где так же, как и на Западе присутствуют истина, философы и нечестивцы.

Сочинение «Истина: индейская сказка»⁴³ зачинается просто: некий Факир «<...> шёл по лугу, смотря на конец своего носа. Вдруг земля под ногами его издала звук, и Факир сказал: “В этом месте есть пустота, а может и клад; если найду его, то решусь быть совестным человеком”»⁴⁴. Нельзя не заметить стилистическое сходство между хрестоматийным для истории европейской литературы «уродливым», чурающимся богатства Сократом, посвятившим свою жизнь поиску истины и Факиром, сосредоточенным на созерцании внутренней жизни («смотрящий на конец своего носа»), ищущим и нашедшим «истину» там, где её никто не стал бы искать. В самом деле: следуя тексту, Факир, не найдя клада в колодце обнаружил истину. Обратившись к ней: «О ты, прелестнейшая из всех дочерей Браммы!»⁴⁵, он увидел, что она «молода и прекрасна». Не выдержав её присутствия, Факир убежал. Подобно платоновскому Сократу, то входящему в город, то выходящему, Истина направляется в некий индийский город. «Видя Истину, стихотворцы говорили: “как она суха!”, купцы: “как глупа!”, Султанши: “как нескромна!”, евнухи: “как печальна!”. Никому из них она не полюбилась». Истина не только не приглянулась перечисленным представителям города, но и бросила своего рода вызов правящему Султану, запретившему под страхом смертной

⁴⁰ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 1. (Январь). С. 83.

⁴¹ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 2 (Январь). С. 66–69.

⁴² «И так 13 лет революции не пропали для друзей человечества! Они наследуют плоды трудов своих, наслаждаясь правами и ревностно исполняя обязанности<...>» (Там же. С. 67).

⁴³ Там же. С. 1–7.

⁴⁴ Там же. С. 1.

⁴⁵ Здесь и далее до след. сноски: с. 2.

казни что-либо говорить о носе великой Султанши, сказав: «Какая странность! <...> у любимой Султанши кривой нос!»⁴⁶. Второй комической сценой в рассказе выступает ситуация, когда пригласивший Истину к себе в дом журналист, «который в еженедельных листах своих с великим жаром и красноречием хвалил всех богатых и знатных людей», рассчитывает в прежнем порядке продолжить свою работу: «Бедный человек с утра до вечера трудился над журналом: что же? Истина, не говоря ни слова, смотрела на бумагу, и при конце каждой страницы смарывала всё написанное. Прошёл месяц: не вышло ни листочка. Визирь рассердился, призвал журналиста, и велел бедняку дать сто ударов палкой, дозволив ему оправдываться»⁴⁷. Следующим, кто рассчитывал использовать Истину в целях «поразить ею своих неприятелей»⁴⁸ был некий вельможа. Истина здесь называется «нескромной красавицей» — не желая встречи султана с такой распутницей вельможа приказал эмирам убить её: «Четыре эмира взяли и с великой учтивостью задушили Истину шелковыми подушками. <...> Многие люди считают Истину мертвой, потому что они задушили её; но это ничто иное, как заблуждение. Она всегда на чистом воздухе оживает <...>»⁴⁹. Своё пренебрежение к человеческому знанию Истина продемонстрировала нечаянным сожжением библиотеки, «<...> где брамины уже 5 000 лет копили ум человеческий»⁵⁰ — в результате, она объявляется в розыск, «<...> ибо индийские судьи крайне не любят бедной Истины». В конце концов, Истине удаётся покинуть город. Подобно Сократу, хотя и в более радикальном изводе, она выступает в рассказе возмутительницей и разрушительницей обществственных отношений в городе, государстве в миниатюре. За пределами города она входит в маленький домик, где встречает философа Пильпая — первого на её пути человека, которому искренность Истины «любезна», при этом живущего в уединении, вне города. Пильпай предлагает Истине вселиться в чучело (куклу), с целью «преобразиться», скрыться от преследователей и обрести способность «говорить, сколько тебе угодно»⁵¹. Эта магическая сцена загадочна, что не мешает пояснить её задачу: вселив-

⁴⁶ Здесь и далее до след. сноски: с. 3.

⁴⁷ Там же. С. 3–4.

⁴⁸ Здесь и далее до след. сноски: с. 4.

⁴⁹ Там же. С. 4–5.

⁵⁰ Здесь и далее до след. сноски: с. 5.

⁵¹ Там же. С. 6.

шись в куклу, истина сумеет «сказать самому Визирю, что он употребляет во зло доверенность Султана», то есть привести к смене правящей власти, что и происходит: «Гений философа, воспалённый её ревностью, озарил умы в Индостане. Визиря сменили, и Пильпай занял его место. Он дожид до глубокой старости, наслаждаясь любовью сердец< ... >»⁵². Таким образом, фабула этого рассказа или *басни* демонстрирует читателю: 1) нечаянное обнаружение истины; 2) её чуждость, даже вредоносность господствующему общественному порядку; 3) её родство с уединённым философом; 4) который, приобретя её в союзники хотя и не становится «господином всех», то есть Султаном, но занимает должность его советника, то есть визиря. Мораль, заключающая повествование указывает на исключительность фигуры философа, способного воспринять истину и вместе с этим зависимую от философа переходящую истину — некие «честолюбивые захотели, чтобы философы разделили с ними славу *басни* и наследство Пильпая; но Истина, видя их намерение, осталась в творениях мудрецов, а других предала судьбе и безумному их воображению»⁵³. В финале приводится различение баснописцев («сочинителей басен»), напоминающее схожее различение философов и софистов в «Альцибаде к Периклу» из первого номера на два рода: «< ... >одни хотят учить дружески, а другие тиранствовать. Объявляя их особенные признаки, мы оказываем человечеству важную услугу. Одни громогласно зовут к себе народ, и с высокого места кричат: “Рабы и невежды! Внимайте Истине; верьте — или вы злодеи!”. Другие тихим голосом и с покойным видом говорят страннику: “добрый человек! Если ты веселого нрава, то посмейся с нами; мы расскажем тебе *басню*”»⁵⁴.

«*Письмо из Парижа*»⁵⁵ упоминает философию лишь однажды. Установить точное авторство представленных лиц пока не удалось: если верить тексту, некий «бывший» маркиз Бонналь⁵⁶ написал сочинение «*о разводе, следственно против развода*», а «тот человек, который едва ли не всех лучше пишет ныне по-французски», отзываясь на сочинение заметил, что «Мысли автора принадлежат к высочайшей философии; логика его разительна, а в по-

⁵² ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 2 (Январь). С. 6–7.

⁵³ Там же. С. 7.

⁵⁴ Там же. С. 7.

⁵⁵ Там же. С. 28–35.

⁵⁶ Там же до след. сноски: с. 34.

следних главах он торжествует красноречием, опровергая развод умом и чувствительностью».

Статья «Странность»⁵⁷ сетует на пансион для русских молодых дворян, открытый одним жившим некоторое время в России французом (N. N.) близ Парижа — это учреждение должно было принимать на воспитание русских дворянских детей. Многократно аргументировав невозможность настоящему родителю отдать ребенка на воспитание за рубеж, автор замечает: «Положим, что все европейские народы с некоторого времени сближаются между собою характером; но различие всё еще велико, и навсегда останется в свойствах, обычаях и нравах, происходящих от климата, образа правления, судьбы наших предков и других причин, ещё неизъяснённых философи»⁵⁸.

Без труда распознаваемая косвенная отсылка на сочинение Макиавелли «Государь» встречается в «Новом монументе Вергилия: письмо из Мантуи от 22 октября 1801»⁵⁹. Текст посвящён открытию медного бюста Вергилию, а также некоторым препятствиям, затруднявшим окончательную установку монумента (напр., «Монумент был уже почти готов, когда известные несчастья привели к нам австрийцев, которые, ненавидя всё республиканское, изъявили мщение своё и на сем монументе»⁶⁰. Ошибочно отмеченная дата в 13 октября ознаменовала открытие монумента, происходившее «<...> среди радостных восклицаний народа, в присутствии всех чиновников и гарнизона французского»⁶¹. «При сем торжественном случае науки и музы заплатили дань свою Вергилию произведениями, его достойными и доказывающими, что счастливый климат Италии мог бы во всякое время украшаться великими талантами, есть ли бы обстоятельства не мешали им развиваться, и если бы исполнилось желание Макиавелли⁶², вы-

⁵⁷ Там же. С. 52–57.

⁵⁸ Там же. С. 55.

⁵⁹ Там же. С. 58–60.

⁶⁰ Там же. С. 59.

⁶¹ Там же. С. 59–60.

⁶² «Желание Макиавелли» здесь отсылает к главе XXVI знаменитого политического трактата «Государь». Заглавие в одних изданиях гласит: «Esortazione a liberare l'Italia da' barbari», а в других: «Esortazione a prendere l'Italia e a liberarla dai barbari» — первое переводится Курочкиным (1869) как «Воззвание о необходимости освобождения Италии от варваров», а второе в уже советском переводе Муравьёвой (1982) «Призыв овладеть Италией и освободить её из рук варваров». См. подр.: Юсим, М. А. Абсолютизм и вольность. Русские переводы «Государя» Макиавелли и «Антимакиавелли» Фридриха Второго // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 3–8.

раженное Монти: “No quel bel giardino di Natura, / No poi barbarò nonè”⁶³.

«Объявление от имени первого консула⁶⁴ в Законодательный Совет»⁶⁵ упоминает «истинные правила философии», которых придерживается французский народ в отношении «всех родов правлений».

«Письмо из Соединённых Американских Областей»⁶⁶ посвящает пристальное внимание фигуре редко встречаемого в историко-философском каноне философа, более известного как третьего президента США Томаса Джефферсона: «Он (Джефферсон, прим. авт.) все важные должности поручает людям, удостоенным общего почтения; людям, чья способность изведена опытом в низших должностях, и которые в республиканском патриотизме своем никогда не искали для себя выгод. Сей философ, известный в Европе своими творениями о земледелии и ботанике, знает столь же хорошо и человеческое сердце, умея избирать в орудие государственного блага не хитрых, а добрых; ибо он уверен, что разум и самые истинные таланты должны быть удаляемы от правления, как скоро они не соединены с хорошей нравственностью и с душой твёрдой»⁶⁷.

ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 3. (ФЕВРАЛЬ)

Статья «Новая политика»⁶⁸ открывается цитатой из первого послания Горация: «Ó civés, civés, quaerénda pecúnia primum (e)st, Virtus póst nummós»⁶⁹. Постулируя правило «новых полити-

⁶³ ВЕ. 1802. Ч. 1. № 2 (Янв.). Москва. С. 60. Перевод в сноске: «Нет, сей прекрасный сад природы не есть жилище варваров». Выдержка взята из песни «За освобождение Италии» («Per la liberazione dell'Italia», 1800 г.), принадлежащей певру Винченцо Монти. Трудно установить, почему в тексте «Нового монумента Вергилия» лексически и грамматически выдержка представлена именно таким образом, ведь собрания сочинений, а также отдельные издания Монти предлагают другую версию: см. напр.: «Il giardino di natura, / No, pei barbari non e» (Poesie di Vincenzo Monti. Scelte illustrate e commentate da Alfonso Bertoldi. In Firenze. G. C. Sansoni, editore, 1891, p. 126.).

⁶⁴ Т. е. Наполеона Бонапарта.

⁶⁵ Там же. Здесь и далее до след. сноски: с. 70.

⁶⁶ Там же. С. 75–77.

⁶⁷ Там же. С. 75.

⁶⁸ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 3 (Февраль). С. 1–7.

⁶⁹ Там же. С. 1. В переводе Гинцбурга: «Граждане, граждане! Прежде всего деньгу наживайте: / доблесть — дело десятое!» (Квинт Гораций Флакк. Послания, I, I, 52–53 / Оды, эподы, сатиры, послания. М., 1970. С. 322.

ков»⁷⁰, заключающееся в принципе «сперва деньги, а потом добродетель!», текст переходит к осуждению «древних законодателей» и философов, чьи порядки основывались на «трудной и печальной системе терпения». «Не все ли древние философы, поэты, историки, ораторы, вооружаются против роскоши и богатства? Что слово, то сатира на торговлю». Здесь впервые в истории «ВЕ» упоминается Платон, Ликург Спартанский, а также софисты, совместно уничижающие человеческую природу: «Платон между прочим был такой фанатик нравов и добродетели, что он запретил строить города на реках или на море, боясь, чтобы жители, от стечения торговых людей, не заразились чуждыми пороками. Любовь к удовольствиям казалась ему язвой. Он хотел, чтобы народы жили врозь, а города были монастырями. Ликург, будучи еще строже и неумереннее Платона, вздумал такую химеру превратить в существенность. Он сделал из Лакедемона обитель воинственных монахов, которые всякий день мучили себя, чтобы после храбро драться, и всякий день постились, чтобы сносить голод в походах. Одним словом, все древние законодатели соглашались в том, что надобно род человеческий держать в руках, теснить, мучить, и весь мир обратить в Фивскую пустыню. Такие странные, латрапские мысли украшались высокопарным суемудрием; бесстыдные софисты хотели даже уверить нас, что всё это делается для нашей пользы»⁷¹. Эти эпитеты не окончательны. «Желая в двух словах вместить всё их учение», автор статьи называет вышеперечисленных древних «самовольными образователями»⁷² и «политическими янсенистами».

Философия здесь оказывается силой прогрессирующего общества, правда, без указания пункта назначения: «Философия и дальнейший успехи человеческих знаний открыли нам таинство соединять веселья с делами, роскошь с силою и дурные нравы с великими подвигами. Мы свергнули с себя иго старинных моралистов, и новыми системами доказали ложь их мудрости»⁷³.

⁷⁰ Там же. Здесь и далее до след. сноски: с. 1.

⁷¹ Там же. С. 2; «Латрапские мысли» отсылают к Латрапскому монастырю, отличавшемуся строгим монашеским уставом. Карамзин упоминает его уже в № 6, в сочинении «Моя исповедь»: «Влюблённость — извините новое слово: оно выражает вещь — влюблённость, говорю, есть самое благодетельное изобретение для света, который без неё походил бы на монастырь Латрапский» (ВЕ. 1802. Ч. 2. № 6 (Март.). Москва. С. 154.).

⁷² Там же. Здесь и далее до след. сноски: с. 3.

⁷³ Там же. С. 4.

Если первые три страницы, то есть почти половина статьи выражены в духе пускай и наивно-литературной, но всё же доходчивой критики, то следующие страницы вынуждают усомниться в прямолинейности писателя — здесь речь ведется уже саркастически, путём элегантногo высмеивания «новой политики». Тогда становится ясной сноска в заглавии текста: «Насмешка над французской политикой»⁷⁴. Перечисляются перемены, пришедшие на смену учениям морали: «<...>доходы стоят теперь наряду с добродетелями; торг занял место нравов; справедливость, бескорыстие, бережливость, обратились в ничтожество от расчетов корысти; <...> все механические искусства, все науки истощаются для новых средств защиты или истребления людей; все, одаренные великим умом, наперерыв стараются украсить жизнь, умножить число приятностей и наслаждений. <...> Литература, которая питала некогда дух и сердце, стала одной забавой и приятным обманом. На что нам язык греков и римлян, когда у нас совсем другие идеи, другие нравы и правила? Счет и мера составляют нашу энциклопедию; искусства, полезные для войны и торговли, должны быть единственным предметом нашего воспитания»⁷⁵. Следует заметить, что этот текст нуждается в специальном исследовании — по крайней мере, на его основе возможно развернуть вопросы о смешении жанров и идейных взаимопроникновениях.

Философы здесь упоминаются еще дважды: 1) «совет древних философов» состоит в том, чтобы «быть добродетельными, пожертвовать своему Отечеству своими прихотями и питаться единственно произведениями нашей земли»⁷⁶; 2) «<...>и не даром вся философия состоит теперь в коммерции. Трактаты о воздержании, бескорыстии, умеренности в жизни, и сатиры на роскошь, на забавы и сластолюбие, будут теперь не кстати, смешны и даже противны благу общества»⁷⁷.

«Когда он возвратится?»⁷⁸. В этой повести вновь возникает образ уединенного философа. Описывая беседку близ Парижа, герой характеризует её так: «Старик лет семидесяти-пяти, пожилая женщина и собака живут одни в сем философском домике»⁷⁹.

⁷⁴ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 3 (Февраль). С. 1.

⁷⁵ Там же. С. 5.

⁷⁶ Там же. С. 6.

⁷⁷ Там же. С. 7.

⁷⁸ Там же. С. 7–13.

⁷⁹ Там же. С. 8.

Дверцу этой беседки украшает надпись: «Gratias tibi ago, fortuna, quae me cogis philosophari»⁸⁰. Хозяин беседки живёт «по строгим правилам Пифагора»⁸¹, а подле домика «<...> философ разводит свои любимые растения».

«О диком человеке в Париже»⁸². Здесь имплицитно присутствует отсылка к идее *bon sauvage*, благородного или доброго дикаря, клиширующей антропологию эпохи Просвещения. Найденный в Каннских лесах «дикий мальчик» оказался «деревянным», то есть не способным к разговорам, слуху и зрению (судя по контексту, психологически). Философы, придерживающиеся «духа системы»⁸³ «рассердились, что дикий человек столь глуп и непривлекателен, и бытием своим опровергает их гипотезу»⁸⁴. «Дикому найдёнышу» диагностировали природное безумие, «Но другие осторожные философы не хотели согласиться на такой жестокий приговор, думая, что одни моральные причины, без всякого физического недостатка, могли произвести действие безумия<...>»⁸⁵. В этом тексте философия привлекается в медицинских целях: «Они (т. е. философы. — Прим. моё) означили и лучшую методику для успеха и следуя Локку, Кондильяку, Боннету, говорили, что прежде соображения идей в голове дикого, надлежит произвести их<...>»⁸⁶. Надежда философов была исполнена «искусным медиком природно-глухих и немых, гражданином Итаром»⁸⁷. Далее в тексте описывается процесс лечения и успех. Текст принадлежит Жозефу-Мари-Дежерандо, чьё сочинение «О нравственном усовершенствовании человека во всех возрастах» увидело свет на русском языке только в 1828 г. — сам Дежерандо в сноске указан как «метафизик»⁸⁸.

⁸⁰ «Благодарю тебя я, фортуна, что (в значении «которая») заставляет меня философствовать».

⁸¹ Здесь и далее до след. сноски: с. 9.

⁸² Там же. С. 14–19.

⁸³ Т. е. систематической философии, описывающей весь мир из некоторых основоположений.

⁸⁴ Там же. С. 14.

⁸⁵ Там же. С. 15.

⁸⁶ Там же. С. 16.

⁸⁷ Имеется в виду реальная личность — речь идет о французском враче Жане-Марке-Гаспаре Итаре (1774–1838 г.), известном как воспитателе «Аверонского дикаря», найденного мальчиком и умершем в Париже в 1828 г.

⁸⁸ Там же. С. 19.

«Вольтер и Лекен»⁸⁹ всецело посвящен описанию отношений Вольтера и Анри-Луи Лекена. Сколь-нибудь явное философское содержание отсутствует.

«Новые сочинения госпожи Неккер»⁹⁰. Здесь однажды упоминается Вольтер: «Когда Вольтер умер, г. Коле сказал: *теперь мы опять республиканцы!*»⁹¹. Упоминается и друг Вольтера, а именно Жан-Франсуа Мармонтель⁹², известный как философ и драматург. Примечательно помещение в один контекст Сенеки и Дидро: «Шатлю говорил о Сенекиной жизни, Дидро в своем⁹³ сочинении: это пьяные фразы, которые без памяти бегут одна за другой»⁹⁴.

«Речь государственного советника Порталиса»⁹⁵ указывает на затруднение, возникшее благодаря вниманию философов к «науке закона» (т. е. к праву): в то время, когда философы не интересовались этой наукой «<...> законодательство могло свободно во всем ошибаться»⁹⁶, и потому это внимание расценивается хотя и положительно, но с замечанием новой угрозы, поскольку «<...> теперь ученые хотят метафизику свою сообщить гражданскому уставу, и законодатель беспрестанно должен сражаться с системами. Мы (т. е. Порталис. — Прим. моё) обязаны были в плане своем не раболепствовать ни духу систематическому, который хочет всё разрушить, ни духу суеверия, рабства и лени, который хочет всё сохранить»⁹⁷. Это не первый раз, когда «дух системы» в «ВЕ» ассоциирован негативно с приносящей вред прогрессу тенденцией мысли — в этом случае с тенденцией разрушения. В предыдущем упомянутом нами случае⁹⁸ «дух системы» обозначал закостенелость. Здесь же вновь возникает фигура короля-философа Фридриха II, который «<...> в уложении своем соединил только методически разные правила, которые мы от римлян наследовали, и которые просветили Европу»⁹⁹. Возможно,

⁸⁹ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 3 (Февраль). С. 29–33.

⁹⁰ Там же. С. 46–49. Неккер — рожденная фамилия баронессы, известной как Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн — писательницы, публициста, одной из влиятельнейших издательниц во Франции времен Просвещения.

⁹¹ Там же. С. 47.

⁹² Там же. С. 48.

⁹³ Т. е. о сочинении Дидро.

⁹⁴ Там же. С. 48–49.

⁹⁵ Там же. С. 65–77.

⁹⁶ Там же. С. 68.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ «Дикий человек в Париже». Там же. С. 14–19.

⁹⁹ Там же. С. 70.

советник Порталис в своей речи совершает косвенную отсылку к философскому учению о *ius cosmopolitanum*¹⁰⁰ Иммануила Канта: «Некоторые философы думали, что гражданские права должны быть общие, и что все народы составляют один народ. Сия мысль прекрасна и человеколюбива, но противна любви к отечеству, которого уже нет для гражданина мира»¹⁰¹.

«Письмо из Балтимора» включает незнание философии в реплику, оправдывающую рабство: «Правда, что рабство их (т. е. «американских негров», *Прим. моё*) нимало не ужасно для такого человека, который, родясь в зависимости, не знает никаких мечтательных действий воображения, умозрительной философии и тонкой метафизики»¹⁰².

ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 4. (ФЕВРАЛЬ)

«Какой день или семь женщин: аллегорическая сказка»¹⁰³. Это сочинение повествует о юном человеке Фабрицие, влюбившемся в «пятидесятилетнюю соседку» по имени София. Путь к ней лежал неблизкий, либо через город, либо через поле — отец наставлял Фабрицию идти последним путём, называя город «ужасной пропастью». Фабриций выбрал город — в нем он последовательно поговорил с шестью женщинами: «Модой», «Сластолюбием», «Правосудием», «Завистью», «Подагрой» и «Честолюбием». Затем, он встречает седьмую, «Парку»¹⁰⁴, перерезавшую ножницами «нить» его жизни — Фабриций умер, так и не встретив возлюбленную Софию, которая, в итоге, вышла замуж за «другого осторожного человека», не соблазнившегося «многими предметами». Имя София здесь соотнесено с философией: «Будучи независима и сво-

¹⁰⁰ В трактате «К вечному миру» (1795 г.) Иммануил Кант формулирует постулат: «Все люди, которые имеют возможность влиять друг на друга, должны принадлежать к какому-либо гражданскому устройству». Затем, он демонстрирует три разновидности гражданской принадлежности, о последней из которых сказано: «устройство по праву всемирного гражданства (*ius cosmopolitanum*), поскольку люди и государства, находясь между собой во внешних взаимодействующих отношениях, должны рассматриваться как граждане общечеловеческого государства. Это деление не произвольно, напротив, оно необходимо с точки зрения идеи о вечном мире» (*Кант И. К вечному миру / сочинения : в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966. С. 266*).

¹⁰¹ Там же. С. 74–75.

¹⁰² Там же. С. 88.

¹⁰³ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 4 (Февраль). С. 1–37.

¹⁰⁴ Рагсае, т. е. богиня судьбы в римской мифологии.

бодна во всех отношениях, она поселилась в сельском домике близ столицы, в тихом, прекрасном уединении, которое могло казаться жилищем философии. София в самом деле любила философию как душу, и называлась почти её именем. Прелестная!»¹⁰⁵. В диалоге со Слостолюбием Фабриций откупается от неё¹⁰⁶ восемью годами своей жизни — это предложение расценивается так: «Восемь лет! Судя по твоей философской осанке, я уверена, что тебе больше и дать нечего. Поди! <...> Вон, вон, философский ученик!»¹⁰⁷.

«О любви к отечеству и народной гордости»¹⁰⁸ представляет собой философическое сочинение Карамзина о патриотизме, который «<...> требует рассуждения — и потому не все люди имеют его»¹⁰⁹. В начале текста предлагаются три типа «любви к отечеству»: физическая, моральная и политическая — первому соответствует очевидное «человек любит место своего рождения и воспитания»¹¹⁰, второму: «<...> любовь к согражданам, или к людям, с которыми мы росли, воспитывались и живем», а третье коренным образом соотносено с «требует рассуждения», поскольку политическая любовь к отечеству выходит за формальные пределы двух предыдущих. «Но физическая и моральная привязанность к отечеству, действие природы и свойств человека, не составляют еще той великой добродетели, которую славил греки и римляне»¹¹¹. Примечательно, что «греки и римляне» квалифицируются в разных текстах «ВЕ» по-разному — в частности, грекам уделяется больше отрицательных характеристик (напр., как мы видели выше, Платону, Ликургу, софистам). Политический идеал Карамзина — республика, возникшая в Риме и странно видеть здесь отсутствие хотя бы одной ассоциативно упоминаемой личности. Такое упоминание позволило бы «разбить» ряд характеристических свойств в отношении «греков и римлян», памятных читателям по предыдущим выпускам, предложив взамен авторитета в делах политического патриотизма. Во всяком случае, даже если Карамзин нечто умалчивает, его позиция по вопросам авторитета предложена дальше: «Мы не имеем нужды

¹⁰⁵ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 4 (Февраль). С. 2.

¹⁰⁶ В тексте Слостолюбие представлено «молодой девицей», «нимфой слостолюбия».

¹⁰⁷ Там же. С. 14.

¹⁰⁸ Там же. С. 56–69.

¹⁰⁹ Там же. С. 59.

¹¹⁰ Там же. С. 56.

¹¹¹ Там же. С. 59.

прибегать к басням и выдумкам, подобно грекам и римлянам, чтобы возвысить наше происхождение; слава была колыбелью народа русского, а победа вестницей бытия его. Римская империя узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили её легионы. <... > К чести твердого русского характера служит то, что Константинополь никогда не мог присвоить себе политического влияния на отечество наше. Князья любили разум и знание греков, но всегда готовы были оружием наказать их за малейшие знаки дерзости»¹¹². «Великая добродетель», упоминаемая Карамзиным есть любовь к отечеству в *собственном* смысле, толкуемая «самой лучшей философией»¹¹³, «которая основывает должности человека на его счастье». Эта философия «<... > скажет нам, что мы должны любить пользу отечества, ибо с ней неразлучна наша собственная; <... > что слава его есть наша слава»¹¹⁴. Политическая любовь к отечеству, в отличие от предыдущих двух типов буквально не аффилирована, хотя, судя по контексту, ей способствует эта «самая лучшая философия».

В дальнейшем Карамзин анализирует сущность русского народа и русской государственности в их связи с другими народами и государствами, путем исторических демонстраций¹¹⁵. Перечисляя достоинства русского народа, «гражданских учреждений», «нашей людскости», Карамзин даёт отпор злопыхателям таким образом: «Завистники русских говорят, что мы имеем только в высшей степени *переимчивость*; но разве она не есть знак превосходного образования души? Сказывают, что учителя Лейбница находили в нем также одну *переимчивость*»¹¹⁶. Регистрируя молодость и успехи русской литературы Карамзин в этой связи упоминает Монтеня: «У французов еще в шестнадцатом веке философствовал и писал Монтень: чудно ли, что они вообще пишут лучше нас?»¹¹⁷.

На этом философские образы в этом номере «ВЕ» оканчиваются. Тем не менее, следует уделить внимание привычному для тех лет помещению рядом морали и политики. «*Способ истребить ни-*

¹¹² Там же. С. 61–62.

¹¹³ Там же. С. 59.

¹¹⁴ Там же. С. 59–60.

¹¹⁵ Не желая останавливаться на этом специально, приведем один пример: «По крайней мере завоеватели наши устрасали восток и запад. Тамерлан, сидя на троне самаркандском, воображал себя царем мира» (ВЕ. 1802. Ч. 1. № 4 (Фев.). Москва. С. 63.).

¹¹⁶ ВЕ. 1802. Ч. 1. № 4 (Фев.). Москва. С. 65.

¹¹⁷ Там же. С. 66.

щету в государстве, предложенный французским консулам»¹¹⁸ хотя не предлагает каких-либо упоминаний философии или философов, однако вскользь замечает эту связь¹¹⁹. Не раз уже упоминаемый в «ВЕ» король-философ Фридрих Великий, согласно представлениям политического просветительства, выступал живым носителем этого синтеза. Эта мысль неоднократно встречается в номерах «ВЕ» на протяжении всего периода редакторства Карамзина — что формально объясняется его тактикой подбора текстов.

ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 5. (МАРТ)

«Роза, или палаты и хижина»¹²⁰ впервые регистрирует светскую философию, противостоящую удовольствиям из «долга благочестия». «Великолепные обряды богослужения возвышают душу поселян и приятно занимают их часы свободные. Большие годовые праздники составляют для них эпохи в жизни. Дети, увенчанные розами, идущие с важностью за служителями алтарей, — отцы и матери, смотрящие на них с душевной радостью; — сельские девушки, которые украшают жертвенник цветами и собираются вместе петь Рождество Христово — имеют такие живые чувства, каких не могут дать сердцу наши светские и по большей части скучные праздники. Новые философы! Знаете ли вы, о чем говорю? Не думаю; но друзья человечества должны знать сию спасительную необходимость его»¹²¹. Впервые встречается характеристика «великий философ», относимая к самоидентификации надменного юноши — одного из персонажей рассказа: «Сей молодой человек, лет двадцати шести, воображал себя великим философом, потому что он знал наизусть несколько выражений Вольтеровых и Дидротовых, и старался следовать в жизни их эпикурейским правилам; сохранил в душе всю надменность не-

¹¹⁸ ВЕ. 1802. Ч. 1. № 4 (Фев.). Москва. С. 83–87.

¹¹⁹ «Связь нравственности с политикой постоянно подчеркивается русскими просветителями (например Н. И. Новиковым). Их объединяет не только то, что они составляют предмет моральной философии в широком смысле. Единство государственной деятельности и стремления к добродетели закрепляется рядом общих для них характеристик. Прежде всего и политика, и добродетель есть вид разумного регулирования жизни, вследствие чего государственная деятельность и может рассматриваться (как в теории полицейского государства) в качестве средства достижения добродетели. (Малинов А. В. Очерки по философии истории в России. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2013. С. 104.

¹²⁰ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 5 (Март). С. 2–38.

¹²¹ Там же. С. 20–21.

мецких баронов, но за то славился презрением ко всем готическим наставлениям морали»¹²².

«Сравнение Дидро с Лафатером»¹²³ носит знаковый характер, учитывая известную переписку Карамзина, начавшуюся, когда ему было ещё 20 лет с Иоганном Каспаром Лафатером¹²⁴. Названный в тексте теологом и теологическим мистиком Лафатер, согласно пронизательному замечанию Эйхенбаума, «глубоко повлиял»¹²⁵ на Карамзина ответом на его вопрос о сосуществовании и взаимном влиянии души и тела — более чем классический вопрос философии — и ответ был таков: «Этого, любезный г. Карамзин, я сам вовсе не понимаю»¹²⁶. Так Лафатер пробудил «первого нашего философа»¹²⁷ и стоит добавить, что Карамзин, всё же, получал и вполне положительные ответы. Так, другой классический вопрос философии засвидетельствован в рубрике «Вопросы Лафатеру, заданные в Цюрихе»: «Какая есть всеобщая цель бытия нашего, равно достижимая для мудрых и слабоумных?»¹²⁸. Это одно из немногих, возможно, единственное место в наследии Карамзина, где вопрос о «бытии» [«нашем»] ставится прямо, учитывая, что перевод этих писем на русский язык принадлежит не Карамзину — перевод был сделан много позже, к 1893 г. Ф. Вальдманом и Я. Гротом. Тем не менее, обращение к оригиналу показывает несколько другой смысл: вместо допустимо ожидаемого «бытия нашего» (немецкие вариации разнообразны), мы видим «Was ist der allgemeiße Zweck der Menschheit <...>?», т. е. «Что есть всеобщая цель человечества <...>?». В письме от 19/VIII 1789 г., переведённом Карамзиным, и, насколько известно автору не сохранившемся в оригинале, Лафатер ответит: «Бытие есть цель бытия. Чув-

¹²² Там же. С. 26–27.

¹²³ Там же. С. 39–41.

¹²⁴ Замечательное, хотя и очень краткое исследование о связях Лафатера и Карамзина существует на русском языке: см.: Бёмиг М. Н. М. Карамзин и физиогномика Лафатера // Н. М. Карамзин: русская и национальные литературы: к 250-летию со дня рождения Н. М. Карамзина : материалы междунар. науч.-практ. конф., 14–16 окт. 2016 г. Ереван : Лусабац, 2016. С. 64–76.

¹²⁵ Эйхенбаум Б. М. Карамзин / О прозе. Л. : Художественная литература : лен. отд., 1969. С. 205–206.

¹²⁶ «Lieber Herr Karamsin davon versteh ich nichts» (нем.).

¹²⁷ Там же. С. 205.

¹²⁸ Карамзин Н. М. Переписка Карамзина с Лафатером. 1786–1790 / Письма русского путешественника. Л. : Наука ; лен. отд., 1984. С. 478.

ство и радость бытия есть цель всего, чего мы искать можем»¹²⁹. Во всяком случае, под «бытием» здесь понимается всё то, что составляет внутреннее и внешнее в человеке, т. е. «наши потребности в средствах и предметах, которые новым образом дают нам почувствовать наше бытие, наши силы, нашу жизнь»¹³⁰.

В тексте упоминается и Платон: «<...> Рафаэль выбрал бы Дидеротову голову для изображения Платоновой, а по Лафатеровой написал бы снова голову любимого ученика Иисуса»¹³¹. Примечательно, что Лафатер здесь вовсе не называется философом — эта честь отведена лишь Дидро: «И теолог и философ думали, что бытие Вышнего Существа и бессмертие души не подлежат действию обыкновенного ума<...>»¹³². Вновь встречается «дух системы»¹³³, регулярно порицаемый на страницах «ВЕ».

«Речь французского министра внутренних дел, произнесённая им в парижском музыкальном училище, при раздаче награждений»¹³⁴ обращена к юношам, получающим музыкальное образование. Патетическая стилистика здесь прославляет музыкальное искусство — примечательно, что в отношении музыки сказано о двух властях: «Чем более власти над сердцами имеет ваше искусство, тем более требует от вас отечество»¹³⁵. Философы упоминаются риторически: «Сия-то любовь к добродетели вознесла древних артистов на степень философов и самых законодателей»¹³⁶.

«О достоинстве древних и новых»¹³⁷ едва упоминает Конфуция: «Хорошо воспитанный немец есть в самом деле гражданин света; одевается как француз, поёт как итальянский кастрат, ленив как испанец, дурачится и спесив как англичанин. Таков он и в религии: Конфуций, Брама, Магомет — для него всё одно. А римляне — какая разница?»¹³⁸.

Поэма «Гимн глупцам»¹³⁹, посвященная типическому различию глупца и мудреца напоминает читателю «ВЕ» образ Сократа

¹²⁹ Там же. С. 479.

¹³⁰ Там же. С. 479.

¹³¹ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 5 (Март). С. 39.

¹³² Там же. С. 40.

¹³³ Там же. С. 40.

¹³⁴ Там же. С. 41–45.

¹³⁵ Там же. С. 45.

¹³⁶ Там же. С. 45.

¹³⁷ Там же, 45–52.

¹³⁸ Там же. С. 48.

¹³⁹ Там же. С. 59–62.

Афинского в «Альцибаде к Периклу», разобранную нами выше: «Когда другой с умом обширным / Прослав философ всемирным, / Вздыхает, чувствуя, сколь он / Еще от цели удалён; / Какими узкими стезями / Нам должно мудрости искать; / Как трудно слабыми очами / Неправду с правдой различать; // Когда Сократ, мудрец славнейший, / Но в славе всех других скромнейший, / Всю жизнь наукам посвятив, / Для них и жизни не щадив, / За тайну людям объявляет, / Что все загадка для него, / И мудрый разве то лишь знает, / Что он — не знает ничего <...>»¹⁴⁰.

«Письмо из Милана»¹⁴¹ упоминает свежий перевод «Рассуждения Канта об изящном», а также «Развалины» Константина Франсуа Вольне (Буажире)¹⁴².

ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 6. (МАРТ)

«Последние дни Лафатеровой жизни»¹⁴³ посвящены прощальному прославлению покойного (2/1 1801 г.). Карамзин снабдил титульную страницу текста сноской, где вспоминается его трехнедельная бытность в гостях у Лафатера в Цюрихе — Карамзин «искренне любил» добродетельного человека, талантливого автора и гостеприимного хозяина, «<...>который за несколько недель до смерти своей еще помнил о нем»¹⁴⁴. Здесь Лафатер вновь не назван философом — что расходится с известным отношением Карамзина к нему. Примечательно упоминание Руссо в контексте идентификации мировоззрения покойного — и практическом употреблении физиогномического метода: «Разговор коснулся до Руссо. Лафатер сказал, что он уважает в нем остроумного и привлекательного автора, но человека-Руссо не любит; что при самом первом взоре он почувствовал отвращение от его лица, и не мог вступить с ним в разговор; что у него никогда не лежало к нему сердце; что в физиогномии Руссо обнаружилась явная склонность ко злу, и что он показал ее на самом де-

¹⁴⁰ Там же. С. 59–60.

¹⁴¹ Там же. С. 79–83.

¹⁴² Вольне (1757–1820) был французским просветителем, писателем и политиком, а также философом. Наряду с Шарлем-Франсуа Дюпюи он был первым или одним из первых в истории Европы ученых, отвергавших реальное существование Христа, подозревая генезис идеи Богочеловека в мифологическом ареале культур Востока.

¹⁴³ ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 6 (Март). С. 95–115.

¹⁴⁴ ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 6 (Март). С. 95/97 («ВЕ», начиная с 5-го номера выходил сборниками — в порядке последовательности это с. 97, а в самом тексте указана с. 95.).

ле, отдав детей своих в воспитательный дом»¹⁴⁵. Карамзин снабжает эту характеристику замечанием, желая оправдать Руссо перед читателем — жёсткое «отвращение от его лица» и «явная склонность ко злу» оттеняется так: «Лафатер не любил Руссо для того, что в характере их разума и авторства не было никакого сходства; а это всегда имеет влияние и на суд о человеке. Лафатер любил добродетель, Руссо также: тот и другой достоин любви и почтения; но тот и другой ошибался во многом»¹⁴⁶. Характеристика «ошибался во многом», отнесенная здесь и к Лафатеру тоже предположительно регистрирует отход Карамзина от его учения. Сотериологический отенок посмертной, вечной жизни, уже встреченный нами в первом номере «ВЕ», т. е. в «Жан-Жак Руссо в Тюльери»¹⁴⁷ присутствует здесь и в отношении Лафатера: «Прощаясь с ним, я был уверен, что ему не долго осталось жить. Он сам это знал, и отвечал при мне одному иностранцу, который надеялся увидеть его через несколько месяцев в лучшем здоровье: *нет, нет! Мы расстаёмся до вечности!* Все были до слез тронуты. Французский аббат, мой знакомец, сказал при сем случае весьма трогательно: *mon cher Lavater*¹⁴⁸, *je vous verrai jamais la derniere fois* (я не увижу вас никогда в последний раз), давая чувствовать, что образ его навеки останется в его сердце»¹⁴⁹.

«Некоторые мысли лучших французских авторов, выбранные из новых сочинений госпожи Неккер»¹⁵⁰ характеризует Жоржа-Луи Леклерк де Бюффона так: «Он учит как Эпикур, а действует как Сократ»¹⁵¹. Мы помним, что фигура Сократа в «ВЕ» характеризуется как исключительно добродетельная — таким же было отношение к Сократу практически во всей европейской литературе того времени. Бюффон не был философом в строгом смысле слова¹⁵², хо-

¹⁴⁵ Там же. С. 108–109.

¹⁴⁶ Там же. С. 109.

¹⁴⁷ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 1 (Янв.). С. 46–47.

¹⁴⁸ «Мой дорогой Лафатер» (*фр.*).

¹⁴⁹ ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 6 (Март). С. 113–114.

¹⁵⁰ Там же, с. 125–134.

¹⁵¹ Там же. С. 125.

¹⁵² В духе эпохи Просвещения, когда философом полагали каждого, кто хотя бы однажды прикасался к философическому сюжету, Бюффона почитали в качестве одного из важнейших философов его времени. (См. напр.: *Duchet Michele. Anthropologic et histoire au Siecle des Lumieres. Buffon. Voltaire. Rousseau. Helvetius. Diderot. Paris, 1971, p. 223–277.*) А. А. Кротов замечает, хотя и очень кратко, что Боссюэ развивал идеи «христианской философии истории», а в этом деле вслед ему шел Жозеф де Местр (*Кротов А. А. Философские воззрения Жака Боссеюэ // Вестник МГУ, сер. 7, философия, 2011. № 6. С. 16–24.*).

тя его монументальное многотомное сочинение «Всеобщая и частная естественная история»¹⁵³, отсылающая к «Естественной истории» Плиния Старшего, характеризовалось как философское. Г. Неккер зафиксировала¹⁵⁴ выдержки из нераспознанного сочинения Бюффона, приведем одну из них: «Слог должен быть верным изображением писателя. Слог Жан-Жака Руссо не хорош единственно тем, что автор часто себе противоречит»¹⁵⁵. Впервые читатель «ВЕ» встречает четкую характеристику Цицерона: «Красноречие не есть гений; оно состоит в живости слога и красоте выражений. Красноречивый Цицерон имел только великие таланты; но Тацит был гений, ибо он приводит в систему все мысли свои»¹⁵⁶. Во всяком случае, в разделе «Бюффон», после прямых цитат, встречается косвенная критика механики Ньютона: «Мильтон есть любимый автор Бюффона. Он предпочитает его Ньютону, говоря, что разум Мильтона обширнее, и что гораздо труднее соединять идеи, для всех людей занимательные, нежели найти одну истину, которая изъясняет феномены природы»¹⁵⁷.

Симптоматичен раздел, посвященный Дидро, от которого «сама натура» «требует излишностей» — здесь прилагаются выдержки, описывающие общение Дидро с императрицей Екатериной II, при чем сам Дидро предстает в лучшем свете, а именно в облике просветителя, облагораживающего политическую власть. Читатель «ВЕ» должен был усвоить величие и Дидро, названного философом и Екатерины: «За день до своего отъезда из Петербурга, Дидро пришёл к императрице. “Что могу сделать для вас?” — спросила она. — “Вы уже всё сделали” — отвечал Дидро, вынимая бумагу из кармана — “Вот мои остальные требования! *Мирный трактат великой государыни с философом*” — “Я подпишу его не читая”, — сказала Ека-

¹⁵³ Бюффон пользовался колоссальной популярностью во всей Европе. Русскоязычное издание происходило в период 1789–1808 гг. Издание/перездание первого тома пришлось на 1801 г. (см.: *Граф де Бюффон*. Всеобщая и частная естественная история, переложенная с французского языка на русский. Ч. I. СПб.: Имп. Ак. Наук, 1801. 378 с.).

¹⁵⁴ Авторство комментариев, сопровождающих цитаты и выдержки из «новых сочинений», по-видимому, принадлежит самой г. Неккер, а не Карамзину. Косвенным указанием на это служит глагол женского рода «отвечала я» (ВЕ. 1802. Ч. I. № 6 (Март). Москва. С. 130), а также отсутствие каких-либо подписей, ассоциированных с Карамзиным в конце статьи.

¹⁵⁵ ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 6 (Март). С. 127.

¹⁵⁶ Там же С. 129.

¹⁵⁷ Там же. С. 129.

терина. — “Извините, ваше величество! Хотя цари не всегда обязаны соблюдать и читанные ими трактаты, однако прошу выслушать мой. *Статья первая. Ни рубля денег, чтобы я мог хвалить ваше величество, не думая дарить за подарок*”¹⁵⁸.

Финальный раздел «Некоторый мыслей» отводится «Томасу», по-видимому, Томасу Грею (1716–1771) — британскому поэту-сентименталисту, любителю греческой античности, отметившемуся в истории философии подготовкой критического издания Платона¹⁵⁹. Сборник его стихотворений (оды, элегии, эпитафии) будет издан на русском языке уже в 1803 г. Павлом Голенищевым-Кутузовым, в той же типографии, что и «ВЕ»¹⁶⁰. Здесь присутствует литературная критика Грея в адрес Вольтера: «Вольтер весьма несовершенно изобразил эпическую поэзию. На примере, говоря о Гомере, он должен был по его стихотворениям изобразить и нравы тогдашнего времени, состояние философии, религии, искусств, и по характеру Гомерова сочинения представить идеи его века»¹⁶¹. Третий раз в «ВЕ» встречается Эпикур — на этот раз с конкретной характеристикой и в противопоставлении: «Система Эпикурова есть философия счастливых: Гораций и Меценат были эпикурейцы. Стоицизм есть философия несчастных: к нему прибегали люди в правление тиранов»¹⁶².

«*Парижский лицей*»¹⁶³. «Лагарп есть герой лица; читает, рассуждает, и бранит новых философов так, что уже скучно слушать его». Жан Франсуа де Лагарп (1739–1803) вошел в историю подражателем Вольтера, «учеником философов», поддерживавшим французскую революцию и впоследствии, после тюремного заключения (апрель 1794 — <...>), отказавшимся от нее. Известен

¹⁵⁸ ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 6 (Март). С. 131.

¹⁵⁹ Среди прочего ему принадлежат «Заметки об Аристофане и Платоне», где его содержательным и техническим замечаниям подвергнуты все известные в то время диалоги Платона (см.: *Gray T. Notes on Aristophanes and Plato / The Works of Thomas Gray in four vols. Vol. IV. London : Macmillan, 1884.*)

¹⁶⁰ *Грей Т.* Стихотворения Грея, с английского языка переведённые. Пер. Павла Голенищева-Кутузова. М. : В ун. тип. у Любиа, Гария и Попова, 1803 г. Досконалный перевод «Элегии, написанной на сельском кладбище» (иначе: «Сельское кладбище»), вошедшей в это издание, осуществит и В. А. Жуковский.

¹⁶¹ ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 6 (Март). С. 132. Вольтер упоминается здесь ещё однажды: «Генриада менее всех других эпических поэм изображает дух своего века; Вольтер писал её в молодости, и думал только о хороших стихах. Однако же в ней прославляется терпимость» (Там же. С. 133).

¹⁶² Там же. С. 133.

¹⁶³ Там же. С. 134–138.

перепиской с графом Андреем Петровичем Шуваловым¹⁶⁴. «Парижский лицей» демонстрирует его послетюремную педагогическую деятельность, когда, став уже «ярким католиком и реакционером в политике»¹⁶⁵, Лагарп позволял себе подобное: «<...> говорив о Монтеस्कье, он снова обратился к Ламоту и Фенелону, и за ненависть их к стихам так разбралил обоих, что самые ревностные друзья его тихонько между собою говорили: беда! Наш друг Лагарп излил всю желчь свою: что остается ему теперь сказать о Дидро?<...>»¹⁶⁶.

«Кантова философия во Франции»¹⁶⁷. Эта заметка иллюстрирует резко отрицательное отношение к философии Канта во французской интеллектуальной культуре конца XVIII — начала XIX века. Господин Вилье, в котором без труда узнается популяризатор трансцендентальной философии Канта во Франции Шарль де Виллер¹⁶⁸ (1765–1815) «<...>издал на французском языке книгу о кантовой философии»¹⁶⁹; но парижские метафизики не хотят принимать ее, находя в ней варварские слова и пустые тонкости»¹⁷⁰. Эти французские метафизики «<...>никак не хотят ясного Локка и Кондильяка променять на тонкоумного Канта. Один Мерсье, добродушный и храбрый Мерсье, объявил себя рыцарем кенигсбергского философа, бросил перчатку всем французским метафизикам, и кричит: я докажу вам, что вы ничего не знаете; что Локк был невежда, а Кондильяк попугай!»¹⁷¹. Упоминается и «славный

¹⁶⁴ Jean-François Laharpe. Correspondance littéraire, adressée à Son Altesse Impériale Mgr. le Grand-Duc, aujourd'hui Empereur de Russie, et à M. le Comte André Schowalow, Chambellan de l'Impératrice Catherine II, depuis 1774 jusqu'à 1791. chez Migneret 1801–1807, A Paris, 1801.

¹⁶⁵ В характеристике Хью Чисхола: «ardent Catholic and a reactionist in politics» (англ.).

¹⁶⁶ ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 6 (Март). С. 135.

¹⁶⁷ Там же. С. 138–140.

¹⁶⁸ По-русски возможны и другие варианты произношения фамилии: Виллер, Виллерс.

¹⁶⁹ Имеется в виду сочинение «Философия Канта или фундаментальные принципы трансцендентальной философии» Charles Villers. Philosophie de Kant, ou Principes fondamentaux de la philosophie transcendente. Metz: Collignon, 1801-an IX. Двумя годами ранее, в 1799 г. Виллер издал французский перевод «Критики чистого разума». Вилье с большим пиететом относился к германской научной мысли, упрекая французскую в недостатке строгости, которой следовало бы научиться у немцев.

¹⁷⁰ ВЕ. 1802. Ч. 1. № 6 (Март). Москва. С. 138.

¹⁷¹ Там же. С. 138–139.

Фихте», «глубины трансцендентальной философии». Эта заметка рисует образ героической обороны системы Канта — на заседании Национального Института ее защитника подняли на смех. В завершение этот Мерсье заявляет: «<...>я вижу, граждане, что вы меня не разумеете; но уверяю вас, что я разумею себя — поклонился и ушел»¹⁷². Показательно, что Карамзин не снабжает эту заметку оправдательными сносками в пользу Канта, подобно сноскам, сопровождавшим Руссо и Лафатера — его встреча с кенигсбергским философом, а также комплиментарное отношение в области вопросов нравственной философии хорошо известны.

«Моя исповедь»¹⁷³, написанная Карамзиным, представляет собой и вхождение в «жанр» философского руссоизма¹⁷⁴, и одновременно «анти-руссоизм»¹⁷⁵, исходящий из философической позиции прозрачности взглядов¹⁷⁶. Карамзин, отсылая к «Запискам путешественника» упоминает своих родителей, получавших в процессах странствий «толстые пакеты» с письмами, которые были писаны нанятым секретарем, «уполномоченным философствовать»¹⁷⁷. В Париже Карамзин умел удивлять «первоклассных ветренников» «смелой своей философией»¹⁷⁸, а говоря о «главном моем предмете, то есть о женщинах, он прибегает к «философическим рассуждениям» о влюбленности, давая ей определение: «Влюбленность — извините новое слово: оно выражает вещь — влюбленность, говорю, есть самое благодетельное изобретение для света, который без нее походил бы на монастырь лагтрапский»¹⁷⁹. В конце концов, перечислив множество неприятностей, Карамзин признается читателям в моралистически-стоическом типе житейской мудрости: «<...>но я родился философом —

¹⁷² ВЕ. 1802. Ч. 1. № 6 (Март). Москва. С. 139.

¹⁷³ Там же. С. 147–167.

¹⁷⁴ «Как скоро нет в человеке старомодного варварского стыда, то всего легче быть автором исповеди» (Там же. С. 148.).

¹⁷⁵ «Следую только собственному движению, и замечаю мимоходом, что оно некоторым образом согласно с общим; но сохрани меня Бог казаться рабским подражателем! Для того, в противовес всем исповедникам, наперед сказываю, что признания мои не имеют никакой моральной цели» (Там же. С. 148.).

¹⁷⁶ «Нынешний век можно назвать веком откровенности в физическом и моральном смысле<...>. Мы хотим жить, действовать и мыслить в прозрачном стекле» (Там же. С. 147.).

¹⁷⁷ Там же. С. 151.

¹⁷⁸ Там же. С. 152.

¹⁷⁹ Там же. С. 154.

сносил все равнодушно, и твердил любимое слово свое: Китайские тени¹⁸⁰! Китайские тени!»¹⁸¹.

ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 7. (АПРЕЛЬ)

«Удовольствие: аллегорическая сказка»¹⁸². Здесь персонифицируется Удовольствие в духе моралистической литературы — родителями её были душевный покой и тишина, а противницей Горесть. Пустившись в странствие, Удовольствие находит хижину, где поселянин скажет ей: «<...>знай, что мы приняли бы тебя с радостью, если бы не поселилась у нас, со вчерашнего дня, бедная женщина, именем *Горесть*, которая без сомнения не дружна с тобою»¹⁸³. В отношении Горести Удовольствие отвечает: «Я всегда бегаю от нее, хотя философы, сочинители моей родословной, утверждают, будто она мне сестра двоюродная»¹⁸⁴. Повесть заканчивается пропажей Горести и завязавшейся дружбой Удовольствия с Работой — таким образом, доброе чувство соединено с трудом, сопутствуя умному хозяину, трудящемуся для блага своих подданных государю и самому автору сочинения.

«О драгоценном эликсире, который весьма приятен для вкуса, веселит душу и сердце, и вообще производит в людях чудесные действия»¹⁸⁵. Эта новость повествует о некоем итальянском докторе Ласкателини, изобретшем лекарство против безумия. Медицинский препарат здесь выступает реализацией, практическим разрешением проблемы, фиксируемой философами: «Если философы говорят справедливо, что счастье и злополучие состоят по большей части в воображении, то не всего ли благодетельнее лекарство, которое своим действием мирит человека с самим собой и заставляет его думать, что другие также им довольны?»¹⁸⁶. Комическое упоминание философских трактатов представлено в связи с тремя девушками, употребившими этот эликсир: «Три молодые девушки, приехав из деревни, были робки, застенчивы; боялись мужчин как медведей; любили шить, рисовать, читать Мас-

¹⁸⁰ По-видимому, речь идёт о китайском кукольном театре, технически заключающийся в демонстрации силуэтов через полотно белого экрана.

¹⁸¹ Там же. С. 161.

¹⁸² ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 7 (Апрель). С. 218–225.

¹⁸³ Там же. С. 219–220.

¹⁸⁴ Там же. С. 220.

¹⁸⁵ Там же. С. 225–231.

¹⁸⁶ Там же. С. 226.

сильйоновы проповеди и даже философские трактаты о женских добродетелях»¹⁸⁷. Употребив эликсир, эти девушки «<...>совсем переменились; стали думать только о красоте, любезности своей; о средствах нравиться мужчинам <...> одним словом, сделались примерными кокетками»¹⁸⁸.

«Спор с Вольтером»¹⁸⁹. Фигура Вольтера имеет одно из центральных значений в «ВЕ» 1802 года — хотя бы в параметре частоты упоминаний. Здесь заявляется спор двух парижских журналов по поводу его талантов и литературных достоинств: один журнал придерживается повестки, согласно которой «Вольтер был только остроумец, но совсем не имел ни философического ума, ни великих талантов авторства»¹⁹⁰, а другой, «<...>соглашаясь, что Фернейский мудрец иногда ошибался в философии, утверждает, что по авторским талантам Вольтер всегда будет занимать первое место между писателями и стихотворцами восемнадцатого века»¹⁹¹. Здесь Вольтер присутствует на каждой странице, в дальнейшем без сколь-нибудь философского контекста. Вскользь упоминается Руссо, а также Джон Локк, который «<...>разрушил Декартову систему врожденных идей — не журналом, а важным глубокомысленным сочинением»¹⁹².

«Маркиза де-Шатле»¹⁹³ повествует о «любовнице» Вольтера — её фамилия представлена заглавием. Вольтер здесь присутствует дважды, при этом какое-либо философское содержание отсутствует, а текст описывает достоинства и недостатки маркизы де-Шатле. В заключение констатируется обещание: «Он (Вольтер, *Прим. моё.*) сделал ее предметом общего внимания и разговоров; он сделает ее бессмертной в будущих веках, и (что имеет таже свою цену) дает ей способы жить и в настоящем»¹⁹⁴.

«О легкой одежде модных красавиц девятнадцатого века»¹⁹⁵ рассуждает о женских добродетелях: «Всегда и везде первым женским достоинством была скромность»¹⁹⁶. Текст сосредото-

¹⁸⁷ ВЕ. М., 1802. Ч. I. № 7 (Апрель). С. 229.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. С. 237–240.

¹⁹⁰ Там же. С. 237.

¹⁹¹ Там же. С. 237.

¹⁹² Там же. С. 238.

¹⁹³ Там же. С. 242–245.

¹⁹⁴ Там же. С. 245.

¹⁹⁵ Там же. С. 250–255.

¹⁹⁶ Там же. С. 250.

чен на разбирательствах с новой французской модой, представленной «полурайской эфирной одеждой», намекающей на намерения, «оскорбительные для святости супружества». Здесь впервые читатель «ВЕ» встречается философа Анахарсиса (ок. 614 — после 559 гг. до н. э.) скифского происхождения, но ассоциированного с греческой культурой — согласно Анахарсису, «гречанки были скромны». В поисках аргументов в защиту скромности автор статьи упоминает древних врачей: «Если красавицы по справедливости верят более медикам, нежели моралистам (которые все сибиряки своей неучтивостью), то скажем с важностью Гиппократов и Галенов¹⁹⁷, что в северном климате эта мода опасна для самого здоровья, следственно и красоты!»¹⁹⁸. Упомянут и Руссо, «по справедливости любезный всякому нежному сердцу»¹⁹⁹.

«Письмо из Парижа»²⁰⁰ вновь актуализирует фигуру Франсуа Лагарпа, на этот раз высланного из Лицея — здесь он характеризуется как «<... >неутомленный критик всех произведений ума, философии и наконец самого правления<... >»²⁰¹. В этой связи, «Лицей также в отчаянии: солнце его закатилось, и некому будет бранить философов! Но, вероятно, что Лагарп, подобно Сенеке, которого всегда бранил он так немилосердно, сделает время ссылки своей бессмертным для потомства, в каком-нибудь морально-теолого-полемическом творении!»²⁰². Здесь Франсуа Лагарп предстает политически активным автором-философом, которого долго терпели друзья и чины, «<... >но он непременно хотел свергнуть консула вместе с философами<... >»²⁰³ — таким образом, фигура Лагарпа — первая на страницах «ВЕ» фигура, подвергнутая репрессии в логике измены своему ученому делу (т. е. занятию философией и литературой) путем неосторожного политического заявления.

¹⁹⁷ Гален и Гиппократ нечасто относимы к канону античных философов, что объясняется несведомленностью — оба были яркими фигурами натурфилософии. Тем не менее, несмотря на отсутствие философского контекста в статье, нужно сказать, что Галену принадлежит трактат «О том, что наилучший врач есть также философ».

¹⁹⁸ ВЕ. М., 1802. Ч. 1. № 7 (Апрель). С. 254.

¹⁹⁹ Там же. С. 255.

²⁰⁰ Там же. С. 269–276.

²⁰¹ Там же. С. 272.

²⁰² Там же. С. 273.

²⁰³ Там же. С. 274.

ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 8. (АПРЕЛЬ)

Этот номер «ВЕ», если судить содержательно, может быть назван одним из самых «нефилософских» за 1802 год — здесь философы и философия почти отсутствуют.

«Бюффон и Руссо»²⁰⁴ предлагает серию характеристик названных авторов. Так, «Бюффон поразил судей своих, Руссо прельстил их. Первому удивляются, второго любят. <...> Руссо восхитил сердца чувствительных; Бюффон оскорбил их, утверждая, что *одна физическая любовь хороша, и что моральная есть зло*»²⁰⁵.

«О мире»²⁰⁶ в разделе «Политика» выражает ядро просветительской мысли — между политическим спокойствием Европы и революцией стоит философия, которая «<...> устыдив злых невежд и клеветников своих, будет скромной, миролюбивой наставницей государей и частных людей»²⁰⁷.

ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 9. (МАЙ)

«О книжной торговле и любви ко чтению в России»²⁰⁸. В этой статье Карамзин констатирует случившийся рост популярности разнообразной литературы в России, отдавая дань почтения Николаю Ивановичу Новикову (1744–1818), «главному распространителю книжной торговли» в Москве. В сущности, это сочинение представляет собой легкий очерк книгоиздательства в России тех лет. Показательно, что Карамзин осведомлен о литературных вкусах и нравах читателей «ВЕ»: «Я знаю дворян, которые имеют ежегодного дохода не более 500 рублей, но собирают, по их словам, библиотечки, радуются ими, и между тем, как мы с небрежением бросаем, куда попало, богатые издания Вольтера, Бюффона, они не дадут упасть пылинке на самого Мирамонда<...>»²⁰⁹. В вопросах литературного вкуса Карамзин демократичен: «Надобно всякому что-нибудь поближе: одному Жан-Жака, другому Никанора».

«Письмо из Парижа»²¹⁰, открывающее раздел «Политика» впервые влагает слово «философия» в уста сразу и монарха, и консула: «Бонапарт, любя религию, думает верно так же, как

²⁰⁴ ВЕ. М., 1802. Ч. 2. № 8 (Апрель). С. 339–343.

²⁰⁵ Там же. С. 340.

²⁰⁶ Там же. С. 371–376.

²⁰⁷ Там же. С. 376.

²⁰⁸ ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 9 (Май). С. 57–64.

²⁰⁹ Там же. С. 59–60.

²¹⁰ Там же. С. 65–77.

один из ныне царствующих королей, сказавший: “Разум и философия должны быть неразлучными спутниками религии; тогда не будет ни гнусного суеверия, ни дерзкого неверия”»²¹¹. Здесь же объявляется философ Эммануэль Жозеф Сийес (аббат Сийес), известный в истории как сторонник Бонапарта: «<...> консул не доволен был некоторыми учеными и литераторами, дерзнувшими в трибунах осуждать предложенные консулом законы. После того во многих журналах бранили метафизиков, под которыми разумеются ученики и друзья сийесовы»²¹².

«Торжественное восстановление католической религии во Франции»²¹³ названо здесь «важным происшествием». Здесь вновь, в духе времени, вопросы морали выносятся из-под почвы философов-моралистов: «Природное чувство добра вернее холодных умозрений философии»²¹⁴. Жан-Этьен-Мари Порталис на заседании Законодательного Корпуса объявляет: «Мораль без церковного учения есть тело без души и правосудие без судилищ. <...> религия есть плод ума и просвещения. Полу-философия рождает безбожников, совершенная философия ведет к благочестию»²¹⁵. В защиту этого убеждения привлекаются два философа: «И можно ли нам стыдиться той веры, которая была Декарта и Ньютона, которая образовала душу Фенелонов?»²¹⁶. Именно религией, «Сим великим средством, а не метафизикой, первые законодатели смирили народ и бурные старсти»²¹⁷. Луциан Бонапарт²¹⁸ доводит эту повестку до логического завершения: «Исчезни убийственная метафизика, которая иссушает все, до чего касается! Нет, нет, дерзкие софисты! Вы не можете поразить религии; она живет на небесах — и в сердце!»²¹⁹. В завершение этого выступления привлекаются Руссо и Оноре де-Мирабо в качестве сторонников идеи о необходимости религии для поддержания государственного правления²²⁰.

²¹¹ Там же. С. 73.

²¹² Там же. С. 74.

²¹³ Там же. С. 77–94.

²¹⁴ ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 9 (Май). С. 78.

²¹⁵ Там же. С. 79.

²¹⁶ Там же. С. 80.

²¹⁷ Там же. С. 86.

²¹⁸ По-видимому, речь идет о младшем брате Наполеона Бонапарта Люсьене (Lucien).

²¹⁹ Там же. С. 91.

²²⁰ Там же. С. 92.

ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 10. (МАЙ)

«Путешествие аббата Бартелеми в Италии»²²¹ необычно насыщено фигурами философии. Аббат Бартелеми, а именно археолог и писатель Жан-Жак Бартелеми был известен во всей Европе историческим романом «Путешествие младшего Анахарсиса в Грецию» (1788 г.). Отправившись в Италию, Бартелеми встречает здесь философов Возрождения: Иеронима Кардано²²², «писавшего о всех предметах», Джироламо Фракасторо («медика, философа, астронома, математика, литератора, космографа»), Даниэле Барбаро²²³, «наследника счастливого для науки имени, умножившего славу его примечаниями на “Риторику” Аристотеля», Никколо Макиавелли²²⁴, Франческо Гвиччардини²²⁵, Бернардо Телезио²²⁶, «хотящего воскресить систему Парменида (и бывшего, по словам Бэкона, первым восстановителем философии)», Джордано Бруно, «которого натура избрала быть изъяснителем ее, наградила великим разумом, но лишила таланта управлять собою». Здесь же присутствуют философские академии: «Одна из этих академий следовала Платону, а другая ученику его Аристотелю: в обеих толковали мнения древней философии и даже *угадывали* мнения новой»²²⁷. «Ежедневно выходили новые трактаты о системах Платона, Аристотеля и древних философов»²²⁸. Упоминается и профессор ботаники и философии Улиссе Альдрованди²²⁹, а в заключение приводится характеристика описываемых дней (XV–XVI в.): «Время, в которое натура открыла людям столько таинств, философия столько истин, промышленность столько новых способов, и в которое к нашему миру прибавился еще целый мир²³⁰, кажется наблюдателю рождением нового человеческого рода<...>»²³¹.

«Воздушные шары»²³² упоминают «философский камень»²³³.

²²¹ ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 10 (Май). С. 103–119.

²²² Там же. С. 108.

²²³ Здесь и далее до след. сноски: Там же. С. 109.

²²⁴ Макиавелли присутствует здесь и как автор «латинской поэзии» (с. 114).

²²⁵ Известного как республиканец, оппонент Макиавелли в вопросах единовластия.

²²⁶ Здесь и далее до след. сноски: Там же. С. 110.

²²⁷ Там же. С. 112.

²²⁸ Там же. С. 114–115.

²²⁹ Там же. С. 116.

²³⁰ Сноска в конце страницы: «То есть, Америка».

²³¹ Там же. С. 117.

²³² Там же. С. 119–124.

²³³ Там же. С. 121.

«Некоторые любопытные черты характера Людовика XVI и королевы Марии Антуанеты»²³⁴. Здесь возникает фигура монарха, высказывающегося более чем определенно о философах: Людовик XVI «<...> много читал и весьма справедливо судил о древних и новых авторах, говоря о Сенеке “Я любил бы его, если бы он исполнял своим правила; но жизнь его несогласна с его предписаниями. Это обманщик под личиной философа”»²³⁵. Дается характеристика просветителям: «Если бы он предвидел некоторые следствия творений своих, то никогда бы не издал их в свет. Но Вольтер сказал бы мысли своим и тогда, когда бы уверен был, что они разрушат благоденствие государства. Он имел еще более гордости, чем ума»²³⁶.

«Письмо одного из французских ученых, бывших в Египте»²³⁷. В отношении летоисчисления «Диоген Лаэртский говорит, что египтяне начали оное (летоисчисление. — Прим. моё.) за 4 000 лет до Августова века; а Ньютон утверждает, что оно началось только за 1 000 лет до Рождества Христова»²³⁸.

«Критика»²³⁹ вновь презентует аббата Бартеlemi, ссылая на его «Анахарсис», которому подражает собственно объект критики, а именно «Антеноровы путешествия по Греции и Азии» (франц.). Приводится выдержка из этого сочинения, посвященная основателю киренской школы философии Аристиппу: «В Афинах не было человека ни любезнее, ни учнее Аристиппа. <...> его кроткая, легкая философия, веселость, наполненный острою и приятностью разум, дар льстить очень тонко и одолжать каждым словом, делали беседу его любезной»²⁴⁰.

«Нечто о Венеции при ее падении»²⁴¹ рассуждает о причинах, приведших Венецианскую республику к разделу между Францией и Австрией в 1797 г. Здесь присутствует сочинение итальянского просветителя Мельхиора Чезаротти «Опыт философии языков»²⁴².

²³⁴ Там же. С. 124–133.

²³⁵ Там же. С. 127–128.

²³⁶ Там же. С. 128.

²³⁷ Там же. С. 134–138.

²³⁸ Там же. С. 136–137.

²³⁹ Там же. С. 143–146.

²⁴⁰ Там же. С. 145–146.

²⁴¹ Там же. С. 147–155.

²⁴² Saggio sulla filosofia delle lingue applicato alla lingua italiana. In Padova: presso Pietro Brandolese, 1802.

«Новый план народного учения во Франции, предложенный консулами Законодательному Совету»²⁴³ вновь элегантно указывает философии на ее место ввиду «воли правления»: «Надобно решить, соответствует ли сей план (т. е. план народного учения. — Прим. моё.) потребностям и привычкам народа французского, сообразен ли с нынешними идеями и с надеждами философии, с надеждами патриотизма и друзей человечества; но для такого важного исследования должно забыть все частные системы и теории, в которых теряется ум человеческий, и которые могут служить предметом вечных, бесполезных споров. Нужно ли заметить, что сей план заслужил одобрение многих знаменитых философов, умозрения которых просвещают Европу в важных делах государственных?»²⁴⁴. Учебные заведения, задуманные в целях просвещения французского народа не имеют «учебного плана», в котором присутствовала бы философия²⁴⁵.

«Известия и замечания»²⁴⁶ передают актуальные происшествия европейской политики. В разделе «Париж от 25 апреля» помещено «любопытное»: «Некто Карион-Низас, член Трибуната, как бешенный вспрыгнул на кафедру, чтобы ругать Жан-Жака Руссо, говоря, что он причина всего зла в свете; что все воры, убийцы его ученики; что у всякого злодея, идущего на эшафот, надобно поискать в кармане «Эмиля»! Этого еще не довольно: гражданин Карион-Низас утверждал, что проклятая философия ввела в моду супружество; что его начали без меры хвалить с того времени, как читают философов; что напрасно мы дурно мыслим о Тартюфах; что Оргоны гораздо хуже их, и проч. и проч. <...>. Известный Жирарден (бывший Маркиз, хозяин Эрменонвиля, где умер Руссо) сказал в ответ Кариону: “Если бы Руссо был жив, то он не захотел бы унижить себя ответом на такую нелепую брань”»²⁴⁷.

ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 11. (Июнь)

«Вольнодумство и набожность»²⁴⁸ рисует образ вольнодумца Дельрива, поселившегося в Лозане с неким господином Орсленем, «<...> человеком умным, который прежде революции был

²⁴³ ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 10 (Май). С. 163–168.

²⁴⁴ Там же. С. 166.

²⁴⁵ Если не считать логики, преподаваемой в Лицеях (Там же. С. 167.).

²⁴⁶ Там же. С. 177–187.

²⁴⁷ Там же. С. 185–186.

²⁴⁸ ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 11 (Июнь). С. 193–227.

страстным другом ложной философии, но уже три года ненавидел ее, ибо он лишился ста двадцати тысяч ежегодного дохода, прекрасного сельского замка и великолепного дома в Париже»²⁴⁹.

Карамзинские *«Мысли об уединении»*²⁵⁰. «Жан-Жак Руссо оставил город, чтобы в густых тенях парка размышлять об изменениях человека в гражданской жизни, и слог его в этом творении имеет свежесть природы. <...>. Дидро, всегда пылкий, но не всегда основательный, сказал, что один злой человек любит удаляться от людей — сказал для того, что хотел оскорбить Жан-Жака. <...>. Всем рожденным с некоторой особенной живостью воображения, всем эпикурейцам чувствительности, советую иногда вдруг из шумного многолюдства переходить в глубокую тишину уединения, которое производит тогда неизъяснимое в нас действие»²⁵¹.

«О республике итальянской и политическом равновесии Европы»²⁵² замечает, что «Философ находит всякую войну слишком долговременной, и просвещенному, остроумному народу, живущему в обширных и прекрасных странах Европы, сердечно желает мудрого законодательства, внутреннего спокойствия и счастья»²⁵³.

В *«Известиях»*²⁵⁴ однократно встречается «Правило Макиавелли», согласно которому «не должно верить изменнику, беглецу, эмигранту»²⁵⁵.

ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 12 (Июнь)

«Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени»²⁵⁶. Карамзин здесь помещает некоторых философов в актуальный, послереволюционный контекст, указывая, что «Прежде этой эпохи всякая дерзкая, неморальная книга была модной: ныне, напротив того, писатели боятся оскорбить мораль, ибо перед всяким жива картина бедствий, произведенных во Франции развратом <...>. Вольтер не мог бы ныне прославиться некоторыми насмешками, Буланже педантством, Ламетри безумием»²⁵⁷. Говоря о гра-

²⁴⁹ Там же. С. 195.

²⁵⁰ Там же. С. 227–233.

²⁵¹ Там же. С. 230–232.

²⁵² Там же. С. 245–253.

²⁵³ Там же. С. 251–252.

²⁵⁴ Там же. С. 259–280.

²⁵⁵ Там же. С. 276.

²⁵⁶ ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 12 (Июнь). С. 314–331.

²⁵⁷ Там же. С. 318.

жданском порядке, устанавливаемом в России чередой монархов, Карамзин констатирует: «<...> нужна только философическая метода для расположения предметов; но совершение этого дела будет славно для монарха и государства»²⁵⁸.

ВЕ. М., 1802. Ч. 4. № 13 (Июль)

«История Лафлёра, слуги Стерна»²⁵⁹. «Стерн, как мы сказали, не считал денег; давал — и наконец, при новой встрече, видя пустоту в кошельке своем, говорил: *увы! Бедный Йорик!* Философ на его месте сказал бы равнодушно: *тот не дает, кто не имеет;* но Стерн плакал!»²⁶⁰.

«Рыцарь нашего времени»²⁶¹ представляет собой исторический роман, «с некоторого времени вошедший в моду». Он принадлежит Карамзину. В третьей главе «Его первое младенчество» Карамзин, рефлексируя на недостаток слов для описания младенчества его героя пишет: «Клянусь Аполлоном, что я мог бы набрать довольно цветов для украшения этой главы; мог бы, не отходя от исторической истины описать живыми красками нежность Леоновой родительницы; мог бы, не нарушая ни Аристотелевых, ни Горациевых правил, десять раз переменить слог, быстро паря вверх и плавно опускаясь вниз<...>»²⁶². Однажды упоминается Руссо²⁶³.

«Элегия»²⁶⁴ Андрея Ивановича Тургенева имеет эпиграф, представляющий цитату из Руссо: «Ainsi s'éteint tout ce qui brille un moment sur la terre!»²⁶⁵.

ВЕ. М., 1802. Ч. 4. № 14 (Июль)

«От чего в России мало авторских талантов?»²⁶⁶. Здесь Карамзин привлекает опыт диагностики французскими философами недостаточности литературного напряжения в России: «Если мы предложим этот вопрос иностранцу, особливо французу, то он не задумавшись будет отвечать: “от холодного климата”. Со времен Мон-

²⁵⁸ ВЕ. М., 1802. Ч. 3. № 12 (Июнь). С. 234.

²⁵⁹ ВЕ. М., 1802. Ч. 4. № 13 (Июль). С. 12–21.

²⁶⁰ Там же. С. 19.

²⁶¹ Там же. С. 35–51.

²⁶² Там же. С. 41–42.

²⁶³ Там же. С. 42.

²⁶⁴ Там же. С. 52–56.

²⁶⁵ «Так меркнет всё, что светится в мгновенье на земле!»

²⁶⁶ Там же. С. 120–128.

тескье и Гельвеция все феномены умственного, политического и морального мира изъясняются климатом. Ah, mon cher Monsieur, n'avez vous pas le nez gelé? — сказал Дидро в Петербурге одному земляку своему, который жаловался, что в России не чувствуют великого ума его <... >²⁶⁷. «Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что всю жизнь надобно учиться своему природному»²⁶⁸, но «Нам русским еще более трудно, нежели другим»²⁶⁹. Таким образом, «Француз, прочитав Монтеня, Паскаля, 5 или 6 авторов века Людовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, может совершенно узнать язык свой во всех формах; но мы, прочитав множество церковных и светских книг, соберем только материальное или словесное богатство языка, которое ожидает души и красок от художника»²⁷⁰. «Бюффон и Ж. Ж. Руссо пленяют нас сильным и живописным слогом <... >»²⁷¹. Хороший автор знает, «<... > что образцы благородного русского красноречия едва ли не полезнее самых классов латинской элоквенции, где толкуют Цицерона и Вергилия <... >»²⁷².

ВЕ. М., 1802. Ч. 4. № 15 (АВГУСТ)

«О напрасных ожиданиях: сочинение немецкого философа Гарве»²⁷³ — первое сочинение в «ВЕ», прямо атрибутированное философу.

ВЕ. М., 1802. Ч. 4. № 16 (АВГУСТ)

«Линдана и Вальмир: сочинение госпожи Жанлис»²⁷⁴ рисует образ «философа по природе»: «Жеркур был один из тех ленивых людей, которых сама натура делает философами: им хорошо везде, где не дурно; <... > *He терпеть* есть уже для них счастье; думать, не зная о чем, отдыхать и не заботиться, кажется им живейшим удовольствием. Они не хвалятся, не гордятся свой философией, и следственно бывают скромнее обыкновенных философов»²⁷⁵.

²⁶⁷ Там же. С. 120–121.

²⁶⁸ Там же. С. 122.

²⁶⁹ Там же. С. 122.

²⁷⁰ Там же. С. 122–123.

²⁷¹ Там же. С. 124.

²⁷² Там же. С. 128.

²⁷³ ВЕ. М., 1802. Ч. 4. № 15 (Август). С. 165–177

²⁷⁴ ВЕ. М., 1802. Ч. 4. № 16 (Август). С. 253–280.

²⁷⁵ Там же. С. 254.

Главный герой Вальмир здесь испытал любовные чувства со стороны «чувствительных женщин», которые превосходят «самых мужчин в твердости, силе характера и философии»²⁷⁶.

«Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в этом монастыре (продолжение)»²⁷⁷ не обошлось без упоминания «философа Максима», т. е. Максима Грека, который «<...>всячески уговаривал государя остаться в Москве, доказывая, что Бог во всех местах равно присутствует, и что гораздо лучше царствовать добродетельно, нежели скитаться по отдаленным монастырям»²⁷⁸.

«Смесь»²⁷⁹ едва упоминает Иоганна Якоба Энгеля, почившего как раз в 1802 г. «Энгель сочинил “Светского философа”, “Мимику” и похвальное слово Фридриху Великому»²⁸⁰.

ВЕ. М., 1802. Ч. 5. № 17 (Август)

«Линдана и Вальмир (окончание)»²⁸¹. Здесь подвергается деконструкции «философия уединения»: «<...>не думая отказаться от людей и даже не забывая света, мы любим тогда бранить светские забавы и презирать их... месяца три; считаем себя философами, от того, что живем в готическом сельском доме, не сидим двух часов за туалетом, гуляем только в поле или в лесу, и не ездим ни в оперу, ни в комедию. Эта философия, весьма непохожая на философию зрелых лет, исчезает вместе с весною и с прекрасными днями; зима истребляет и следы ее!»²⁸². В предыдущем номере «ВЕ» влиянию и оценке «чувствительных женщин» подвергался Вальмир, а теперь и Линдана: «Сей случай подавал богатую материю к разговорам в круге метафизических, чувствительных дам, которые возненавидели Линдану за то, что она перестала умничать, тонко разбирать чувства, философствовать и риторствовать<...>»²⁸³.

«Смесь»²⁸⁴ вновь возвращает читателя к размышлению о сущности века, характеризуя восемнадцатый как «философический».

²⁷⁶ ВЕ. М., 1802. Ч. 4. № 16 (Август). С. 267.

²⁷⁷ Там же. С. 287–304.

²⁷⁸ Там же. С. 301.

²⁷⁹ Там же. С. 311–314.

²⁸⁰ Там же. С. 313.

²⁸¹ ВЕ. М., 1802. Ч. 5. № 17 (Август). С. 3–27.

²⁸² Там же. С. 12.

²⁸³ Там же. С. 24.

²⁸⁴ Там же. С. 50–55.

Девятнадцатый радикально другой: «Оратор Люсьен Бонапарте предложил для него имя *Великого*; но Европа, как сказывают, хочет объявить его — *веком торговли!*»²⁸⁵.

«*Известия и замечания*»²⁸⁶ отзываются на смерть младшего брата Фридриха Великого принца Генриха Прусского (18 янв. 1726–1802 гг.). Принц «<...>давно уже вел скромную жизнь философа, считал себя только зрителем в политическом свете, наслаждался дружбой и благодетельностью. <...>. Генрих, как философ, не боялся смерти<...>»²⁸⁷.

ВЕ. М., 1802. Ч. 5. № 18 (СЕНТЯБРЬ)

«Историческое известие о голландском профессоре Нейвланде, необыкновенном человеке»²⁸⁸. Здесь описываются таланты и достижения некоего Петра Нейвланда. «Восьми лет он понял совершенно славную теорему Пифагора<...>»²⁸⁹. «Он хотел узнать все науки, и во всех успел; философия, литература, история, все сделалось ему известно»²⁹⁰. Нейвланд «<...>всячески старался заслуживать приязнь людей, и совершенно успел в своем намерении, ибо все искренно оплакивали смерть его. Так бывает всегда, когда великий человек умеет иногда скрывать отменный разум свой; когда философ с мудростью соединяет любезность, а с приятным остроумием скромность и благонравие — подобно Нейвланду»²⁹¹. «Счастливый философ думал только о счастье супруги своей, жил с ней как в раю — и лишился милой подруги»²⁹². Нейвланду было предложено звание профессора философии и математики в Утрехте. Он даже «<...>нашел физическую причину уклонения эклиптики, неизвестную Ньютону, Эйлеру, Д'Аламберту и Клероту»²⁹³. В завершение статьи Петр Нейвланд именуется «философом голландским»²⁹⁴ — сегодня он неизвестен историко-философскому канону.

²⁸⁵ Там же. С. 50.

²⁸⁶ Там же. С. 68–83.

²⁸⁷ Там же. С. 82.

²⁸⁸ ВЕ. М., 1802. Ч. 5. № 18 (Сентябрь). С. 96–110.

²⁸⁹ Там же. С. 98.

²⁹⁰ Там же. С. 99.

²⁹¹ Там же. С. 104.

²⁹² Там же. С. 105.

²⁹³ Там же. С. 110.

²⁹⁴ Там же. С. 110.

«Рыцарь нашего времени»²⁹⁵ суть повесть Карамзина, публикация которой началась в 13-м номере «ВЕ». Юный Леон, переживший покушение дикого медведя, убитого за мгновение до нападения громом с неба «<... >не будет уже никогда атеистом, если прочитает и Спинозу, и Гоббса, и систему природы»²⁹⁶.

«Смесь»²⁹⁷. Предложенная здесь история из жизни Дэвида Юма должна быть представлена полностью: «Давид Юм, славный английский историк и философ, жил в Эдинбурге. Однажды, переходя через болотное место по узенькой доске, философ наш оступился и упал в тину. На крик его прибежала старая женщина; но как же испугался бедный Юм, когда она, посмотрев на него, хотела бежать прочь, говоря: “ах! Это он! Это безбожник Юм!..” — “Нет, нет!” — закричал философ, сидя по уши в тине — “я не безбожник! Добрая старушка! Не верь злословию: я христианин, христианин!” — Когда так, отвечала она, то прочитай наизусть “Верую во Единого!” — Юм начал, и, к счастью, не ошибся ни в одном слове. Старушка успокоилась, и сказав: *теперь вижу, что меня обманули, и что ты добрый человек*, вытащила его из болота»²⁹⁸.

ВЕ. М., 1802. Ч. 5. № 19 (ОКТАБРЬ)

«Превращения, или история мошки. Нравоучительная сказка»²⁹⁹. Некий автор, описывая свое превращение в птенца коноплянки «<... >очутился в гнезде, под крылышком у прекрасной коноплянки, вместе с двумя другими голенькими птенцами, и радовался мыслью, что наконец оставил землю, стихию жестоких людей, и буду жить с любезной матерью в странах воздушных. Обманчивая надежда! И философы не даром бранят ее: она не только людей, но и коноплянок обманывает»³⁰⁰.

«О воображении»³⁰¹ фиксирует исключительную роль способности воображения в деятельности «гения»: «Царствуя в мире умственном, оно не редко бывает рабом дурачеств, которые господствуют в мире существенном, и, по словам Вольтера, кажется беглецом из дома сумасшедших. Пифагор уверял, что он ви-

²⁹⁵ ВЕ. М., 1802. Ч. 5. № 18 (Сентябрь). С. 111–125.

²⁹⁶ Там же. С. 120.

²⁹⁷ Там же. С. 126–129.

²⁹⁸ Там же. С. 126.

²⁹⁹ ВЕ. М., 1802. Ч. 5. № 19 (Сентябрь). С. 161–169.

³⁰⁰ Там же. С. 164.

³⁰¹ Там же. С. 179–183.

дит во сне души, не только мертвых, но и живых <...>. Другие — и притом славные люди — говорят, что Адам был изгнан из Эдема единственно за то, что он излишне пленялся умозрением метафизики. Декарт приписывал свет действию шариков <...>. Парацельс уверял, что он нашел философский камень. Зенон не верил движению. Эмпедокл боялся, что он был девицей, мальчиком, деревом, петухом и китом. Автор Провинциальных Писем и трактата о равновесии жидкостей, Паскаль, тридцати-восемью лет видел беспрестанно ужасную бездну, и закрывал ее от глаз своих стулом. Жан-Жак Руссо страшился всякой ласки, находя в ней злой умысел, и предпочитал ей всякую ядовитую брань неприятелей, думая, что они по крайней мере не хотят обольстить его! Лейбниц, читая медицинскую книгу, воображал, что он имеет болезнь, в ней описанную. <...> Науки физические, сильные идеи гения, глубокая философия, литература, нежные и кроткие чувства, главная прелесть жизни!»³⁰².

«О самоубийстве»³⁰³. «Какой философ дерзнет назвать самоубийство героическим действием, если первый консул признает его малодушием?»³⁰⁴. Однажды упоминаются софисты, «развратители народа»³⁰⁵. В порядке цитаты встречается Платон: «It must be so... Plato, thou reasonst well»³⁰⁶.

«*Политические отрывки гражданина Эшассерио (одного из лучших политических авторов Франции)*»³⁰⁷. Говоря о «союзных государствах» (в логике государственного образования — напр., Швейцария, Соединенные Американские Области (США) и пр.), автор перечисляет в их жизни «три славные эпохи»: 1. Свержение тирании; 2. Принятие конституции; 3. Вооружение «за свободу отечества». «Их революции суть прекраснейшее зрелище для чувствительного философа<...>»³⁰⁸. В отношении народов «Философы заметили три вещи, которые действуют на их политическое бытие: климат, правление, народное воспитание»³⁰⁹. «В другом положе-

³⁰² Там же. С. 181–182.

³⁰³ Там же. С. 207–209.

³⁰⁴ Там же. С. 207.

³⁰⁵ Там же. С. 207.

³⁰⁶ Там же. С. 209. Цитата взята из трагедии Джозефа Аддисона «Катон» (1713 г.) (См.: *Mr. Addison. Cato. A Tragedy.* London, MDCCXIII).

³⁰⁷ Там же. С. 212–230.

³⁰⁸ Там же. С. 219.

³⁰⁹ Там же. С. 219.

нии находятся те народы, которые сближены друг с другом плодотворными землями, свойством климата или иными случаями. <...>. Тут философ может в великой картине наблюдать судьбу человеческую, и видеть как благотворные действия общественного состояния, так и несчастные следствия политической жизни <...>³¹⁰.

ВЕ. М., 1802. Ч. 5. № 20 (ОКТАБРЬ)

«Пантеон русских авторов»³¹¹, подготовленный Платоном Петровичем Бекетовым характеризует Феофана Прокоповича (сегодня однозначно относимого к истории русской философии), как «ученого богослова и природного оратора». Ломоносов «<...>вписал имя свое в книгу бессмертия, там, где сияют имена Пиндаров, Горациев, Руссо»³¹².

«Известия и замечания»³¹³. «Некто Фьеве, сочинитель двух или трех романов, съездив на 10 дней в Лондон, издал письма об Англии, которые весь Париж читал с удивительным любопытством. Фьеве утверждает, что Великобритания обязана славою в Европе единственно французским философам, которые ввели в моду хвалить ее; но что она в самом деле нимало не достойна славы своей!»³¹⁴.

ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 21 (НОЯБРЬ)

«Некоторые примечания гражданина Мишо для историков французской революции»³¹⁵. Согласно рассказчику, некий господин Мальзерб передал свои разговоры с Людовиком XVI, произошедшие в период за два месяца до казни монарха. «Время решения наступало. Он (Людовик XVI — Прим. моё) сказал мне: *Сестра моя знает одного священника, который не давал новой присяги, и который своей неизвестностью может спастись от гонения. Вот записка о нем. Прошу вас найти и приготовить его к свиданию со мною, когда мне дадут на то позволение. Такое предложение без сомнения странно для философа: я знаю ваш образ мыслей; но если бы вы должны были страдать и умереть подобно мне, то я смело пожелал бы вам моей веры, которая гораздо утешительнее философии*»³¹⁶.

³¹⁰ ВЕ. М., 1802. Ч. 5. № 19 (Сентябрь). С. 229–230.

³¹¹ ВЕ. М., 1802. Ч. 5. № 20 (Сентябрь). С. 286–291.

³¹² Там же. С. 289.

³¹³ Там же. С. 319–332.

³¹⁴ Там же. С. 327.

³¹⁵ ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 21 (Ноябрь). С. 28–38.

³¹⁶ Там же. С. 34.

«Китайская мудрость»³¹⁷. Эта заметка проблематизирует феномен древней мудрости, пришедшей уже не из Афин, но с Востока, из Китая — вниманию читателя предлагается «тонкость наблюдения, достойная философии нашего времени: чем более отец любит сына, тем более учит его; чем более мать любит дочь, тем более рьянит ее.<...>»³¹⁸. Приводится цитата и из «Уанг-Чи» — приведенные выдержки свидетельствуют: «С того времени, как эти книги написаны и эта пословица³¹⁹ известна в Китае, царствовало там множество добрых, мудрых государей, было множество ученых, физиков, философов;<...>»³²⁰.

ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 22 (Ноябрь)

«Необходимость знать первые арифметические правила до женьшя»³²¹. Находящийся в кофейне автор этого сочинения, рассуждая о «связях общества, происходящих от разных наших потребностей», осуществляя переход от шоколада и бисквита до «теории правления и гражданской связи» приходит к выводу: «И так здесь все должно быть меноу!»³²². Эту мысль он «думал с философской гордостью, отсчитывая хозяину пятьдесят копеек»³²³. Утверждая свою философему, он обороняется от других философов: «Знайте, что нет дружбы без добродетели, а добродетели без религии. Но прошу не говорить о том: иначе самозванцы философы будут указывать на меня пальцем»³²⁴.

«Критическая история бедности»³²⁵ атрибутирует Платону некую басню о бедности³²⁶, не имеющую места в его наследии. Тем не менее, здесь же встречается прямая отсылка к его «Государству» («Республике»): «Ликург не хотел в республике своей

³¹⁷ Там же. С. 47–50.

³¹⁸ Там же. С. 49.

³¹⁹ Пословица: «Когда мечи заржавели, а сошники светлы; темницы пусты, а житницы полны; крыльцы храмов покрыты грязью, а дворы судилищ заросли травой; лекари ходят пешком, а мясники ездят верхом: тогда бывает много стариков и детей; тогда государство счастливо» (ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 21 (Ноябрь). С. 50).

³²⁰ Там же.

³²¹ ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 22 (Ноябрь). С. 87–100.

³²² Там же. С. 88.

³²³ Там же.

³²⁴ Там же. С. 89.

³²⁵ Там же. С. 100–108.

³²⁶ Там же. С. 101.

ни бедных, ни богатых. Лакедемоняне его жили и работали вместе. В Спарте были общественные магазины, из которых выдавалось все нужное гражданину, смотря по его летам и сложению. Афиняне, коринфяне и другие народы Греции не имели таких учреждений; но законы Драконовы, Солоновы и прочих законодателей наказывали смертью ленивых. Человеколюбивый Платон в своей «Республике» определил только изгонять их, называет врагами отечества, и говорит, что всякая страна, где много нищих, подвержена мятежам и бедствиям: ибо люди, которым нечего потерять, всегда готовы соединиться с возмутителями общего покоя»³²⁷.

«Разговор о невидимо-видимом обществе: сочинение Гердера»³²⁸ — второе на страницах «ВЕ» сочинение, принадлежащее классику западной философии — здесь толкуются идеи гражданского общества и человечества. Здесь фигура философа наделяется полномочиями государственного просветителя: «Остается желать, чтобы в каждом государстве хотя [бы] философы не имели народных предрассуждений, и знали, где патриотизм не есть уже добродетель...»³²⁹. Философы возвышаются над народными пристрастиями и всеми гражданскими состояниями: «В беседе с Гомером, Платоном, Ксенофонтом, Тацитом, Бэконом, Фенелоном, я не думаю, к какому государству они принадлежали, какого состояния были и в каких храмах молились»³³⁰. Читатель «ВЕ» получает представление о разграничении и взаимозависимости поэзии, философии и истории: «Да: о поэзии, философии, истории — вот по моему мнению *священный треугольник!* Вот лучезарные светила народов, сект и поколений! Поэзия волшебной живописью предметов заставляет меня любить добро; философия дает правила; история утверждает их опытом»³³¹.

«Истинный смысл народного согласия на вечное консульство Наполеона Бонапарта»³³². В целях утверждения «вечного консульства» Наполеона приводится аргумент: «Кто поручится, чтобы его преемник захотел быть его подражателем; чтобы наследник власти наследовал и его добродетель, и чтобы новый Коммод вто-

³²⁷ ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 22 (Ноябрь). С. 103–104.

³²⁸ Там же. С. 116–128.

³²⁹ Там же. С. 123.

³³⁰ Там же. С. 126.

³³¹ Там же. С. 127.

³³² Там же. С. 139–153.

рично не заступил места Марка Аврелия?»³³³. «Когда же история и философия не оставляют, кажется, ни одного европейского народа под нареканием совершенной неспособности к гражданскому свободному бытию, то неужели одна Франция в 19 веке и после великой революции не умеет пользоваться никакими государственными правилами? На чем мудрые люди, которые хотят нас уверить в том, основывают свои чудесные открытия? Разве на каких-нибудь новых, глубоких, философических исследованиях?»³³⁴.

«Известия и замечания»³³⁵. Разбирая постепенное политическое ослабление Гельветической Республики, автор подраздела «Швейцария» замечает: «Уже давно бы Швейцария наслаждалась тишиной, если бы члены гельветического правления, эти темные метафизики, сообразовались с истинным состоянием вещей, не занимаясь упорно мечтательными и вредными теориями»³³⁶. В разделе «Париж от 19 октября» дается отрицательная характеристика аббату Сийесу: «Но люди, уверенные в тайных видах неизлечимого честолюбия Сийеса, не были обмануты этой переменной, личиной внутреннего неудовольствия. Они знали, что этот мрачный метафизик сбросит с себя маску притворной беспечности, как скоро обнаружатся некоторые знаки волнения в умах»³³⁷.

ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 23 (ДЕКАБРЬ)

«Истинный смысл народного согласия на вечное консульство Наполеона Бонапарта. Сочинение Камилля Жордана»³³⁸. Французская конституция «<... >говорит, что все не запрещаемое уставом дозволяется. И так человеку дозволено невинным образом пользоваться двумя его драгоценными способностями: говорить и писать. Мы требуем свободного книгопечатания, не того, которого хотели софисты, но любезного всем мудрым<... >»³³⁹. Эта конституция допускает цензуру, «основанную на правилах общего блага». Противники этой свободы слова и печати «<... >думают только о собственной пользе, и для себя единственно желают вечного, непроницаемого мрака; боятся не злоупотреблений

³³³ Там же. С. 144.

³³⁴ Там же. С. 151.

³³⁵ Там же. С. 155–169.

³³⁶ Там же. С. 158.

³³⁷ Там же. С. 163–164.

³³⁸ ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 23 (Декабрь). С. 230–244.

³³⁹ Там же. С. 237.

разума, а самого разума, и хотели бы вместе с возмутительными книгами сжечь все книги. Пользуясь ошибками ложной философии, противной рассудку и благонравию, они клянут и ту благодетельную философию, которая есть верная подруга морали; истинной религии и защитница спасительных идей гражданского порядка< ... >»³⁴⁰. Обращаясь к противникам «вечного консульства» Бонапарта, автор спрашивает: «< ... >А вы, модные враги всех благородных чувств и вечных истин! Что можете ответственать на общее желание? Назовете ли его пустым мудрствованием суетной философии, когда говорим именем опыта и веков?»³⁴¹.

ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 24 (ДЕКАБРЬ)

«Колодезь Истины: невымышленная повесть, переведенная с немецкого»³⁴². Красноречивое противопоставление: «Люди простые, то есть не философы< ... >»³⁴³.

«О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств»³⁴⁴. В этом сочинении Карамзин не только предлагает взглянуть на различные области истории России как содержание возможной литературы, но и конструирует то, что сегодня с легкой руки может быть названо историософией или историософской мотивацией — что было бы в корне неверно. Говоря о князе Олеге Вещем как «победителе греков», он пишет: «Этот же князь может быть предметом картины другого рода — философической, если угодно»³⁴⁵. Описав знаменитую легенду о предсказании смерти князя Олега путем змеиного укуса, Карамзин подчеркивает: «Впечатление этой картины должно быть (как я сказал философическое, моральное: *помни тленность человеческой жизни!*)»³⁴⁶.

«Известия и замечания»³⁴⁷. В разделе «Париж» встречается Рене Декарт: «Министр внутренних дел прислал в городок Лаге мраморный бюст славного Декарта, чтобы поставить его там в доме гражданина Тьери, где жили некогда Декартовы родители

³⁴⁰ ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 23 (Декабрь). С. 239–239.

³⁴¹ Там же. С. 244.

³⁴² ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 24 (Декабрь). С. 261–289.

³⁴³ Там же. С. 281.

³⁴⁴ Там же. С. 289–308.

³⁴⁵ Там же. С. 294.

³⁴⁶ Там же. С. 294–295.

³⁴⁷ Там же. С. 330–348.

ли. Из всех ближних городов и департаментов съехалось множество людей и чиновников к этому празднику. Семидесятилетние старцы несли бюст философа из ратуши в дом гражданина Тьерри. Перед ними шли дети, увенчанные цветами; а за ними Декартова правнучка, госпожа Марсе, с ее детьми и внучатами. Военная музыка гремела, и отряд национальной гвардии заключал кортеж. Он остановился подле *жертвенника отечества*, украшенного гирляндами и дубовыми листьями. Там префект, генерал Помрель, с благородным красноречием изобразил славу и величие Декарта. Бюст поставили в самой той комнате, где родился этот великий человек. После обеда, к которому были приглашены все чиновники и Декартова фамилия, и за которым пели гимны в честь философу, *филантропическое общество* города Лоша играло маленькую драму: *Рене Декарт*, сочиненную для этого праздника. Вечером, на берегу реки Крёзы, был фейерверк, зажженный префектом и госпожой Марсе. Во весь день стреляли из пушек, и музыканты национальной гвардии играли на улицах. Добрые жители городка Лаге, их прекрасные жены и дочери, старались всячески об удовольствии гостей своих. Теплый день и ясная, лунная ночь способствовали красоте и веселью этого праздника, данного в честь отцу философии. Бал в доме г. Тьерри продолжался до самого утра»³⁴⁸.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, мы предприняли попытку зафиксировать все упоминания философии, философов и их производные на страницах «Вестника Европы» 1802 г., охватив все 24 номера. Основной трудностью здесь выступило отсутствие сколь-нибудь серьезной философской рефлексии в представленных сочинениях, что препятствует внесению 1802 г. в историю «ВЕ» в канон истории философии. Фактически мы увидели в «ВЕ» всего два действительных философских сочинения, принадлежащих немецким философам-просветителям: «О напрасных ожиданиях» Христиана Гарве и «Разговор о видимо-невидимом обществе» Иоганна Гердера, одинаково отсутствующих в истории русского перевода, кроме «ВЕ», ввиду чего поиск оригиналов оказался затруднителен. Учитывая мифологему о возникновении феномена русской философии

³⁴⁸ ВЕ. М., 1802. Ч. 6. № 24 (Декабрь). С. 341–342.

фии из рефлексии на систему Иммануила Канта, здесь допустима аллюзия, поскольку и Гарве, и Гердер — активные и известные оппоненты Канта³⁴⁹.

Наиболее активно упоминаются Жан-Жак Руссо, Вольтер, Дидро, т. е. французские просветители, с которыми, как принято считать, Карамзин расходится во взглядах на государственное устройство после французской революции. Этот упрощенный взгляд здесь неуместен — с одной стороны, помещенная здесь «Моя исповедь», написанная в сатирическом духе, регистрирует очевидный укол в адрес моды на литературный руссоизм, а с другой, Карамзин никак не комментирует рассредоточенные по «ВЕ» хвалебные эпизоды Руссо, Вольтеру, Дидро, Бюффону и др. Журнал очевидно выдержан в тоне просветительской идеи, он отдает дань почтения кумирам поколений, при этом не избегая критических замечаний в адрес революции и революционных настроений. Аббат Сийес по меньшей мере дважды охарактеризован отрицательно — русская публика не имела переводов его сочинений, получив портрет политического радикала.

Читатели «ВЕ» познакомились с философами нескольких эпох. К периоду античности относимы Сократ, Платон, контекстуально с ними связанный Ликург, софисты и Цицерон. Аристотель упомянут лишь однажды, вне всякой связи с философией. Периоды поздней античности и средневековья пропущены. Резкий «всплеск» итальянских гуманистов — Иеронима Кардано, Джорламо Фракасторо, Даниэле Барбаро, Франческо Гвиччардини и Бернардо Телезио представлены кратко. Никколло Макиавелли охарактеризован как патриот Италии. Джордано Бруно — как умный, но не справившийся со страстью мыслитель. Особняком стоят философы рационалистического толка: Декарт, Ньютон и Лейбниц сопровождаются в основном сентиментальными комментариями, описывающими их интеллектуальное и духовное достоинство, что симптоматично, ведь эти философы на момент конца XVIII — начала XIX в. отстоят далеко от политической мысли и уже возведены в разряд классиков. Сатирическая заметка о Юме не сообщила никакого философского содержания — вдобавок

³⁴⁹ См. напр.: Калининков А. А. К полемике между Кантом и Гердером по вопросам философии истории // Кантовский сборник. 1980. № 1 (5). С. 77–91; Зильбер А. С. Нежелательная уступка: Кантова критика политической философии Х. Гарве // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 1. С. 58–76.

признание Юма как философа придет к нему много позже, ведь в Европе тех лет он больше ценился в качестве историка Англии. Лагарп включен в канон великих мыслителей через сопоставление с Руссо. Примечательно почти полное отсутствие Канта, кроме приведенных двух упоминаний. Термины «метафизик» и «метафизика» однозначно в большинстве контекстов окрашены смыслами «старины» и «прошедшего», а иногда и прямо отрицательно. Метафизики — это те философы, что не успевают за прогрессом. Философия расценивается не только как интеллектуальная традиция или наука, но и как помощница в политическом управлении, без которой ни одно правление не будет просвещенным.

В дальнейшем предстоит значительно расширить контекст исследования, привлекая прочие годы в истории «ВЕ», источниковедческую основу, другие журналы и литературу — в целях досконального исследования формирования философского языка и философских представлений в России нач. XIX в.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭЛИТЫ СССР

- Главная сила советской империи: социальные корни партийной элиты.
- Что такое советская партийная элита.
- От Сталина к Горбачёву. Чистки и отставки элит СССР.
- Путь Хрущёва к личной власти, заговор и чистка: Пленум ЦК КПСС (1957).
- Советские захоронения элит.

ГЛАВНАЯ СИЛА СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ ПАРТИЙНОЙ ЭЛИТЫ

Человеческие общества, независимо от идеологии, не застрахованы от появления власти элит, вечного элемента развития человечества. Парето писал, что историю можно рассматривать как бесконечную смену элит — когда одна элита восходит, другая убывает. История советской партийной элиты и особенно Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) служит хорошей иллюстрацией анализа Парето. Советские правящие элиты представляли собой не «монолит», неизменный в течение семидесяти лет, а сложную живую систему, сформировавшуюся в 1920-е, созревшую в 1930-е, начавшую распад в 1960-е и умершую в 1980-х. И эта структура была экосистемой, построенной не марсианами, а истинными представителями советского народа.

Советская идеология постепенно превратилась в идеологию статуса, а не в бесконечное плетение коммунистической паутины по всему земному шару. Возникновение, власть и трансформация советских партийных элит были неразрывно связаны с «мечтами» людей, с их адаптацией к системе, склонной к воссозданию иерархических структур. Система служила для защиты группы, которая полу-

чала наибольшую выгоду — амбициозных крестьянских сыновей, которые реализовали свою мечту о социальной мобильности.

В начале XX века произошел ряд значительных событий, которые способствовали стремлению россиян к переменам. Во-первых, в конце XIX века произошла стремительная демократизация общества, подпитываемая интенсивной урбанизацией и массовой миграцией в города. Во-вторых, дворянство как привилегированный класс потеряло свою привлекательность, потому что оно не предлагало социальной мобильности для российского общества и финансовой опоры. Нужны были изменения и коренная реорганизация общественного порядка.

С революцией 1917 года новоприбывшие на сцену озаменовали конец «священной» власти. Им не хватало навыков и профессионализма, у них было плохое образование и низкий социальный статус, а многие имели и криминальное прошлое.

В то же время они были символическим воплощением новой эпохи. Их решимость и неоспоримая харизма нравились не только обездоленным, но и всем недовольным, жаждавшим немедленных перемен, стремившимся нажиться на обещаниях революции. Кто думал о длительном скучном процессте построения справедливого общества, обеспечивающего всех неизвестно из каких ресурсов? Для многих обещание повышения социального статуса было достаточной мотивацией. Неудивительно, что на призыв партии откликнулся довольно значительный процент населения; членство в партии открывало удивительные возможности.

Русская революция отсекала голову имперской власти, вызвав новую волну формирования элит. В то время как дворянство формировалось веками, новые хозяева сами жили всего-то нескольких десятилетий.

Тем не менее, восстановление вершины пирамиды власти заняло очень короткое время. Послеревolutionный период потряс и всколыхнул социальный состав элит, подняв на вершину Центральный Комитет КПСС.

Неудивительно, что иерархическая пирамида советской власти очень напоминала структуру, которую она заменила. Нужды советского государства требовали управления, и новая власть сознательно или бессознательно копировала существующие модели, опираясь на прежние структуры.

Но нужны были кадры, и набор производили из рабочих и частично крестьянских рядов. Со временем партийные элиты пре-

кратили процесс открытой вербовки и вместо этого начали воспроизводить себя, воссоздавая элиту из членов системы: все больше и больше чиновников выходило из второго или даже третьего поколения профессиональных партийных бюрократов.

«Социальное происхождение» было одним из важных идентификаторов личного дела. Это описание было очень чувствительным к изменяющейся политической, социальной и культурной среде.

Анализ указывает на две интересные тенденции:

- а) значительная часть чиновников идентифицировала себя как выходцев из крестьян;
- б) большинство членов ЦК вообще не указывало свое социальное происхождение.

Оба явления были признаками социальной трансформации советского общества. Первая тенденция предполагала успешное использование механизма социальной мобильности, предоставляемого советской системой для амбициозной части советского населения. Вторая тенденция означала появление профессиональной наследственной советской бюрократии.

Анализ данных трехсот известных государственных и региональных деятелей до и сразу после революционного периода 1917 г., в том числе министров Временного правительства, наркомов, генералов, духовных деятелей всех конфессий, журналистов и членов Петроградского ревкома свидетельствует об их весьма разнообразном социальном происхождении. 30% происходили из дворян, 23% из служащих и интеллигенции, 10% из купечества, 11% из духовенства, 6% из крестьян, 6% из военных, 19% из ремесленников и мещан и 1% из рабочих.

По сравнению с «досоветскими элитами» их непосредственная замена, т. е. первое поколение членов ЦК КПСС, имела совершенно иной социальный профиль. Среди них были представители крестьян и рабочих — 37% и 20%, 14% государственных служащих и интеллигенции и только 1% представителей дворянства. Такая трансформация была предсказуема в результате революционного преобразования.

Социальный состав большевистской фракции Учредительного собрания в 1917 г. уже свидетельствовал о грядущих изменениях в высших эшелонах власти: 34% из них были выходцами из крестьян, 25% — выходцами из привилегированных классов (дворянство, купечество, и духовенство), а остальные родились в рабочих или мещанских семьях.

Первый ЦК, созданный после 1917 года, был небольшим. На XIII съезде партии в 1924 г. среди восьмидесяти семи новых членов, избранных в ЦК, выросло число крестьян (24%) и рабочих (25%), а численность дворянства и интеллигенции продолжала сокращаться. К концу 1930-х годов они почти полностью исчезли.

Затем, в течение десятилетия, процент лиц, заявляющих о своем рабочем происхождении, уменьшался, а процент заявляющих о крестьянском происхождении рос. Анализ также свидетельствует о растущем преимуществе членов партии крестьянского происхождения по сравнению с рабочими. К 1930-м годам люди, рожденные в крестьянских семьях, продвинулись вперед и установили свое господство, вытеснив других с политической сцены. Их достижения были поистине замечательны — многие из них оставались у власти более 40 лет.

Анализ выявил еще одну интересную закономерность социальных изменений — неуклонный рост членов ЦК КПСС, не указавших свою социальную идентификацию. В 1920-е годы 10% членов ЦК оставляли отведенное место в анкетах пустыми. К 1970 г. более 70% членов ЦК не указывали своего социального происхождения, а биографические сведения о членах ЦК КПСС стали засекреченными или расплывчатыми. Пустые строки в анкете стали общепринятой нормой, ничуть не настораживающей власти. Как раз наоборот: заполненные личные дела и надлежащее пролетарское прошлое были исключением. Наконец, процесс достиг апогея в 1980-х годах. На итоговом XXVIII съезде партии почти 80% чиновников оказались без указания происхождения.

Таким образом, статистические данные количественно определяют отдельную, но неуловимую социальную группу, которая не была и не могла быть идентифицирована, поскольку не существовало официально признанной социальной категории для ее описания. У большинства членов ЦК КПСС не было никаких оснований притворяться: они были де-факто членами отдельной социальной группы — профессиональные служащими во втором и третьем поколении. Таким образом, новый советский «класс» действительно существовал.

Кем же были эти чиновники?

Собранные данные показывают, что в абсолютном большинстве они были русскими и украинцами, которые родились в сельской местности вблизи городов, таких как Москва и Ленинград, Тверь и Иваново. Пользуясь возможностями, предоставленными Совет-

ским государством, эти выдвиженцы окончили местные техникумы и сельскохозяйственные училища, после чего заняли региональные бюрократические должности, а затем годами карабкались по служебной лестнице вплоть до своего избрания в ЦК КПСС.

По иронии судьбы, хотя эта социальная категория не считалась юридической, крестьянский сын сотнями лет был увековечен в русских народных сказках. Он был нетрадиционным героем, который не любил хлопот сельской жизни и добивался известности благодаря своей пронырливости, а не роду занятий или социальным корням.

Советский провинциальный приплод был главной силой, стоявшей за советской империей: сыны жаждали приключений, власти и привилегий, всего, что предлагала советская мечта. Подобно Иванушке, сказочному простаку, многие из этих молодых оторванных от родных мест людей добились необычайного успеха: из трущоб и незнатного происхождения они попали в самый ближний круг партийной власти и оставались там почти сорок лет. Обещание, данное революцией, исполнилось — обездоленные «проснулись».

Само существование высшей элиты, вышедшей из бедных деревенских корней, указывало миллионам советских граждан путь к «светлому пути», в небесное царство чинов, престижа и привилегий.

Неудивительно, что выдвиженцы отказывались от социальных корней, меняя или скрывая свою социальную идентичность в зависимости от веяний времени. Гораздо привлекательнее было стать советским чиновником, чем ассоциироваться с чернорабочими, с «кочегарами и плотниками», как пелось в известной песне. Безусловно, такой оппортунистический подход не является исключительно советским или российским.

Как бы то ни было, конец советской сказке был предсказуем, потому что должности наверху не могли вместить избыточное количество людей, которые желали их получить. В 1917 году население Российской империи составляло примерно 154 миллиона человек. В партии большевиков было десять тысяч членов, а в ЦК — двадцать девять человек. К 1991 году население СССР увеличилось до 290 миллионов человек, а число членов партии достигло 19,5 миллионов человек. Иными словами, каждый десятый взрослый житель Советского Союза был членом Коммунистической партии. В то время высший эшелон власти, т. е. ЦК КПСС, состоял из 412 членов. Мест под солнцем на всех не хватало.

Высшие эшелоны расширялись, но недостаточно быстро. Конец системы наступил в 1989 г., когда ликвидировали механизм, регулирующий членство в элите. Вся система социальной мобильности внутри партии стала контрпродуктивной и привела к развалу самой партии.

ЧТО ТАКОЕ СОВЕТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ЭЛИТА

Статистический анализ позволил создать “профиль” советской партийной элиты для оценки характера советской властной структуры с 1917 по 1990 год. Профиль высшего эшелона Коммунистической партии Советского Союза, а именно членов Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, составлен на основе 1931-го личного дела. В каждом деле указаны пятнадцать характеристик человека: даты рождения и смерти, социальное происхождение, национальность, образование, звания, место работы, место захоронения и т. п.

Советская партийная элита представляла собой социальную группу, находящуюся на вершине общественной иерархии. Вход в этот полузакрытый круг охранялся, а успех внутри круга требовал воли и навыков. Успех измерялся долголетием у власти.

Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза руководил миллионами, а это была группа, состоявшая в среднем всего из 200 человек. Съезд 1986 года избрал 477 членов, что было самым большим представительством, и за девяносто лет только 1931 человек были обременены такой привилегией.

Также важно оценить, насколько ЦК изменился за девяносто лет по соотношению к росту членства в партии, а затем сравнить это число с ростом населения в целом.

Советскому правительству в 1920–1930-х гг. потребовалось управлять гигантской страной с многомиллионным населением в условиях отсутствия кадров и средств, нищеты и разрухи. В 1917 году население Российской империи составляло примерно 154 миллиона человек. В партии большевиков было 10 000 членов, а в Центральном комитете — двадцать девять человек. В 1991 году население СССР составляло 290 миллионов человек, а членство в партии достигло 19,5 миллионов. Другими словами, каждый десятый взрослый житель Советского Союза был членом коммунистической партии. В то время ЦК КПСС состоял из 412 членов.

Анализ показывает, что членство в КПСС и состав Центрального Комитета со временем неуклонно росли. Налицо прямая корреляция между ростом численности партии и численности ЦК КПСС: они шли параллельно.

Анализ также показывает, что темп роста партийного руководства (в относительных единицах) был равен темпу роста партии (в относительных единицах), и оба они росли вдвое быстрее темпа роста населения страны (в относительных единицах). По сути, существовали две отдельные реальности: Одна для членов партии и другая для «остальных». Неестественный рост партийной бюрократии был вызван сверху (потребностями управления), но также и снизу (статусом, льготами и преимуществами, которые давало членство в партии).

В период с 1917 по 1990 год у власти находилось пять разных поколений. Каждое поколение было по сути когортой, объединенной общим происхождением, образованием и карьерой. Из объединяло и общее прошлое. Они пережили ряд конкретных уникальных исторических событий, которые сформировали их мировоззрение и политические взгляды. Каждое поколение поднималось к власти и удерживало ее до смерти, физической или социальной, защищая свою «территорию» в конкуренции с последующими поколениями. Каждое поколение обладало особой индивидуальностью, которая влияла на советскую историю и в то же время отражала ее.

Первое поколение вступило в партию до 1917 года. Эта группа, состоявшая из 259 человек, управляла страной в течение двадцати лет. Это поколение было вытеснено сталинскими чистками 1936–1939 годов, в ходе которых исчезло более 40% представителей этого поколения. На смену ему пришло второе поколение, состоявшее из 617 человек, которые заняли освободившиеся должности. Третье поколение состояло из 235 человек, которые вступили в партию во время Великой Отечественной войны. Второе поколение находилось у власти до 1970-х годов и вместе с третьим поколением в течение сорока лет отвечало за принятие основных решений. Эти поколения были самыми успешными.

Четвертое поколение состояло из 590 человек, которые вступили в партию после войны с большими надеждами на либерализацию. Однако они были у руля в течение очень короткого периода времени, всего три-четыре года. Последнее, пятое поколение насчитывало 235 человек, которые были выведены на сцену истории в попытке заменить старую гвардию.

Анализ поколений привел ко многим открытиям, которые помогают развенчать стереотипы и мифы, все еще сохраняющиеся у историков. Миф о том, что в 1930-х годах наиболее образованная когорта революционеров была заменена невежественными простолудинами, был частично разрушен. Большинство первого поколения т. н. революционеров было менее образованными, чем пришедшие им на смену.

Вера в государство рабочих была разрушена тем фактом, что более 70% партийной и государственной элиты родились в деревнях. Значение рабочего и крестьянского происхождения для продвижения в партийных рядах было незначительным. После 1930-х годов более 70% высшей партийной и советской элиты не идентифицировали свое социальное происхождение и не утверждали, что они выходцы из рабочих или крестьян. Бюрократия стала идентичностью социального происхождения.

Члену бюрократии нет необходимости определять свою национальность или этническую принадлежность, поскольку он/она выигрывает от конформизма. Таким образом, национальность советского чиновника можно определить как «советский бюрократ», потому что его/ее интересом было сохранение позиции внутри группы. Возможности, предоставляемые советским чиновничеством, принуждали его членов к лояльности, а национальное, этническое или социальное происхождение становилось второстепенным. Советская партийная элита предпочитала идентифицировать себя как советскую, а не грузинскую или украинскую.

В последнее время некоторые так называемые «специалисты» утверждают, что в беспорядках в бывших советских республиках виноват русский шовинизм и дискриминации меньшинств. Цифры показывают, что существовала практика фаворитизма, ограниченного продвижения по службе и доступа к привилегиям, но шовинизм отсутствовал — большинство меньшинств было представлено в верхних эшелонах советской власти.

Русские и украинцы вместе составляли 70% членов ЦК. Остальные места были отданы представителям других национальностей и этносов, таких как белорусы, армяне, азербайджанцы, поляки, казахи, узбеки, евреи и латыши. Даже такие малочисленные группы, как коми, греки, марийцы, чеченцы и корейцы были представлены в высшей власти.

Представительство некоторых национальностей оставалось постоянным, в то время как другие менялись со временем. Напри-

мер, среди представителей последнего поколения значительно увеличилось число казахов, в то время как у латышей наблюдалась значительная потеря мест.

В 1986 году представители многих этнических групп вступили в коммунистическую партию. Соответственно, ожидалось увеличение их представительства в ЦК КПСС. Но этого не произошло. Значительный приток в партию еврейского населения однако не увеличил его присутствие в ЦК КПСС. В партии состояло 215 000 евреев, что составляло 1% от всего состава партии. Но в ЦК партии был только один представитель еврейского населения из Биробиджана. В то же время, существовала дискриминация этнических русских, проживающих в «нерусских» республиках, что делало избирательным национальное представительство от республик. На 27-м съезде было избрано 56 украинцев. В это время в УССР проживало одиннадцать миллионов русских. Но среди избранных не было ни одного этнически русского.

Сравнение с другими годами дало аналогичные результаты. На 22-м съезде было 40 представителей от Украины, и ни один из них не был этнически русским. Дальнейший анализ несомненно раскроет не мало загадок и даст им разъяснение.

ОТ СТАЛИНА К ГОРБАЧЁВУ. ЧИСТКИ И ОТСТАВКИ ЭЛИТ СССР

Советская партийная элита представляла собой социальную группу, стоявшую на вершине общественной иерархии. Вход в этот круг охранялся, и включение требовало воли и умения. Еще большей стойкости требовалось от тех, кто стремился удержаться у власти навсегда, вплоть до последней славной минуты почетного захоронения у Кремлевской стены.

Успех измерялся долголетием у власти. Не социализм, а самосохранение и улучшение условий жизни были руководящими принципами этой группы. Его маяком было не столько благополучие масс, сколько парад катафалков на Красной площади. Неудивительно, что после многих десятилетий пустых лозунгов партия, как и ее руководство, превратилась в систему, чуждую социальной мобильности. Скорее, его забота заключалась в том, чтобы гарантировать комфортное эксклюзивное членство.

Небольшой полузамкнутый круг поддерживался за счет привлечения лоялистов и удаления нежелательных элементов. После долгих лет испытаний и невзгод, многие члены ЦК КПСС вложили много сил в свою успешную карьеру и продвижение по службе и хорошо научились смягчать неизбежный уход. Выход из элитной группы или исключения (в последнее время некоторые российские социологи стали употреблять термин «экскорпорация») означал резкое понижение своего социального статуса. Иногда это происходило мягко, с переводом участников на другие ключевые должности. В других случаях это было резкое падение с «Лестницы Иакова». Независимо от обстоятельств, выход наносил раны, как социальные, так и психологические. «Исключение» было больше, чем просто увольнение. Выход сопровождался борьбой и бартером; некоторые члены теряли свою власть, в то время как другие выигрывали, и, таким образом, получили больше политического капитала.

Борьба велась разными способами: полным отстранением, смертью или вынужденным уходом в отставку; путем частичного удаления с потерей политического капитала; и «геттоизацией», когда члена удаляли из внутреннего круга и помещали в резерв, место для будущего поиска и использования.

Партийные элиты Советского Союза обладали политическим капиталом, ценным товаром, недоступным «смертным». Лишить членов ЦК такого доступа было непростой задачей, так как это означало их социальное унижение: потерю власти, статуса и многих привилегий, включая бесплатный доступ к лучшим больницам, медицинскому обслуживанию, жилью, пансионатам, санаториям и специальным продуктовым магазинам.

У партийной элиты не было желания уходить добровольно. Большинство накопило в своем распоряжении мощные связи, сети и ресурсы, которые предотвратили или отсрочили их увольнение. Временами попытки удалить члена вызвали серьезную реакцию с драматическими последствиями. Чем дольше член ЦК занимал определенное положение и чем выше было это положение, тем больше он накапливал политического капитала, что усиливало его сопротивление. Например, попытка отстранения Н. С. Хрущева от власти в 1957 г. вызвала контратаку сторонников Хрущева, операцию, в которой участвовали сотни людей и десятки боевых самолетов и которая закончилась устранением первоначальных нападавших и победой Хрущева.

Видимо, ротация и увольнение членов ЦК были жизненно важны для здоровой циркуляции элиты и так же необходимы, как гене-

ральная уборка в установленной системе. Было несколько периодов организованного исхода, но наиболее значительными были пик партийных чисток 1936–1939 и 1985–1990 годов. Обе кампании были мотивированы групповой борьбой за власть в дополнение к политическим и идеологическим соображениям; обе запускались и прекращались внезапно, когда количество вычеркнутых достигало определенного процентного пункта; обе были нацелены на представителей определенного поколения, находившихся у власти: первое поколение в 1936–1939 годах, а второе — в 1985–1990 годах. Оба раза были победители, которые оставались у власти, получали выгоду от устранения своих противников и переходили на следующий игровой уровень. Оба раза ряды ушедших были многочисленны (до 14% всего ЦК). Оба раза главными мишенями были не только личности, но и определенные должности и звания.

Профилирование жертв чисток 1936–1939 годов позволяет сделать интересные выводы. Чистки затронули относительно небольшой процент советского населения — большинство подвергшихся чистке были людьми, занимающими руководящие должности. Члены ЦК пострадали значительно, и ущерб кажется еще более «впечатляющим», если учесть, что ликвидированные члены ЦК почти исключительно принадлежали к одному поколению, первому поколению у власти («старые большевистские бароны»), вступившие в партию до 1917 года. «Неудачники» были вытеснены, и более 40 процентов этого поколения погибло.

Эти результаты позволяют предположить, что отстранение от власти было скорее сознательным применением определенной стратегии. Так же очевидно, что чистили выборочные должности и офисы, а не всех подряд беспорядочно. Среди вычищенных было много региональных партийных секретарей, могущественных советских «бояр», которые окружали себя группами последователь, составлявшими основу их политических кланов.

Почти все они принадлежали к первому поколению; они были ветеранами революции и гражданской войны, проводили коллективизацию и первые две пятилетки и были хозяевами своих владений, контролируя сельское хозяйство, промышленность, безопасность, и бюджеты. Им поклонялись и они следовали личным, часто харизматичным, а не бюрократическим формам власти. Эти люди были личностями, и отстранение их от власти было трудной задачей, поскольку требовало отстранения целой «команды» вместе с ее лидером.

С точки зрения чиновничества, целью было долголетие в политической и социальной верхушке. Была такая счастливая группа, которая составляла 30 процентов всего ЦК. Большинство победителей, пришедших на смену уничтоженным, принадлежало ко второму поколению. Они пришли на сцену в конце 1930-х годов и воспользовались открывшимися возможностями. Такие известные советские лидеры, как Хрущев и Косыгин, принадлежали к этому поколению, которое больше всего выиграло от системы. Его члены находились у власти дольше всех; они наслаждались успешной жизнью и загробной жизнью, поскольку большинство из них было похоронено на престижных кладбищах, а их потомство получило широкие привилегии. Среди переживших чистки были и те, кто принадлежал к первому поколению, например, Микоян, Литвинов, Андреев и Молотов. Это были люди, составлявшие сталинскую «команду мечты»: они не только выстояли, но и были дополнительно вознаграждены повышением и чинами. Некоторые из этих победителей оставались у власти десятилетиями и после смерти Сталина.

Однако время не щадит никого и никого не любит. К 1980-м годам второе и третье поколения постарели и преградили путь продвижению следующей группы политических альпинистов. Этот конфликт поколений должен был быть разрешен путем исключения или ротации кадров. Конфликт замечен уже в 1960-е годы, когда членство в ЦК стало самоцелью. До конца 1930-х годов многие члены ЦК, не избранные на съезде партии, перешли на другую работу. А некоторые не дожили до пенсии, потому что были физически устранены. Однако к 1960-м годам ситуация изменилась. Деградация элиты была быстрой. Членство в элите больше не рассматривалось как возможность улучшить государство и общество, а представляло собой престижный клуб с социалистическими лозунгами, украшающими фасады. Изменилась даже их самоидентификация: сыновья рабочих и крестьян путались в своем социальном происхождении. Ведь это была профессиональная партийная бюрократия, социальная категория, не признаваемая советским кадровым уставом. Номенклатура стала судьбой: время службы на высших должностях длилось более тридцати лет, и большинство людей умирало при исполнении служебных обязанностей.

Горбачев и его сторонники, все представители четвертого поколения, попытались избавиться от стареющего второго — и многих наиболее патриотически настроенных представителей третье-

го поколения — акт измены в глазах большинства функционеров, который привел к значительному сопротивлению.

Кампания принудительных отставок произошла в 1985–1990 гг. Анализ этой чистки показывает, что средние показатели как смертности, так и выхода на пенсию в течение семидесяти лет находились на устойчивом естественном уровне около 5 процентов в год. В 1920-е годы выхода на пенсию не было, поскольку все члены были молоды. Из 259 членов первого поколения только 4 процента вышли на пенсию, а остальные подверглись чистке. Во время войны 1941–1945 годов и в брежневские годы пенсионного всплеска тоже не было. Тихие воды были внезапно нарушены волнами выхода на пенсию в 1957 году и в начале 1960-х годов, и все это имело особое историческое значение.

Пенсионные кампании не только разрешали существующие конфликты поколений, но и использовались в политической борьбе за власть между различными фракциями. Эти периоды в истории были знаковыми. Они были настолько краткими, что были почти невидимы в больших масштабах и поэтому ранее не замечались. Статистический анализ, который фокусируется на политике поколений, демонстрирует более мелкие нюансы пенсионной политики. Действительно, многие пенсионеры принадлежали к одному поколению, но более пристальный взгляд указывает не только на борьбу поколений, но и на групповую борьбу внутри системы.

Наиболее ярким примером этого процесса были организованные отъезды «молодых пенсионеров». Средний возраст выхода на пенсию для всех членов ЦК составлял шестьдесят шесть лет. При разделении по поколенческим группам средний возраст первого, второго и третьего поколений составлял 68 лет, а четвертого поколения — 61 год. В то же время были гораздо более молодые члены, вышедшие преждевременно: тридцать пять представителей второго поколения покинули систему в пятьдесят пять лет, а сорок четыре представителя четвертого поколения ушли в возрасте пятидесяти восьми лет. Анализ показывает, что среди пенсионеров второго поколения было 20% молодых пенсионеров и столько же молодых пенсионеров среди представителей четвертого поколения. Эти активные и относительно молодые члены еще не достигли пенсионного возраста и не болели, так как многие прожили еще примерно тридцать лет. Они были вынуждены покинуть систему, и их уход был связан не с естественным процессом старения, а, скорее, с результатом борьбы между фракциями.

В 1957 году многие были вынуждены уйти в отставку в результате борьбы между Хрущевым и его противниками. Многие из ушедших были и молодыми пенсионерами. Метод Хрущева был использован против него в ходе успешной антихрущевской кампании 1960-х годов.

Однако эти волны были ничтожными всплесками по сравнению с волной принудительных отставок, который начался в 1985 году и продолжался до 1990 года, когда Горбачев вытеснил более 40 процентов членов ЦК. В какой-то момент ЦК сократился почти до ста человек, значительное отклонение от четырехсот.

Причин такого резкого всплеска было две: насущный кризис поколений, потребовавший устранения второго и третьего поколения у власти, и необходимость очистить высшие партийные эшелоны от оппозиционеров горбачевской власти. Следовательно, поколенческая чистка и идеологическая чистка происходили одновременно.

Если Сталин убрал более 40 процентов представителей первого поколения или старой гвардии, то Горбачев избавился почти от всех представителей второго и многих представителей третьего поколения. Пленум ЦК на заседании 25 апреля 1989 г. «принял» отставку 94 человек из 400 членов. Большинство этих выходов на пенсию было официально объяснено как основанное на «проблемах, связанных со здоровьем», что было стандартным кодом для принудительного выхода на пенсию. В действительности средний возраст этих пенсионеров составлял от 58 до 60 лет, что значительно ниже среднего пенсионного возраста членов ЦК. Из 101 действительного члена ЦК, ушедших в отставку, 30 были моложе пенсионного возраста.

Как и во время чисток 1936–1939 годов, реформы Горбачева были больше, чем борьба поколений и фракций; они также были тесно связаны с дилеммой центра и периферии. Многие из вычеркнутых были региональными партийными лидерами. Борьба за власть между центральным правительством и провинциальными боярами продолжалась, опять же с большими потерями среди региональных партийных лидеров. Среди насильственно ушедших было двадцать секретарей обкомов партии (помимо десяти министров и нескольких высокопоставленных военных) — в Москве, Ленинграде, Архангельске, Липецке, Астрахани, Орле, Оренбурге, Челябинске, Волгограде, Калуге, Пскове, Омске, Саратове, Куйбышев, Пензе, Тамбове и др.

Желание Горбачева сохранить систему и «изменить лицо» социализма, вдохновленное чешскими товарищами его юности, бы-

ло нереалистичным. После своей кампании по «чистке рыбы» он остался в полном одиночестве, ненавистный практически всем ЦК. Его предложения были саботированы; его приятели в конце концов предали его. С командой, намного меньшей, чем у Сталина, лишенной большой базы поддержки и окруженной горсткой жадных до власти людей, он шел до конца своего правления.

Горбачев попытался спасти систему, влив новую кровь, но количество приемлемых партийных кандидатов было мизерным, а качество их образования и опыта вызывало сомнения. Эти замены, некоторые из которых были водителями и сельскохозяйственными рабочими, имели ничтожно короткий партийный стаж и не имели связей. Им также не хватало харизматичности Ленина, Троцкого, Каменева и Бухарина. ЦК подошел к концу своего семидесятилетнего жизненного цикла, который начался романтической и буйной юностью и закончился старческим опустошением и апатичным одиночеством.

ПУТЬ ХРУЩЁВА К ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ, ЗАГОВОР И ЧИСТКА: ПЛЕНУМ ЦК КПСС (1957)

В 1957 году Никита Хрущев утвердил себя, как единоличный лидер Коммунистической партии Советского Союза. Важной вехой в его победоносной борьбе стал июньский Пленум ЦК 1957 г. Победа Хрущева пришла в результате битвы двух поколений, расчистившей путь к власти следующей когорте советских лидеров. Хрущев же едва пережил заговор с целью его свержения.

Главные заговорщики, В. М. Молотов, Г. М. Маленков и Л. М. Каганович, вели козни против Хрущева не из-за его политических взглядов или неэтичного поведения, а потому, что, подтверждая свою власть, он принижал их. Маленков конфликтовал с Хрущевым с 1955 года. Молотов конфликтовал с Хрущевым еще раньше, а Каганович ненавидел Хрущева, потому что его бывший протеже отказывался оказывать Кагановичу должное уважение. Молотов презирал и Кагановича, но они объединились, потому что их неприязнь к Хрущеву была сильнее чувства взаимной неприязни.

Главные заговорщики завербовали других. Одним из них был К. Е. Ворошилов, номинально глава государства, а на самом деле не более чем подставное лицо, или дедушка — свадебный маршал. Тем не менее, заговорщики непременно хотели его участия, пото-

му, что он был одним из старейших выживших большевиков, и это придало их борьбе за власть дополнительную легитимность.

Были и мелкие сообщники, в том числе Н. А. Булганин, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Д. Т. Шепилов, оказавшиеся втянутыми в эту схватку титанов. Они, особенно Шепилов, бросали вызов Хрущеву и критиковали его «крестьянское» поведение и отсутствие должного образования. Хрущев, в свою очередь, прези­рал академический статус Шепилова, поскольку он напоминал ему о его собственных недостатках.

Такова была «банда восьми» (семеро из которых составляли большинство полноправных членов Президиума ЦК КПСС). Сначала они сопротивлялись инициативам Хрущева, критиковали его предложения и требовали его смещения. Через некоторое время они попытались взять под свой контроль КГБ и вооруженные силы.

18 июня 1957 года главные заговорщики созвали заседание президиума Совета министров, в состав которого уже входило большинство участников, за исключением Хрущева. Президиум собрался якобы для обсуждения поездки Хрущева в Ленинград. Однако после заседания заседание было объявлено заседание самого Президиума партии, что было той же уловкой, которая применялась против А. П. Берии.

Это был открытый акт неповиновения в попытке сместить Хрущева и установить полный контроль над партией и правительством. Последовали лихорадочные маневры. Микоян и Жуков, поддерживавшие Хрущева, настаивали на том, чтобы многие члены встали на их сторону. Было составлено письмо двадцати членов ЦК с требованием срочного созыва Пленума ЦК.

Этой же ночью, с помощью КГБ и военных, Хрущев переправил региональных членов ЦК в Москву на военных самолетах. Это была массовая переброска по воздуху, поскольку многие сторонники Хрущева находились в отдаленных местах. Удалось собрать почти 200 человек. К 20 июня заговорщики отступили, и Президиум согласился созвать Пленум ЦК на следующий день после полудня. Пленум начался 22 июня и закончился 28 июня.

После провала заговора официально осудили и назвали Маленкова, Молотова и Кагановича главными зачинщиками. Шепилов был осужден как «примкнувший к ним». Сабуров, Первухин, Ворошилов и Булганин даже не упоминались в официальных документах. Пленум единогласно подтвердил лидерство Хрущева.

Пленум 1957 года традиционно характеризовался как борьба за новый курс на десталинизацию и либерализацию. В других интерпретациях он определялся, как борьба за власть, приведшая к победе хрущевского политического лагеря над «антипартийной» группой внутри советского чиновничества. Однако есть еще одно очень важное и игнорируемое измерение этой борьбы за власть и победы сторонников Хрущева. Пленум явился открытым столкновением двух поколений, результатом которого стало отстранение от власти «старой гвардии».

В то время как многие ученые спорят об определении «поколений» и их классификации, они согласны, что поколения, как категория, должны быть включены в исторический дискурс, поскольку они представляют собой конкретные социальные группы, не отличающиеся от классов. Люди прочно идентифицируют себя «с другими людьми своего поколения», чувствуют себя ближе к своим современникам, чем к любой другой группе. Поколение можно охарактеризовать как караван, внутри которого человек движется узником. Каждый караван идет по жизни вместе с другими караванами и в то же время отдельно, в то время как каждый человек внутри него таинственным образом узнает всю остальную часть своего коллектива, как муравьи в каждом муравейнике узнают друг друга по своеобразному запаху. Таким образом, поколение объединяет членов близкой возрастной группы, сформированной историей.

Статистический анализ партийной номенклатуры 1950-х годов дает много информации о проблемах поколений, которые преследовали советское чиновничество. Исследования и анализ партийной элиты показывают, что 66% из 411 членов Пленума 1957 года были в возрасте от тридцати до пятидесяти лет. Большинство представителей этой группы родились в период с 1905 по 1910 год, то есть этим высокопоставленным лицам в 1957 году было от сорока семи до пятидесяти двух лет. Они начали свой карьерный подъем примерно в 1935–1939 годах. Им понадобилось около двух десятилетий, чтобы подняться по партийной лестнице и занять важные посты во власти. Лишь несколько человек родились после 1917 года.

В то время как 47-летние сановники определялись как «молодые», представителям старшего поколения было приблизительно 62 года, и они родились между 1895 и 1900 годами.

В быстро меняющемся обществе формирующий опыт обязательно будет разным для каждого последующего поколения. Не-

избежным результатом являются все более радикальные различия между самими поколениями. У группы 1895–1900 г. р. и 1905–1910 г. р. был разный опыт подросткового и юношеского взросления, что способствовало формированию их взглядов на жизнь, культурного выбора и политических взглядов. В то время как «старшие» стали взрослыми в хаосе Первой мировой войны, революции и гражданской войны, младшие были тогда подростками и не пережили тех же испытаний.

Существовали также различия в образовании и профессиональной подготовке, обусловленные разным историческим периодом, в котором выросли оба поколения. Старшие были нэповскими «выдвиженцами», а младшие продвигались в первую очередь за счет социальной мобильности в годы первой и второй пятилетки.

Еще одно важное отличие заключалось в количестве представителей каждого поколения у власти. Система советского чиновничества была жесткой и иерархической, а партийные чиновники служили до самой смерти или выхода на пенсию в конце жизни.

В 1950-е годы должно было быть значительное количество «старшей» группы чиновников. Однако в 1957 году шестидесятидвулетние чиновники составляли меньшинство. Их относительно небольшая численность и отсутствие значимой группы лишь немногим моложе свидетельствует о том, что отсутствовало целое поколение партийных чиновников. Чистки 1930-х годов и Вторая мировая война прервали естественный путь развития бюрократии.

Однако к 1950-м годам «молодые» сами стали «старшим поколением» и, в свою очередь, опасались за свою власть. Хотя старшие были в меньшинстве, они занимали самые влиятельные и престижные посты, а остальные были лишены доступа к высшей власти. К лету 1957 г. ситуация в советском руководстве стала взрывоопасной. Любая дискуссия между двумя лагерями могла привести к кризису. Компромиссы стали невозможны, и каждая группа готовилась к борьбе.

Эти различия между поколениями следует описывать как конфликт «отцов и дедов», а не «отцов и детей». Отцы, движимые упрямым отказом своих старших уступить место, должны были заставить дедов отречься от своей власти. Летом 1957 года их борьба увенчалась успехом: они вытеснили пожилых членов и открыли для себя новые возможности.

Пленум 1957 года был ритуалом чистки старой гвардии. Целью июньского Пленума якобы было «утвердить власть ЦК под руко-

водством Хрущева во имя социализма и советского народа». Однако материалы Пленума были связаны с советской идеологией лишь на очень поверхностном уровне. Сторонники Хрущева изображали из себя истинно верующих, в то время как обвиняемые «заговорщики» вычищали сами себя причудливой процедурой. Пленум больше походил на племенные и крестьянские общинные ритуалы, родственные французскому «шариаари» или японскому «кегаре», чем на официальное собрание Коммунистической партии. Хрущев уловил самую суть Пленума, сравнив его со своей деревенской практикой: «Провинившихся периодически пороли крапивой, чтобы они совсем не потеряли нюх».

Таким образом, Пленум был социальной манифестацией, утвердившей господство коллектива над «извращенцами». Это была групповая деятельность, посредством которой они унижали достоинство противника и указывали ему его надлежащее место в иерархии власти. Подобно тому как в традиционной деревенской среде старейшины, которым пришлось смириться с потерей статуса в обществе после того, как они потеряли свои прежние физические способности, у старой партийной гвардии не было другого выбора, кроме как ускорить свое собственное наказание, потому что такое унижение спасало их жизни.

Младшие участники Пленума чувствовали слабость старейшин и яростно нападали. Старая гвардия демонизировалась. «Властолюбцы» и «двуликие Янусы», пытавшиеся узурпировать власть, отбивались из последних сил.

Язык борьбы особенно ярко проявился в дискуссиях о расколе поколений между старой гвардией и новыми лидерами. Точно так же во время Культурной революции в Китае, молодые борцы требовали компенсации за свои годы самопожертвования. Время было выбрано идеально: могучий Бог-Сталин ушел, и без его покровительства было легко пинать и без того «беззубых» идиологов.

Пленум проходил по определенному сценарию, и его исход был предопределен: старая гвардия должна была быть осуждена и должна была освободить свои высокие посты. Тем не менее, слушания продолжались двенадцать изнурительных дней, по два заседания в день. Какова была цель такой продолжительной психологической пытки? Более 200 лидеров партии и государства заявили, что ищут Истину, чем был обусловлено это продление.

В результате расследования на заседаниях всплыло множество важных и весьма тревожных фактов. Однако ни один из этих фак-

тов не был осмыслен и не был использован для судебного преследования преступников. Молотова, Маленкова, Кагановича, Сабурова, Первухина, Шепилова и Буганина заставляли давать показания о своих злодеяниях и держали на скамье подсудимых до тех пор, пока они не изложили все деяния в мельчайших подробностях. Утверждалось, что многие из обвиняемых лично участвовали в многочисленных арестах, чистках и казнях сотен тысяч невинных людей.

Пленум имел возможность отреагировать на эти утверждения и обвинения, но этого не сделал. Это не было его целью. Факты приводились лишь для того, чтобы проиллюстрировать характер подсудимых, чтобы запугать, а не для того чтобы наказать их за их преступления. Таким образом, пафос поисков Истины не имел ничего общего с реальностью. Это было частью риторической стратегии, защищавшей интересы правящей элиты. Николай Бердяев писал в 1937 году, что современная эпоха не знает критического интеллектуального спора, а хочет только разоблачения, изгнания и наказания. Хрущев объяснил это гораздо лучше, сказав: «Мы должны обращаться с отщепенцами, как хорошая домохозяйка, которая учит кошку, суя ее нос в собственную мочу».

Ритуальные методы заседаний также напоминали покаяние — «признания ошибок перед своими братьями, братского исправления, проверки совести, принятия ошибок ради праведности». Обвиняемый должен был сознаться и покаяться, просить прощения и получить наказание. Судьи, т. е. участники Пленума, должны были простить «грехи» и определить наказание. Фуко утверждал, что исповедь стала одним из наиболее ценных методов установления истины, который не имеет ничего общего с настоящей истиной. Вместо этого исповедь стала ритуалом дискурса, разворачивающимся в рамках властных отношений. Такой ритуал, утверждал Фуко, «оправдает, искупает и очищает человека, произносящего исповедь; он снимает с него бремя его ошибок, освобождает его и обещает ему спасение».

Выступавшие обвинители утверждали, что заговорщики были вселенскими лжецами и заключили договор с дьяволом, что вдохновило их на нападение на ЦК. Поэтому действия обвиняемых были охарактеризованы как раскол единого братства. Все обвиняемые в итоге признались в умышленном умысле, попросили прощения и покаяния.

Многие современники были озадачены таким исходом Пленума, разочаровавшего их отсутствием насилия. Итоги длительного Пле-

нума казались многим нелогичными. Никаких официальных обвинений предъявлено не было, и стенограмма не была доступна в течение почти четырех десятилетий. Молотов, Маленков, Каганович и Шепилов были публично осуждены и сняты со своих постов, но до выхода на пенсию оставались частью партийного аппарата. Даже Молотов остался членом ЦК и был направлен в Вену. Сабурову, Первухину и Булганину просто объявили выговор. Об успехе борьбы за власть следует судить, однако, не по ее снисхождению к обвиняемым, а по тому, что произошло после устранения заговорщиков. Во втором акте спектакля сторонники Хрущева — А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, А. И. Кириченко, Ф. П. Козлов, Н. А. Мухитдинов, А. П. Косыгин, А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров и другие пополнили Президиум. Переворот успешно завершился.

СОВЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЭЛИТ

На протяжении всей истории, живые общества обустроивали «общества мертвых». Они отражали иерархию живых и их систему ценностей. «Общества мертвых» статус умерших, религиозную или идеологическую принадлежность, а также политические и социальные пристрастия. Например, римская аристократия была погребена в пантеонах, а рабы были помещены в общих ямах. В большинстве европейских средневековых городов преступников, бродяг и самоубийц выбрасывали за городскими стенами, а высшее духовенство покоилось в катакомбах под монастырями. В Соединенных Штатах до эмансипации белые плантаторы и черные рабы были разделены и в жизни, и в смерти, так же, как иудеи, христиане, мусульмане, и буддисты.

Посмертной сегрегации не избежали и российские «общества мертвых». Например, в Москве до 1917 года, нищих и неугодных хоронили на Лазаревском кладбище. Иностранцев изолировали от местных в Марьиной роще, а затем на немецком кладбище в Лефортово. Подобно другим человеческим общинам, русских умерших представителей различных религиозных конфессий хоронили вдали друг от друга. В Москве было семь кладбищ для христиан и два кладбища для инакомыслящих, например Рогожское кладбище старообрядцев.

Общества, основанные на иерархиях, возвышали свои элиты в жизни и в смерти. Поколения тех, кто наделен властью, были по-

хоронены отдельно от простолюдинов с железного века. Элитные кладбища служили множеству целей: они определяли территорию клана и его природные ресурсы, обозначали социальные иерархии и указывали правильные идеологические направления. Признание высшего статуса элит служило важным связующим звеном между обществами прошлого и будущего. Точно так же существенной чертой, характерной для русских имперских могильников, было отделение элиты от простого люда. Парето, социолог и философ начала 20-го века, утверждал, что природа всех обществ по существу схожа, и в них постоянно доминирует элита. Захоронения русской элиты вполне соответствуют его знаменитому выводу, что «история — это кладбище элит».

До 1917 г. умерших из аристократии, духовенства и дворянства хоронили в особо избранных местах в соответствии с их классовым различием. В декабре 1918 г. вновь созданное большевистское правительство приняло Декрет о захоронениях. Этот указ, основанный на принципе равенства всех граждан, провозгласил монополию государства на кладбища и вывел их из-под контроля религиозных учреждений. Государство также монополизировало организацию похорон. Прежние классовые и денежные различия были аннулированы, а похороны должны были быть едиными. Каждый гражданин имел право на равное и бесплатное захоронение.

Принципы равноправия, провозглашенные Советским правительством, вскоре были забыты. Советская государственная и партийная элиты утвердили свой привилегированный статус в советском обществе, которое стало иерархическим. Кладбища отразили эти изменения. Элитные покойные были похоронены в специально оборудованных местах вдали от простых смертных.

Советские власти хоронили свою элиту в четырех местах: на Красной площади, на Новодевичьем, Ново-Кунцевском и Троекуровском кладбищах. Эти места уже использовались в качестве могильников еще до распада Российской империи. А история советских кладбищ начинается с первых захоронений на Красной площади, которые начались в 1917 году и продолжались до 1985 года. Однако ранее в кремлевских помещениях хоронили другую элиту: царей, князей и высшее духовенство. Похоронив «своих» мертвецов, Советы присвоили себе территорию кремлевского некрополя.

Первые советские умершие прибыли в ноябре 1917 года. Сначала это были братские могилы: во время московских событий погибло двести тридцать восемь революционных борцов.

Самая ранняя индивидуальная могила принадлежит Я. Свердлову, умершему в 1919 г. После постройки мавзолея Ленина в 1924 г. вокруг него продолжались захоронения всей советской элиты, которые делились на две категории. Одна группа была захоронена в могилах и включала в себя виднейших деятелей партии и правительства, таких как М. Фрунзе, Ф. Дзержинский, С. Буденный, М. Суслов, Л. Брежнев, Ю. Андропов и М. Черненко. Во вторую группу из 114 человек вошли те, кто был кремирован. Их урны были запечатаны внутри Кремлевской стены по обеим сторонам Сенатской башни. Из них особенно известны советские военные, политики и общественные деятели — Г. Жуков, А. Косыгин, В. Менжинский, Г. Орджоникидзе, Р. Малиновский, И. Конев, а также зарубежные «гости», связанные с международным социалистическим движением: Дж. Рид, К. Цеткин, С. Катаяма.

В урнах был прах, но не весь прах считался одинаковой значимости. Урны вождей прошли дополнительный отбор и были размещены либо в левой, либо в правой части некрополя. В 1925–1935 годах урны в основном располагались с правой стороны, а после 1937 года большинство урн располагалось с левой стороны. Захоронения у левой стороны стены продолжались до 1976 г. (за исключением маршала Жукова). После 1976 года и до тех пор, пока эта практика не прекратилась в 1985 году, урны были помещены с правой стороны башни.

Всего в Кремлевской стене было захоронено 87 членов ЦК КПСС. В среднем в год было от одного до трех захоронений. Последняя могила была сделана для К. Черненко в 1985 г. Последним замурованным в стене в 1984 г. был Д. Устинов.

С 1930-х советское чиновничество росло так быстро, что территория Кремля не мог удовлетворить спрос. Возникла потребность в еще одном некрополе, и было выбрано Новодевичье кладбище. Выбор был закономерен: Новодевичий был известен своими знаменитыми умершими еще с XVI века. До советского времени, кладбище служило местом последнего упокоения дворянства, духовенства, поэтов, музыкантов, писателей и ученых. В 1927 году многие старые могилы были ликвидированы и заменены участками для советской элиты. Сегодня на Новодевичьем захоронено более 26 000 человек, в период с 1927 по 2007 год. На Новодевичьем кладбище покоится 249 членов партийно-государственной верхушки. Среди них такие известные люди, как М. Литвинов, Н. Булганин, Н. Подгорный, А. Громыко.

Ко второй половине 20-го века живые столкнулись со знакомой дилеммой: слишком много влиятельных людей и слишком мало хороших мест для жизни и после смерти. Для многих представителей партийной элиты Кремлевская стена была недостижимой целью. Н. Хрущев, например, возлагал большие надежды, которые так и не оправдались. Он был похоронен на Новодевичьем кладбище в 1971 г. Там к нему присоединились Н. Булганин (умер в 1975), В. Молотов (умер в 1986), Л. Каганович (умер в 1991) и Б. Ельцин (похоронен в 2007). Все они имели высокое положение, но не были допущены в Кремлевский некрополь.

Поскольку Новодевичье кладбище использовалось только для высших эшелонов власти, другим рядовым чиновникам пришлось принять пораженческое предложение на кладбище в Ново-Кунцево. Оно было перестроено в 1920-х годах на месте Спасского некрополя, построенного в XVII веке. Захоронения в Ново-Кунцево начались в 1976 году и продолжаются до сих пор. В Ново-Кунцево похоронены 46 членов ЦК КПСС: среди них С. Шаталин и В. Цыбулько.

В 1977 году партийные и государственные чиновники добавили себе еще один некрополь в Троекурово. Он функционировал одновременно с Ново-Кунцево и открыт до сих пор. Там похоронены 83 представителя высших слоев. Большинство из них умерло в период с 1990 по 1991 год, например, А. Кириленко, В. Федоров, М. Зимянин.

В процессе становления, советское общество использовало кладбища и их обитателей, как кирпичики социального строительства. Место захоронения элиты: в пантеоне, в мавзолее, внутри кремлевской стены или на престижном кладбище не только заявляло о привилегированном положении умерших, но и демонстрировало их дальнейшее восхождение. Это была форма социальной мобильности, которая означала успешный конец жизни. Вступая в круг советского чиновничества, человек отдавал свое тело государству и обществу. Почитаемые кладбищенские участки были частью пакета советской номенклатуры: их знатная жизнь обеспечила их восхождение в смерти.

Захоронение определяло могущество человека, оставшегося в анналах истории. Так силен был этот соблазн, что некоторые советские сановники предпочли после смерти быть захоронены далеко от близких, так как члены семей не имели таких привилегий, и их хоронили в других городах, областях, и республиках.

А советские сановники обретали символическое бессмертие и памятник с престижным посмертным адресом.

Сохранение статуса элит после их смерти имело решающее значение. Более того, конец их биологической жизни был гораздо менее важен, чем конец их социальной жизни. Почитаемые люди, умершие еще при власти, могли закрепить за собой лучшие участки. Выход на пенсию, с другой стороны, был прискорбным событием: вероятность быть похороненным в соответствии с рангом была невелика. Жить дольше было опасно, так как новое поколение уже с нетерпением ждало освобождения мест. Для советской номенклатуры лучше всего было умереть на посту. Даже те, кто погиб на войне или в аварии, были в лучшем положении, чем пенсионеры.

Только шесть советских сановников были похоронены на Красной площади после выхода на пенсию. Среди них были Ванников, вышел в отставку в 1958, умер в 1962, Г. Жуков, вышел в отставку в 1958, умер в 1974, и Стасова, вышла в отставку в 1946, а умерла в 1966 г.

Интересно, что, созданные живыми, общества мертвых контролировали и социальную, и нравственную жизнь живых. Ритуалы, такие, как посещение советских пантеонов, а особенно мавзолея Ленина, миллионами людей, формировали национальное сознание. Эти ритуалы были формой поклонения предкам. В советское время молодожены не упускали возможности побывать в этих местах, чтобы получить одобрение отцов-основателей. Сегодня в России молодые люди редко знают эти имена, но по-прежнему в день свадьбы посещают могильники, которые каким-то образом связывают их будущее с прошлым.

С изменением времени и политической ситуации, некоторые умершие становились для режима более ценными, чем другие, что требовало постоянной перетасовки могил. Человеческие общества вообще имеют довольно странные отношения со своими мертвыми. С одной стороны, мертвых приходится отделять от живых, потому что они «перестали быть живыми» и из-за боязни заражения. Живые охраняют умерших, как будто их постоянное существование и вмешательство в дела живых в качестве «предков» или «духов» представляют опасность для общественного строя. С другой стороны, живые сохраняют память об усопших и укрепляют свою с ними связь. Публика беспокоит умерших праздничными обрядами и посещениями, умиротворяет их, делясь едой и питьем на местах их захоронения, и занимается постоянными

ми перезахоронениями. В то же время, живые испытывают тревогу при мысли о потерянных или разбросанных костях своих соотечественников. Эти отношения между мертвыми и живыми имеют долгую историю, и в своей мудрости ускользают от рациональности «современных» идеологий.

В Советском Союзе могилы перемешались в связи с изменением статуса и политических пристрастий умерших. В зависимости от колебаний партийной линии или меняющейся морали общества, одни мертвые становились более нужными, чем другие; их могилы были перенесены из тенистых углов в центральные аллеи кладбищ. Многие были перевезены из разных уголков страны. В 1930-е годы, писатели С. Аксаков, Н. Гоголь и А. Чехов, художники В. Серов и И. Левитан, ученый И. Сеченов покинули свои провинциальные места и перебрались на Новодевичий.

Советское государство неоднократно призывало эмигрантов-писателей и художников вернуться на родину. Многие этого не сделали, и умерли за границей. В таких случаях, их останки были по-прежнему ценны, и Российское государство репатриировало их и захоронило в Москве и Санкт-Петербурге. В российском парламенте как-то прозвучало предложение собрать все «российские останки, разбросанные по земному шару», и привезти домой.

В то же время, были и «несчастные» умершие, которые потеряли свое социальное положение, и их останки были выселены. Сталин был известным примером такой опалы. Его вынесли из Мавзолея, примем под покровом ночи, и похоронили в могиле рядом. Очевидно, что умершие никогда не могут быть в безопасности, как будто контроль над ними лишь увеличивает власть живущих.

Своеобразное отношение к умершим можно увидеть и в выборе мест. Во времена войн и революций в российском и советском обществе, как и в других, существовала устоявшаяся практика массовых захоронений: могилы погибших после декабрьского восстания 1905 года в Москве, и братские могилы защитников Москвы от фашистского вторжения в 1941 году, и захоронения жертв репрессий в Строгино, Бутово и Долгопрудном.

Противники в жизни воскресли после смерти в камне и бронзе, чтобы служить соответствующей национальной идеологии. Например, в Соединённых Штатах Америки, участники Гражданской войны в США, обосновавшиеся на Арлингтонском национальном кладбище, навсегда разделены и в посмертной схватке. Аналогичным образом, в Москве борцов с наполеоновской армией в 1812 г.

хоронили в Ваганьково, а наполеоновских офицеров отправляли в Лазаревское и Введенское. Советские времена не изменили эту практику. После восстания в Москве в 1917 году солдат-революционеров похоронили у Кремлевской стены. В тот же день их политические оппоненты направились на кладбище на Соколе.

Однако противники часто принадлежали к одной и той же социальной, культурной или этнической группе и были в равной степени истощены, плохо одеты и не имели особых отличительных черт, из-за чего было трудно отличить друга от врага. Периодически между учеными, политиками и журналистами возникали споры о том, что были допущены ошибки, и какие-то «нежелательные мертвецы» пробрались в могилы, притворяясь героями.

Однако были и такие, кто упустил свой шанс умереть национальными героями, и позже умерли естественной смертью. Они все еще не избежали своей предначертанной участи: были вскрыты соответствующие братские могилы, и их тела были добавлены, чтобы навсегда оставаться там, где им и место.

Анализ захоронений советской элиты дает важные сведения о структуре советского общества, и традиционной иерархии, в которой партийные и государственные элиты имели высокий статус и привилегии, недоступные рядовым советским гражданам. Почтенные усопшие были отобраны и использованы в качестве строительных блоков, служащих интересам государства. Их могилы были собственностью государства, а их останки были орудиями социального контроля над живыми.

Устройства кладбищ элит было направлено на сохранение такого общественного строя «навечно». Но эта «вечность» продлилась меньше века: изменились национальные приоритеты, и истек срок лояльности. Новая Россия создала своих героев — такова неизбежная победа жизни.

М. В. Разина, И. С. Ратьковский

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ ЖЕРТВАМ ИНТЕРВЕНЦИИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ К РОССИЙСКИМ И СОВЕТСКИМ ГРАЖДАНАМ НА ТЕРРИТОРИЯХ ЗАПАДНЫХ СТРАН

Всероссийское общество содействия жертвам интервенции (ОСЖИ) созданное в 1924 г¹. помимо фиксирования претензий к странам Запада по поводу их действий на территории советских республик занималось поиском контрпретензий и применительно к действиям стран Антанты к российским гражданам на территориях иностранных государств.

Одним из направлений деятельности ОСЖИ стал призыв к созданию отдельного «Общества бывших Российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий во Франции и на Балканах», сопровождаемый описанной с яркими идеологическими штампами историей находившегося в годы Первой мировой войны во Франции и на Балканах Русского Экспедиционного корпуса Русской императорской армии, численностью в 44,5 тыс. солдат и офицеров². ОСЖИ даже выпустило отдельную, посвященную этому корпусу 3-страничную брошюру³.

¹ Разина М. В., Ратьковский И. С. Создание и организация работы Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2023. №19. С. 38–75.

² Краснов В., Дайнес В. Русский военно-исторический словарь. М., 2001. С. 508.

³ Создание Общества бывших Российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий во Франции и на Балканах // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–8.

1-я и 2-я особые дивизии Русской армии участвовали в Первой мировой войне на территории Франции и Греции в рамках интернациональной помощи и обмена между союзниками по Антанте. Оправка русских солдат в Францию имело военный аспект, но важным была и связь этого решения с кредитами, которые ранее были предоставлены России. Однако в первую очередь отправка русских войск во Францию и на Салоникский фронт на территории Греции осуществлялась в обмен на вооружение, представлявшееся России союзниками. Зависимость России от ее иностранных кредиторов приобретала все более кабальный характер»⁴.

История русских воинских подразделений на Западе связана в том числе с трагическими событиями, итогом которых были человеческие жертвы. После Февральской революции 1917 года и принятия «Приказа № 1» солдаты Русского Экспедиционного корпуса бросили вызов своему командованию, потребовав своей незамедлительной отправки на родину. Однако Временное правительство было не готово их принять, поэтому командованием было принято решение снять ненадежные соединения с передовой и отправить их в лагерь Ла-Куратин. Там из-за ухудшения своего положения и под влиянием революционных идей солдаты подняли мятеж (май–сентябрь 1917 г.), который был жестко подавлен командованием. Часть мятежников была передана военному трибуналу, часть отправлена в разные места заключения, в том числе на принудительные работы в Алжир⁵. После Октябрьской революции они были освобождены. Часть солдат выступила с поддержкой Временного правительства. Подписание Брест-Литовского мира и выход России из Первой мировой войны серьезно отразились на положении русских солдат во Франции. Вследствие отказа выполнять союзные обязательства, русские солдаты стали считаться трусами и предателями и всюду презираться французами. Солдаты же заняли революционную позицию. Последним активным действием солдат и офицеров во Франции стало создание Русского Легиона чести. Вместе с австрийцами и британцами он был отправлен к Сомме для отражения последнего крупного немецко-

⁴ Струнин Г. Е. Русские солдаты сражались и погибли далеко от родины // Вестник Академии права и управления. 2014. №6. С. 16.

⁵ Чиняков М. К. Русские войска во Франции и на Балканах (1916-1918) в пространстве и исторической памяти XX–XXI века // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. №1. С. 104.

го наступления. В 1919 г. Легион распустили, часть его отправилась в Новороссийск, где большинство примкнуло к Добровольческой армии Деникина, а часть перешла на сторону красных⁶.

Однако не все находившиеся во Франции русские солдаты примкнули к Легиону чести. Оставшаяся часть солдат находилась на русской базе в Лавале, где занималась помощью инвалидам. Помимо 1-й и 2-й особых дивизий в Европе находилось множество русских солдат, захваченных в плен. После начавшихся в ноябре 1917 г. переговоров о перемирии, русские солдаты были выпущены из немецких и австрийских лагерей и, в большинстве своем, отправлены во Францию. Многие соглашались работать на лесозаготовках и на строительстве дорог. Тех же солдат, которые заявляли о поддержке Октябрьской революции, отправляли в лагеря в Алжире и Кальвадосе, где использовали на принудительных работах. Решение о репатриации всех этих солдат было принято 20 апреля 1920 г. Последняя репатриация состоялась в октябре 1923 г.⁷

Кратко описывая все эти события, авторы ОСЖИ подчеркивали жестокость обращения французского правительства с русскими солдатами, в ярких красках описывали тяжелые условия принудительного труда и заключения, которым подвергалось большое число солдат⁸. Авторы брошюры отмечали, что описанную ими историю необходимо вспомнить именно в тот момент, когда «французское правительство продолжает упорствовать и настаивает на предварительном признании Союзом ССР царских долгов и требует их уплаты». Текст брошюры заканчивался призывом: «все солдаты и военнопленные, бывшие во Франции и на Балканах, а также семьи погибших и не возвратившихся, должны показать свою организованность и предъявить свой контрсчет Французскому Правительству за все пережитое в неволе, под игом Французских империалистов, а также за разоренные хозяйства, в виду гибели во Франции молодых разбойников — бывших солдат».

Этот призыв подводил ОСЖИ к идее создания отдельного Общества бывших Российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий во Франции и на Балканах для сбора информации о пострадавших от действий французского правительства бывших русских солдат.

⁶ Абенсур Ж. Русский экспедиционный корпус во Франции во время Первой мировой войны // Новейшая история России. 2014. №3. С. 82–83.

⁷ Там же.

⁸ Создание Общества бывших Российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий во Франции и на Балканах // ГА РФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–8.

В изданной ОСЖИ брошюре подчеркивалось, что обязанность бывшего солдата и военнопленного не должна закончиться лишь подачей заявления. Каждому было необходимо связаться с Обществом и присылать свои воспоминания, фотографии и сохранившиеся материалы и документы, «по которым будет составляться история жизни и борьбы русского солдата, поработанного Французской военщиной»⁹.

Призывы центрального правления ОСЖИ отчасти поддержали и его региональные отделения. Северо-Западный комитет Общества заявил о своей готовности принять на себя сбор претензий от солдат и военнопленных, бывших во Франции и на Балканах, а также от их семей. Северо-Западное ОСЖИ также призывало все свои местные комитеты присоединиться и принять деятельное участие в сборе претензий¹⁰.

В Ленинграде, помимо брошюры с призывом к созданию отдельного Общества бывших Российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий во Франции и на Балканах, в качестве пропагандистского материала также использовалось обращение бывшего председателя 2-го особого полка в лагере Ла-Куртин Александра Николаевича Козлова к бывшим солдатам и военнопленным. В своем призыве Козлов, следуя основной идеологической линии ОСЖИ, делал акцент на несправедливость французских требований по оплате царских долгов и на необходимость французской стороне самой заплатить «за ту эксплуатацию, издевательство, мученье, за искорванное здоровье и увечья, причиненные нам и нашим товарищам»¹¹. Козлов подчеркивал, что французы заставляли российских солдат проливать кровь «за интересы этой толстопузой *La belle France*», а когда те отказывались, подвергали солдат презрению и издевательствам. Завершая свое обращение, автор призывал бывших военнопленных, солдат и их семьи отправлять в ОСЖИ свои претензии и рассказать, «что с вами творили «предъявители счетов»¹². Впоследствии А. Н. Козлов напишет в 1931 отдельную книгу-воспоминание о событиях в Русском Экспедиционном корпусе с характерным названием «Проданные за снаряды»¹³.

⁹ ГАРФ. Ф. 7628. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-8934. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

¹¹ Товарищи «Куратинцы» и военнопленные, бывшие во Франции // ЦГА СПб. Ф. Р-8303. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹² Там же. Л. 5–5 об.

¹³ Козлов А. Н. Проданные за снаряды. Л., 1931.

В ней он описал, как первые репрессии после приезда солдат по морю в Марсель после убийства 15 августа полковника Маврикия Краузе, которого солдаты подозревали в прогерманских действиях и ненавидели за жесткое обращение с ними (за убийство по сведениям автора было расстреляно 11 солдат¹⁴, по другим данным — 8 человек¹⁵), так и более поздние события 1917 года. В частности в книге был опубликован приказ № 1 от 17 июля 1917 года по Русским войскам во Франции, в котором указывалось на возможное применение смертной казни при неповиновении солдат¹⁶. Подробно в книге рассмотрены и куртинские события, закончившиеся расстрелом солдат в лагере Ла-Куртин в сентябре 1917 года, последующее пребывание российских солдат в тюрьмах и на каторжных работах во Франции. Общее количество погибших российских солдат при подавлении «мятежа» дискуссионно. Приведем указания по этому поводу в кандидатской диссертации М. К. Чинякова: «Козлов, Егерев, Власов и даже Кидяев (известный своими «прореволюционными» настроениями) не сообщают точные потери, только намекая об огромных потерях, Вавилов свидетельствует только о том, что от первых же снарядов погибли 9 чел., 3 чел. были ранены. Мемуаристы называют совершенно разные общие цифры потерь: Малиновский — свыше 600 чел. (более 200 убитых и не менее 400 ранеными), авторы сборника «Русские солдаты во Франции» — до 600 чел., Карев — не менее 1,0 тыс. чел., современный французский журналист Л.-И. Жилу — не менее 100 чел. убитыми и ранеными, а известный американский журналист Дж. Рид утверждает (без ссылки на какие-либо источники), что после подавления мятежа «... победители хладнокровно расстреляли свыше 200 восставших». Самые большие цифры потерь привел Лисовенко — 3,0 тыс. чел. Но сведения Карева, Лисовенко и др. можно сразу подвергнуть сомнению из-за существовавшей во время написания их работ политической конъюнктуры. Однако французский офицер П. Пети утверждает, что потери только одними убитыми составили около 1,5 тыс. куртинцев. По данным французского военного архива, в момент расформирования 1-й Особой дивизии в декабре 1917 г. в ней насчитывалось около

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Чиняков М. К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916—1918): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт. Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 2006. С. 163–164.

¹⁶ Козлов А. Н. Проданные за снаряды. Л., 1931. С. 28–29.

16,5 тыс. чел., хотя в июне того же года в ней находилось 15,5 тыс. чел. К сожалению, остаются неизвестными источники пополнения и численность 1-й Особой дивизии за июль–октябрь. В своей книге современный французский исследователь Адан оценивает потери приблизительно в сотню чел, а в одной из частей собственной диссертации — между 750 и 1 000 человек»¹⁷.

К сожалению, помимо агитационных текстов, в пласте архивных материалов ОСЖИ в ГА РФ на данный момент нами не выявлено другой информации о деятельности Общества Российских солдат во Франции и на Балканах и результатах его работы. Можно предположить, что подобная идея в силу ряда причин не получила широкого распространения, и никаких весомых результатов этой организации добиться не удалось. Такой исход может быть связан как с недостаточным информированием граждан о подобной инициативе, так и с нежеланием граждан, связанных с данным эпизодом, содействовать советской власти.

Вместе с тем, следует отметить, что работа в этом направлении велась в основном только центральными органами ОСЖИ, в меньшей степени на местах. Связано это было с рядом обстоятельств. Во-первых, сама работа в этом направлении началась позднее. Во-вторых, была военная специфика, когда необходимо было привлечь различные военные организации, где хранились данные об указанных военнослужащих. Это был неоднозначный процесс. Например, в Северо-Западном Областном комитете ОСЖИ подобная работа началась только поздней осенью 1924 г. При этом обращение в местный Военный комиссариат первоначально не дало результатов: последовал отказ. Только после повторного обращения последовала реакция и было выявлено 6 претензий подобного рода¹⁸. В дальнейшем работа продолжалась, но непродолжительное время, так как работа местного ленинградского подразделения на рубеже 1924/1925 гг. была прекращена. Поэтому всего в указанном региональном подразделении ОСЖИ было выявлено 12 подобных претензий, оправленных позднее в Москву¹⁹. Очевидно, что данная цифра была итогом крайне непродолжительного сбора информации по данному направлению в регионе.

¹⁷ Чиняков М. К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916—1918): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт. Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 2006. С. 235–236.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 1012. Л. 4.

¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

При этом следует отметить, что этим не исчерпываются все обстоятельства репрессивной практики к российским гражданам со стороны иностранных государств в период Гражданской войны в России на их территории. В этом отношении можно упомянуть следующий случай, упомянутый в воспоминаниях бывшего командира Вашко-Мезенского полка Ивана Степановича Кривенко (1891–1969): «Не только на территории России англичане устраивали концлагеря. Так, в сентябре 1919 г. 47 человек погрузили в трюм английского судна, увезли в Англию и поместили в концлагере Уитли-бэй»²⁰.

Данное указание носит личностный характер, так как Кривенко был участником событий. После окружения его отряда 10 августа 1919 г., он был пленен и позднее сослан на Кегостров. Военно-полевым судом Кривенко был приговорен к расстрелу и ждал смерти. Однако его вместе с другими людьми позднее вывезли в качестве заложника в Великобританию с целью возможного последующего обмена на английских офицеров. Лишь 12 февраля 1920 г. было достигнуто соглашение о транспортировке заложников из лагеря Уитли-Бэй на родину. Переговоры о возвращении заложников с английским представителем О'Греди вел М. М. Литвинов.

Характерно, что Литвинов вел одновременно переговоры и о возвращении военнопленных бывшего Русского Экспедиционного корпуса. Здесь также имел место своеобразный обмен людьми. «20 апреля 1920 г. в Копенгагене (Дания) между французским консулом Дюшеном, с одной стороны, и членом коллегии Наркоминдела М. М. Литвиновым, с другой, соглашения относительно отправки задержанных в Советской России французов (находившихся в заложниках) во Францию в обмен на русских военнопленных из расчета 125 женщин и детей на 3,0 тыс. русских солдат»²¹.

Обстоятельства «английского дела» также стали предметом претензий со стороны ОСЖИ к Великобритании. В 1924 г., т. е. уже после формирования ОСЖИ, был опубликован текст открытого письма И. С. Кривенко. В нем говорилось: «Мы обращаемся ко всем товарищам, которые вместе с нами были интернированы в лагерь Уитли Бэй близ Ньюкасла (Англия) в 1919–20 годах.

²⁰ Кривенко И. С. Страницы жизни // Новый мир. 1967. № 11. С. 197–201.

²¹ Чиняков М. К. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916—1918): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт. Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 2006. С. 257.

Нас ограбили, избивали и бросили в тюрьмы в Архангельске и на разных островах у побережья. Многие из нас были первоначально приговорены к смертной казни британцами, но впоследствии мы были интернированы в Великобританию и размещены в бухте Уитли. Там нас продержали шесть месяцев, прежде чем нам разрешили вернуться в Советскую Россию. Великобритании следует напомнить обо всем этом сейчас, а также о том, как мы перенесли трехдневный голод в лагере, и о том, как многие из нас были избиты на британском корабле в Копенгагене нашим британским конвоем почти сразу после того, как Литвинов встретил нас. Давайте напомним обо всем этом Великобритании и представим наш коллективный иск, претензии 100 жертв»²². Последняя цифра включала, как привезенных в Великобританию на корабле, где находился Кривенко, так и на других судах. При этом общее количество насильно вывезенных англичанами российских лиц требует уточнения, т. к. советской стороной были учтены не все лица отправленные северным маршрутом. Также были и другие пути подобных действий. В этом отношении можно упомянуть последующие на межправительственные переговоры по обмену военнопленными в Копенгагене, где дополнительно поднимался вопрос о 87 русских заключенных угнанных через Ашхабад в Индию²³.

Впоследствии И. С. Кривенко проявит себя и Великой Отечественной войне. Помимо ордена Красного знамени за действия в период гражданской войны, он будет награжден за участие в военных операциях на вяземском направлении орденом Красной Звезды в декабре 1943 года²⁴.

Два указанных выше воззвания близки по содержанию и преследовали схожие цели фиксации контр-претензий к странам Западной Европы. Таким образом, французская практика в отношении русских солдат на своей территории, сопровождалась аналогичной практикой Великобритании на своей территории в отношении к русским военнопленным.

²² Russian Information and Review. 1924. 12 апреля.

²³ *Vlad Gusca*. Концлагерь Уитли-Бэй. Малоизвестная интервенция — русские заложники на Английской земле (1919–1920) // <https://sites.google.com/view/swwrc/наши-проекты/концентрационные-лагеря/концлагерь-уитли-бэй>.

²⁴ <https://poisk.re/awards/18640961>.

Н. А. СЕМАШКО И ЕГО СТАРШИЙ БРАТ ВЛАДИМИР (НЕИЗВЕСТНОЕ В ИХ БИОГРАФИЯХ)

О Николае Александровиче Семашко, первом наркоче здравоохранения РСФСР, известно широко. Но, несмотря на ряд опубликованных в последнее время работ о нём¹, в его биографии остаются «белые пятна», требующие уточнения и дополнительного освещения. Одним из мало изученных периодов жизни Н. А. Семашко остаётся отрочество и юность, когда формировались его об-

¹ *Мирский М. Б.* Н. А. Семашко (к 120-летию со дня рождения) // Гигиена и санитария. 1995. № 4. С. 46–52; *Механик А.* Пирамида Семашко // Эксперт. 2011. № 30–31. <http://expert.ru/expert/2011/30/piramidasemashko/>; *Васильев К. К.* «Модель Семашко». К воспоминаниям профессора Самуила Борисовича Дубровинского (1885–1975) об организаторе здравоохранения и социальном гигиенисте Н. А. Семашко и его соратниках — З. П. Соловьеве и А. Н. Сысине // Сумський Історико-архівний журнал. № XIV–XV. 2011. С. 43–52; *Решетников В. А., Несвижский Ю. В., Касимовская Н. А.* Н. А. Семашко — теоретик и организатор здравоохранения // История медицины. 2014, № 3 (3). С. 24–29; *Черниченко М. Ю.* Н. А. Семашко — первый нарком здравоохранения: новый век — новые исследовательские горизонты // История медицины. 2014. № 3 (3). С. 73–81; *Трефилова О. А.* Николай Александрович Семашко — общественный деятель и организатор детского здравоохранения // История медицины. 2014. № 3 (3). С. 65–72; *Решетников В. А., Несвижский Ю. В., Касимовская Н. А.* Вклад Н. А. Семашко в развитие медицинской профилактики в России (к 140-летию со дня рождения) // Сеченовский вестник. 2014; 3 : 29–33; *Арсентьев Е. В., Решетников В. А.* К биографии Н. А. Семашко // История медицины. 2017. Т. 4. № 4. С. 447–460; *Арсентьев Е. В., Решетников В. А.* К биографии Н. А. Семашко: деятельность первого наркома здравоохранения в 1920–1925 гг. // История медицины. 2018. Т. 5. № 3. С. 217–229.

щественно-политические взгляды. В этом вопросе, казалось бы, всё давно известно. Но обращение к архивным документам позволяет внести коррективы в устоявшиеся представления о идейном становлении будущего создателя советской системы здравоохранения. Впервые используемые документы говорят о том, что формирование взглядов Николая Семашко происходило под влиянием и во взаимодействии с его старшим братом Владимиром. О нём он лишь вскользь упоминал в своих воспоминаниях. По-видимому, по этой причине некоторые исследователи приписывали Николаю Семашко поступки, совершённые его старшим братом².

Родителями братьев были: Александр Северинович (1842–12.1888) и Мария Валентиновна Семашко (11.03.1850–1920)³. Она была сводной сестрой Георгия Валентиновича Плеханова (младшая дочь его отца — Валентина Петровича Плеханова от первого брака). Александр Северинович происходил из потомственных дворян Орловской губернии. В начале 1870-х гг. супруги Семашко переехали в Орловскую губернию, где жил брат Александра Севериновича — Константин⁴ и сестра София, имевшая небольшое имение в деревне Ливенка Елецкого уезда⁵. У них родилось шестеро детей: Владимир (26.09.1871⁶–?), Николай (14.09.1874–18.05.1949), Александра (1877–?), София (1881–?), Зинаида (1885–?) и Константин (30.06.1887⁷ — после 1938)⁸. Семашки жили в уездном городе Ельце, где их сыновья и дочери учились в гимназиях⁹. Александр Северинович умер в декабре 1888 г., как писала Мария Валентиновна, «от сыпного тифа в больнице на 9-й день болезни»¹⁰. Их дети ста-

² Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 273; Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С. 131.

³ Коробейников В. Н. Предки и родственники Георгия Валентиновича Плеханова в XVIII–XX веках // Известия русского генеалогического общества. Выпуск 36. Санкт-Петербург, 2020. С. 76.

⁴ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2945. Л. 15–15 об.

⁵ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 5.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 91. 3 дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 35.

⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 34 162. Л. 289; Российская национальная библиотека (РНБ). Архив Дома Плеханова (АДП). Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 660. Л. 1.

⁸ Коробейников В. Н. Предки и родственники Георгия Валентиновича Плеханова... С. 76, 87, 88, 90.

⁹ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 660. Л. 1; ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 247. Л. 77.

¹⁰ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 660. Л. 1.

ли образованными людьми. Сыновья окончили Московский университет, а дочери получили медицинское и педагогическое образование¹¹. Софья и Зинаида в 1905 г. принимали участие в революционных событиях в Петербурге, участвуя во время баррикадных боёв в перевозке оружия¹².

О ранних годах Владимира и Николая Семашко известно из по-смертно опубликованной рукописи воспоминаний Н. А. Семашко «Прожитое и пережитое», в которых он, в частности, рассказывал о своем детстве, проведенном вместе со старшим братом в имении тёти в деревне Ливенка. Уже тогда братья проявили «народолюбие», выражая сочувствие, доброту и сострадание к простому народу конкретной личной помощью беднейшим крестьянам. Как вспоминал Н. А. Семашко, пожилой крестьянской вдове, у которой после смерти мужа «осталась куча малолетних ребят», и которая «на пол десятины земли изнывала от непосильного труда», они с братом «потихоньку таскали хлеб, картофель, сахар, одежду для детей». Когда подросли, «барчуки» стали помогать ей, работая в поле¹³.

Народолюбие братьев Семашко стало оформляться в систему взглядов во время их учёбы в Елецкой гимназии, где среди молодежи существовал кружок, участники которого считали необходимым «служить народу» и стремились выучиться работе, полезной народу¹⁴. В кружок гимназистов-вольномыслителей входил также Михаил Пришвин¹⁵ (23.01(04.02).1873–16.01.1954.)¹⁶, сблизившийся тогда с Николаем Семашко. У обоих родственники связаны были с революционным движением в России. Двоюродные братья и двоюродная сестра Пришвина в 1870-х — начале 1880-х гг. участвовали в революционном народническом движении¹⁷.

¹¹ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 661. Л. 2; Ед. хр. 660. Л. 1.

¹² Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971. С. 187–188.

¹³ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 7.

¹⁴ Введенская М. М. Елецкие друзья // Воспоминания о Михаиле Пришвине: сборник. М., 1991. С. 23.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Большая советская энциклопедия (БСЭ). Третье издание. Т. 20. М., 1975. С. 604.

¹⁷ Игнатова Е. Н. Братья В. Н. и И. Н. Игнатовы. (Воспоминания сестры) // Группа «Освобождение труда». (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча) / Под редакцией Л. Г. Дейча. Сборник № 1. М., 1924. С. 106; Деятели революционного движения в России (ДРДВР). Т. 2. Вып. 2. М., 1930. Стб. 506;

Владимир Семашко в классической гимназии города Ельца учился с 1871 г. по 1889 г. Окончив её с серебряной медалью, он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета¹⁸. Тогда, после периода кратковременного затишья, вызванного спадом активности революционно-народнического движения и принятием в 1884 г. нового университетского устава, среди студенчества вновь стало проявляться тяготение к корпоративным интересам: начинало расти число касс взаимопомощи и землячеств, объединявшихся в Союз¹⁹. Судя по воспоминаниям об этом времени, внешне обстановка в университете была спокойной, «никакой заметной напряженности не наблюдалось, а сами студенты в массе своей не слишком интересовались политическими вопросами и в целом довольно равнодушно относились к мероприятиям, организуемым Союзом землячеств»²⁰. Как вспоминал старый социал-демократ М. Н. Лядов (Мандельштам), «часть студенчества увлекалась толстовщиной, самоусовершенствованием, вела нудные и скучные споры на разные метафизические темы»²¹. Этим увлечениям в начале 1890-х гг. отдал дань и В. А. Семашко²².

Общекорпоративные интересы и студенческая солидарность проявились в Московском университете в марте 1890 г., когда там начались, так называемые, волнения, в которых принял участие и первокурсник Владимир Семашко. Причиной их стали события в Петровской земледельческой академии, где студенты подали петицию директору с требованием отмены университетского устава 1884 г.²³, который с 1 января 1890 г. вводился в Академии. Полиция 6 и 7 марта 1890 г. ответила арестом около 200 студентов, участвовавших

¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 13.

¹⁹ Резникова Е. Д. Московский Университет в контексте правительственной политики в области просвещения (1884–1905 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2017. С. 91.

²⁰ Там же. С. 112.

²¹ Лядов М. Как зародилась Московская рабочая организация // На заре рабочего движения в Москве. Воспоминания участников Московского рабочего союза (1893–1895) и документы. / Составил и подготовил к печати С. И. Мицкевич. М., 1932. С. 48–47.

²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 7.

²³ Устав, определявший организацию учёбы и университетской жизни, был утвержден указом императора Александра III 23 августа 1884 г. и отменял прежний либеральный устав 1863 г. // Общий устав и временные штаты Императорских российских университетов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения — 1884 год. Царствование императора Александра III. СПб., 1893. Т. IX. С. 980.

в сходке, и заключением их в Бутырскую тюрьму²⁴. 7 марта во дворе Московского университета собралось около 450 студентов, которые передали инспектору свои требования в поддержку петровцев. Вскоре в воротах сада показались конные жандармы, и толпа студентов человек 400 (остаальные разбежались) были взяты в плотное кольцо. Их вывели на улицу и направили к Манежу. Оттуда студентов группами увели в Бутырку²⁵. 9 марта прошла новая сходка студентов, на которой выдвигалось требование выпустить арестованных 7 марта. «Полиция без всяких насилий препроводила этих буянов в экзерциргауз [манеж], а оттуда обычным порядком в пересыльный замок»²⁶. Тоже повторилось 10 марта, причем наиболее настойчивым 68 студентам пришлось самим идти в Манеж, чтобы добиться ареста. Это была последняя сходка и с нею в тот год окончились волнения в Московском университете. Из пересыльной тюрьмы арестованные были выпущены 12-го марта. После этих событий вся радикальная часть студенчества была изъята из университета. 119 человек высланы из Москвы административным порядком²⁷. Владимир Семашко участвовал в последней сходке 10 марта, о которой Московский обер-полицмейстер 11 марта докладывал в департамент полиции, называя и его среди задержанных²⁸. Постановлением правления университета 42-м арестованным (в том числе и В. Семашко) предложено было в течение семи дней «явиться лично в канцелярию правления и подать письменное заявление о своем раскаянии»²⁹. Надо полагать, Владимир, видя отсутствие результата от подачи петиций начальству, заявил о своем раскаянии. Тем не менее, он попал на заметку в Московском охранном отделении и в департаменте полиции. С этого времени и до октября 1905 г. Владимир Семашко оставался под гласным, а затем негласным надзором полиции.

После инцидента 1890 г. «филёры» неотступно следили за ним, передавая донесения в Петербург в департамент полиции, который сведения получал также из перлюстрации. Отслеживались письма Евгения Алексеевича Звягинцева, земляка и товарища В. Семаш-

²⁴ Орлов В. И. Указ. соч. С. 205–206.

²⁵ Там же. С. 207.

²⁶ Георгиевский А. И. Краткий исторический очерк правительственных предначертаний и постановлений против студенческих беспорядков. М.: Издание Балашова, 1906. С. 263.

²⁷ Орлов В. И. Указ. соч. С. 207–208.

²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е делопроизводство (1893 г.). Д. 1016. Л. 1 об.

²⁹ Там же. Л. 2.

ко, также учившегося в Московском университете. В 1892 г. они оба жили в Москве в одной квартире (в Проточном переулке) и занимались «общественными делами» — входили в елецкое землячество. 15 октября Звягинцев писал своей невесте Александре Дмитриевне Ждановой слушательнице Санкт-Петербургских Высших женских курсов: «... Политических бесед в наших комнатах не раздается, вот какое теперь благонамеренное время! Этого не могло бы быть в 60-х и 70-х годах, когда было такое развитие политических инстинктов, что всякий занимался политическими вопросами. Изредка обмениваемся взглядами с Семашко — коротко, но живо». 16 ноября в письме невесте он сообщал, что накануне вместе с Семашко ходил в Воскресную мужскую школу и, как написано в донесении, далее следовали «рассуждения о вреде предоставления народной школы в руки духовенства»³⁰. К концу 1892 г. из шести студентов, живших тогда в Проточном переулке, тесные отношения сложились у Звягинцева, Семашко и Попова. Все они намеревались принимать активное участие в общественной жизни университета. Квартира, найденная с помощью четвертого сожителя Ивана Кожухова, стала, по словам Звягинцева, «средоточием общности ельчан», которые «бросали науку» и становились «общественниками»³¹.

На Рождество 1892 г. В. Семашко уехал в Елец и в Ливенку, откуда 7 января 1893 г. возвратился в Москву. За всеми его передвижениями следили местные жандармы, предупрежденные из департамента полиции, что «некоторые елецкие уроженцы, обучающиеся в высших учебных заведениях в Москве и Санкт-Петербурге, намеревались на праздниках Рождества завести сношения с местными учителями и учительницами Елецкого уезда и устроить от имени «Елецкого землячества» несколько вечеринок для студентов, гимназистов, гимназисток и вообще интересных женщин». Ничего из этого в Ельце не произошло. Начальник Орловского ГЖУ полковник Я. Т. Дудкин 9 января 1893 г. сообщал в Петербург, что «никаких вечеров, спектаклей, или иных сборищ приезжей в Ельце учащейся молодежи не было», а в «поведении Семашко ничего в политическом отношении сомнительного не было замечено»³².

В это же время в Москве проходил съезд студенческих организаций. В нем участвовало 5 представителей: от московской (два),

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 2–2 об.

³¹ Там же. Л. 3 об. — 4.

³² Там же. Л. 3.

петербургской, харьковской и киевской организаций (по одному представителю). Программа работы съезда рассылалась по земляческим кружкам с конца октября 1892 г. Главными темами были: 1) «об отношении студенчества к явлениям общественного характера (надлежит ли отзываться на непосредственную жизнь и принимать в ней активное участие)», 2) отношение «к официальным академическим организациям и к инородческим элементам студенчества»³³. В результате работы съезда первый вопрос «решался с точки зрения, что студенты и общество угнетаемы правительством, а университетские порядки составляют необходимую часть всей государственной системы, направленной на подавление свободы и самодеятельности среди российских обывателей»³⁴. В одном из протоколов съезда, после характеристики состояния общества, в котором господствует настроение «тоски и апатии», делался вывод: «Потребность переустройства всей нашей общественной жизни на началах свободы и более справедливого распределения материальных и духовных благ между различными классами населения — вот, что должно, наконец, проснуться в нашем обществе, если только оно сохранило способность к жизни»³⁵. И далее: «Пока мы наблюдаем лишь слабые проблески общественного самосознания. Но можно надеяться, что проблески эти, равно как и вообще некоторое оживление, наблюдаемое за последнее время в обществе и студенчестве, — не случайные и временные явления, что это первые признаки естественного возрождения того движения, которое имело место в 60-х и 70-х годах и которое имеет за собой и логическое и историческое право на существование»³⁶. Историк студенческого движения писал: «Второй студенческий съезд отмечал лишь проблески этого пробуждения; через несколько лет общественные интересы занимают первое место в ходе университетских событий, отодвигая уже на задний план академические интересы»³⁷. Заявление о единстве борьбы за академические интересы с освободительным движением в российском обществе, говорило о начавшемся

³³ *Меньщиков А.* Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Часть I. Годы реакции. 1885–1898 гг. М., 1925. С. 171.

³⁴ *Орлов В. И.* Указ. соч. М., 1934. С. 232.

³⁵ Там же. С. 232.

³⁶ *Мельгунов С.* Студенческие организации 80–90 гг. в Московском университете (по архивным данным). М., 1908. С. 93.

³⁷ Там же С. 93–94.

процессе политического размежевания внутри землячеств и Союзов студентов.

По сведениям Московского обер-полицмейстера «24 января 1893 г. в квартире Е. А. Звягинцева происходило чтение только что тогда появившихся в обращении протоколов 2 Московского студенческого съезда»³⁸. В марте 1893 г. члены елецкого землячества, в их числе и В. Семашко, уехали в Елец на пасхальные каникулы, где, по донесению жандармов, встречались с участниками гимназических кружков самообразования³⁹. Деятельность В. Семашко, судя по наблюдениям жандармов, с этого времени приобретает определённую направленность. Начальник Орловского ГЖУ 1 мая информировал о нём департамент полиции: «Проживая с 25 марта по 3 апреля в деревне Ливенской в 30 верстах от Ельца в имении тётки своей, собирал у нее в доме по несколько человек крестьян, читал им какие-то рассказы про войну, солдат и прочем, объяснял прочитанное и вызывал слушателей на рассуждения. Семашко вообще стремился сблизиться с крестьянами и летом воить с ними снопы с поля»⁴⁰.

В елецком землячестве выделилась тогда «деревенская группа», организатором которой, по сведениям полиции, был Е. А. Звягинцев⁴¹. На её заседании В. Семашко 8 апреля «прочел сообщение о своих чтениях мужикам на святках и Пасхе»⁴². Он был в числе тех ельчан, которые «бросали науку» и становились «общественниками». Занятия с крестьянами весной 1893 г. привели к тому, что из-за отставания в учёбе в конце апреля он не был допущен к экзаменам и оставлен на четвёртом курсе⁴³. В это же время, для заработка, он отправился в Рязанскую губернию, где по приглашению земских управ Рязжского и Сапожковского уездов руководил «истреблением саранчи»⁴⁴. 30 октября директор департамента полиции информировал Орловского губернатора: «... Семашко, проживая в Орловской губернии, занимался распространением среди крестьян дозволенных цензурою изданий «Комитета грамотности»

³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 4.

³⁹ Там же. Л. 3–4.

⁴⁰ Там же. Л. 4–4 об.

⁴¹ *Меньщиков А.* Охрана и революция... Часть 2. Вып. 1. 1898–1903. М., 1928. С. 49.

⁴² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 4.

⁴³ Там же. Л. 21.

⁴⁴ Там же. Л. 4 об.

и «Посредник», и др. и стремился войти в сношения с крестьянами, устраивая для них беседы по истории и другим предметам. Принимая во внимание, что Семашко до сего времени не замечен в распространении революционных изданий и вредных идей, департамент не находит нужным лишать его заработка, который он получает, состоя на службе земства, но полагает полезным подчинить его наблюдению полиции, дабы предупредить возможность вредного с его стороны влияния на сельское население»⁴⁵.

В Москве слежку за Семашко продолжала полицейская агентура, передававшая свои наблюдения в Петербург. 16 октября 1893 г. у ельчан было земляческое собрание, в котором участвовали: Звягинцев, Тихон Попов, Семашко, Некрасов, Протопопов и другие члены землячества. 20 октября Протопопова выбрали депутатом в Союзный совет на 1894 г. Тогда же «Попов и Семашко на занятые в землячестве 25 рублей купили книг для раздачи их крестьянам»⁴⁶. В Московском Охранном отделении считали В. Семашко одним из «вожаков» Союза землячеств и вели за ним наблюдение⁴⁷.

Делясь впечатлениями о своей деревенской работе, В. Семашко 23 ноября 1893 г. писал в Петербург своему другу Звягинцеву: «Вставал до света, приходилось часа в 2 утра приехать в деревню, разбудить старосту и послать его будить и собирать народ, и весь день на ногах». О том, как земские предписания, по его словам — «порождения культуры и гражданственности», принимались в деревне, он писал: «... если хочешь добиться чего-либо, должен заорать на старшину, обругать, пугнуть Земским Начальником..., и никто ведь на маковое зёрнышко не верит, что можно перевести саранчу. А ведь идут, а отчего? Орёт, значит начальство; значит всё делай, что требует»⁴⁸.

На Рождество 1893 г. он приехал в Елец. С ним был его брат Николай, учившийся тогда в Московском университете. Их сразу взяли под наблюдение местные жандармы и полиция. Жандармский полковник Дудкин доносил в Петербург, что с первого дня приезда у них начались «сношения» с учащимися гимназий, которые «ранее были замечены по своей близости к лицам сомнительной благонадежности». Некоторых из гимназистов В. Семашко снабжал «какими-то привезенными из Москвы издания-

⁴⁵ Там же. Л. 16 об. — 17.

⁴⁶ Там же. Л. 8 об.

⁴⁷ *Меньщиков А.* Охрана и революция... Часть 1. С. 223–224.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 21–21 об.

ми»⁴⁹. По сведениям начальника Орловского ГЖУ братья вскоре «уехали в деревню Ливенскую», где Владимир собирал «до 10-ти и более крестьян», читал им книги «про войну 12 года и последнюю Русско-турецкую...». Судя по жандармским донесениям, деятельность Владимира Семашко среди крестьян не распространялась дальше просветительских бесед. После возвращения 4 января 1894 г. в Елец, братья продолжили встречаться со студентами и гимназистами⁵⁰. На вечеринке у А. Коноплянцева Владимир «вел долгую беседу о Льве Толстом по поводу его статьи «Неделание»⁵¹, где призывалось отказаться от образа жизни, в которой торжествует взаимное насилие⁵². О том, что среди елецких гимназистов старших классов распространялись взгляды Льва Толстова вспоминал Н. А. Семашко⁵³. Толстовские идеи занимали и Владимира Семашко. Подход Льва Николаевича к разрешению общественных проблем в целом коррелировался с субъективно-социологическими взглядами либеральных народников, философские взгляды которых, по-видимому, были близки Владимиру Семашко.

20 октября 1894 г. в Ливадии умер император Александр III и среди части студентов Московского университета воскресли надежды на изменение существующего положения в российском обществе. В Союзном совете землячеств решено было обратиться к новому императору Николаю II с петицией, в которой излагались бы насущные нужды и пожелания студенчества. Решено было просить пересмотра действующего университетского устава на следующих принципах: университетское самоуправление; свобода преподавания; свободный доступ к высшему образованию всех, получивших среднее; уменьшение платы; свобода студенческих организаций. При этом петиция не должна была касаться вопросов общегосударственного характера⁵⁴. В агитации деятельно участвовал Владимир Семашко⁵⁵. Большинство студентов стояли за то, чтобы «ограничиться ходатайством об изменении университетского уста-

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 6.

⁵⁰ Там же. Л. 6 об.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 97. 3-е дел. (1899 г.). Д. 122. Л. 2 об. — 3.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 7. Статья Л. Н. Толстова «Неделание» была опубликована в 1893 году в журнале «Северный Вестник» (№ 9). Толстой рассматривал выступление Эмиля Золя перед французскими студентами и письмо Дюма по этому поводу к редактору издания «Голуа».

⁵² Толстой Л. Н. ПСС. Т. 29. М., 1954. С. 195–196.

⁵³ Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 168.

⁵⁴ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 57.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 7 об. — 8.

ва и о допущении к высшему образованию женщин». Союзный совет в своем воззвании, составленном 26 октября, рекомендовал принимать присягу новому императору и воздерживаться от каких-либо манифестаций⁵⁶. Содержание петиции рассматривалось 27 октября на квартире студента Л. А. Конкевича, где собрались представители 23 землячеств. Московское охранное отделение, готовившееся к предстоящей коронации нового императора и получившее разрешение департамента полиции удалить из первопрестольной столицы «руководителей противоправительственной пропаганды», было информировано об этом собрании. В квартиру Конкевича «явилась полиция и переписала всех участников». В Петербург был представлен список на высылку 48-ми студентов. Но в департаменте полиции решили пока «не обострять положение» и поручили Московскому обер-полицмейстеру ограничиться увещеваниями задержанных студентов⁵⁷.

Часть членов землячеств и Союзного совета, основываясь на решении 2-го съезда Союзов землячеств, заявляли о «необходимости отодвинуть интересы студенчества на второй план и примкнуть к общественному политическому движению». В результате, в петицию были включены как академические, так и политические требования (учреждение в России конституционного правления, созыв народных представителей и свобода печати)⁵⁸. Петиция была отвезена в Петербург, но на лестнице Зимнего дворца посланца арестовали⁵⁹. Вскоре после этого произошел инцидент, вызванный лекцией профессора В. О. Ключевского, посвященной умершему императору Александру III. По утверждению попечителя Московского учебного округа И. Д. Капниста лекция прошла «в полном порядке»⁶⁰. Но 30 ноября Ключевскому была устроена бурная протестная демонстрация. Студенты обвиняли профессора в поддержке реакционного курса Александра III⁶¹. 1 декабря правление университета осудило обструкцию, устроенную Ключевскому, и вынесло приговор 10 выявленным участникам протеста. Трое были исключены из университета, трое посажены в карцер на три дня, а четы-

⁵⁶ Меньщиков А. Указ. соч. С. 227–228.

⁵⁷ Орлов В. И. Указ. соч. С. 268.

⁵⁸ Ушаков. А. В. Указ. соч. С. 130.

⁵⁹ Там же. С. 131–132.

⁶⁰ Мельгунов С. П. Московский университет в 1894 г. (по поводу воспоминаний проф. Боголепова) // Минувшие годы. 1913. № 5. С. 195.

⁶¹ Резникова Е. Д. Указ. диссертация. С. 103.

ре студента получили выговор⁶². 2 декабря студенты попытались опротестовать несправедливое, по их мнению, решение правления и устроили общую сходку. Большая их группа собралась для обсуждения в химическую лабораторию⁶³. Но неожиданно для них и для Союзного совета⁶⁴ двор университета начал заполняться полицейскими, которые приступили к задержанию студентов и переписке их. В 7 часов вечера полиция начала аресты заранее намеченных охранным отделением активистов организации по квартирам, продолжавшиеся до вечера 3 декабря⁶⁵.

Тогда же был арестован Владимир Семашко, но не за участие в студенческой демонстрации. Ему было предъявлено обвинение в том, что он «принимал деятельное участие в агитации среди учащейся молодежи в Москве по поводу составления незаконной петиции на Высочайшее имя о коренном изменении ныне действующего университетского устава»⁶⁶. Такое же обвинение было предъявлено еще 51 студентам⁶⁷, арестованным 2–3 декабря, что определенно давало понять: всякая общественная инициатива, проявленная со стороны студенчества, будет незамедлительно караться. В этом был смысл и назначение прошедших арестов и высылки. О тщетности подобных «бессмысленных мечтаний» 17 января 1895 г. высказался и сам Николай II на приеме депутатов всех сословий, земств и городов.

Решением министра внутренних дел Владимиру Семашко запрещено было «жительство в столицах, столичных губерниях, университетских городах, Ярославле, Твери, Риге, Нижнем Новгороде, Самаре и Саратове в течение трех лет с 3 декабря 1894 г.»⁶⁸. Департамент полиции 20 декабря 1894 г. отдал распоряжение выслать его в Елец и там «подчинил негласному надзору и особо секретному наблюдению»⁶⁹. В дальнейшем, до выхода манифеста 17 октября 1905 года, В. Семашко оставался ограничен в правах местожительства и занятия педагогической деятельностью.

⁶² Орлов В. И. Указ. соч. С. 270–271.

⁶³ Некоторые курсы отправили депутатов к ректору и инспектору. Начальство заявило депутатам, что «суд безапелляционен, к тому же поступил милостиво». После этого студенты стали расходиться. Орлов В. И. Указ. соч. М., 1930. С. 272.

⁶⁴ Мельгунов С. П. Московский университет в 1894 г... // Минувшие годы. 1913. № 5. С. 199; Резникова Е. Д. Указ. диссертация. С. 104

⁶⁵ Орлов В. И. Указ. соч. М., 1930. С. 272.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 7 об. — 8.

⁶⁷ Там же. Л. 28–29.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 8.

⁶⁹ Там же. Л. 9–9об.

В ссылке Владимир Семашко, по сведениям полиции, «ничего предосудительного в политическом отношении явного не проявлял». Тем не менее, в Орловском ГЖУ считали «его убеждения сомнительными» в политическом отношении. «Негласный надзор» в Ельце отмечал постоянные «сношения его с поднадзорными». В начале 1895 г. он пытался открыть в городе торговлю книгами от Орловского комитета Народных чтений, как отмечалось в полицейском донесении, — «при посредстве других лиц, ничем не скомпрометированных». Тем не менее, власти предпочли запретить продажу народных книг, инициатор которой был «особо поднадзорный»⁷⁰. В сентябре 1895 г. он подал прошение о поступлении в Киевский университет св. Владимира, на которое департамент полиции дал своё согласие, распорядившись продолжить за В. Семашко негласное наблюдение полиции⁷¹. В Ельце он оставался с января по октябрь 1895 г., после чего уехал в Киев⁷², где в 1896 г. закончил последнюю сессию в университете св. Владимира⁷³. Давая характеристику относительно его «благонадежности», начальник Орловского ГЖУ Дудкин сообщал в департамент полиции, что хотя он «и не обнаруживал подозрения в политической неблагонадёжности, показывая себя скромным и нравственным, но, не изменяя либерального и вредного направления своего, обнаруживал энергичное стремление быть ближе к народу»⁷⁴. Такая характеристика вполне ясно говорила о политических взглядах В. А. Семашко и неизменности его стремлений служить благу народа.

После завершения учёбы Владимир Александрович оставался под негласным надзором полиции, кочуя по разным губерниям в поисках службы. К началу 1898 г. он поступил в Управление Юго-Западных железных дорог⁷⁵, а через год оставил эту службу и был «обнаружен полицейским надзором» в городе Хороле Полтавской губернии, «состоящим учителем местной женской прогимназии»⁷⁶. В дальнейшем, имея диплом 1-й степени об окончании естественного факультета университета св. Владимира, он поступил в Московский Сельскохозяйственный институт и, окончив его, стал агрономом 1-го раз-

⁷⁰ Там же. Л. 42.

⁷¹ Там же. Л. 53–56.

⁷² Там же. Л. 62.

⁷³ Там же. Л. 67–69.

⁷⁴ Там же. Л. 53 об.

⁷⁵ Там же. Л. 74–75.

⁷⁶ Там же. Л. 76.

ряда. В 1903 г., еще учась в институте, Владимир Семашко нанялся на службу агрономом в Суджанское уездное земство Курской губернии⁷⁷. 26 ноября 1903 г. начальник Курского ГЖУ рапортовал в департамент полиции: «... проживающий в городе Судже агроном Суджанского земства дворянин В. А. Семашко ведёт знакомство исключительно с лицами вредного направления...». Далее полковник сообщал: «С месяц тому назад Семашко вступил в число членов общества содействия народному образованию Суджанского уезда и имеет намерение быть допущенным преподавателем в Воскресной школе при Суджанском городском училище, причём в образе его жизни заметно желание сблизиться с народом, чтобы иметь возможность проводить в него свои вредные идеи»⁷⁸. В августе 1905 г. В. Семашко пытался занять должность преподавателя в одном из земледельческих училищ, но получил формальный отказ из департамента полиции⁷⁹. Политические ограничения были сняты с него после октябрьского манифеста 1905 г. Жил он тогда в Полтаве, где в ноябре 1905 г. начал службу преподавателем реального училища⁸⁰, занимаясь по своей сельскохозяйственной специальности. В марте 1907 г. Николай Семашко⁸¹ писал Г. В. Плеханову: «Мой старший брат служит агрономом в Полтавской губернии...»⁸².

Общественно-политические воззрения Владимира Семашко складывались в годы, когда «народническая интеллигенция обратилась к мирной, культурно-просветительной деятельности в деревне». Я. В. Абрамов, публицист газеты «Неделя», в 1885 г. в своих статьях призывал интеллигентных специалистов, «способных на простое, честное дело», заняться работой в деревне, где её положение будет «выше теперешнего, которого она достигала перепиской, уроками и даже извозным промыслом». Обращалось внимание на значение деятельности интеллигенции в деревне для ограждения крестьянства от разорения под воздействием развивавшихся там капиталистических порядков, путём улучшения культуры ведения своего хозяйства и распространения агро-

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 77–79, 84.

⁷⁸ Там же. Л. 80.

⁷⁹ Там же. Л. 87–88.

⁸⁰ Там же. Л. 89–91 об.

⁸¹ Весной 1907 г. Н. А. Семашко, член РСДРП, находился в политической эмиграции, жил в Женеве, вынужденный бежать из России под угрозой смерти в тюремном заключении.

⁸² РНБ. АДП. Ф, 1093. Оп. 3. Ед. хр. 661. Л. 2.

номических знаний. Организационным прибежищем для такой интеллигенции Абрамов считал земские учреждения⁸³. Эти призывы ещё в юности были восприняты Владимиром Семашко, проверженным идеям легального народничества.

Учёба Николая Семашко в Елецкой гимназии началась в 1885 г.⁸⁴ С первого класса он показал себя одним из лучших учеников, проявив не только внимание и усидчивость, но и способности. После смерти отца в декабре 1888 г. ему пришлось своим трудом помогать семье. Чтобы содержать себя, и тем поддерживать семью, он давал платные уроки⁸⁵, продолжая учиться в гимназии очень хорошо. Тогда Николаю шел 15-й год и учился он в 4-м классе. Его мать Мария Валентиновна, как вдова потомственного дворянина, в 1891–1893 гг. освобождалась от внесения платы за учёбу сына⁸⁶. В своих прошениях директору мужской гимназии она пользовалась поддержкой Предводителя дворянства Елецкого уезда, который выдавал ей «Свидетельства о материальной несостоятельности» семьи. 7 февраля 1892 г. Предводитель дворянства писал, что Мария Валентиновна «обременена многочисленным семейством и, не имея никакого имущества, снискивала себе на пропитание и воспитание детей личным трудом и пользуясь пособием от родных своего умершего мужа»⁸⁷. В 4-м классе Николай учился вместе с Михаилом Пришвиным, называвшим его впоследствии «первейшим другом» в гимназии и «очень хорошим человеком, честнейшим до ниточки»⁸⁸. В гимназию Пришвин был принят в 1883 г.⁸⁹ и в 4-м классе, из-за своего второродничества, учился вместе с Семашко. Их совместная учёба продолжалась 1 год. Весной 1889 г., в результате конфликта с учителем географии В. В. Розановым, Пришвина исключили из гимназии⁹⁰.

В его автобиографическом романе «Кошечья цепь» под именем Ефима Несговорова, выведен Николай Семашко⁹¹, с которым

⁸³ Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX — начале XX в. Воронеж, 2010. С. 195, 201–202.

⁸⁴ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 170. Л. 62 (94).

⁸⁵ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое М., 1960. С. 8–9.

⁸⁶ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 247. Л. 151; Д. 260. Л. 80, 159.

⁸⁷ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 260. Л. 81.

⁸⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922 гг. М., 1995. С. 275.

⁸⁹ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 144. Л. 22 об.

⁹⁰ Мамонтов О. Н. Новые материалы к биографии М. М. Пришвина // Русская литература. 1986. № 2. С. 177, 184.

⁹¹ Введенская М. М. Елецкие друзья // Воспоминания о Михаиле Пришвине: сборник М., 1991. С. 27.

Курымушка (Михаил Пришвин) стремился сблизиться⁹². В своём романе Пришвин представлял Семашко (Несговорова), как ученика 8 класса. Он писал о себе (Курымушке): «Против его четвёртого класса был физический кабинет... и там восьмиклассники занимались, настоящие умные ученики, и среди них Несговоров был первый, к нему относились особенно»⁹³.

В одной из книг о творчестве М. М. Пришвина утверждается, что «... с существованием социал-демократического «подполья» и революционной нелегальной литературой будущий писатель впервые познакомился ещё учеником в середине 1880-х годов благодаря своему старшему товарищу по Елецкой гимназии Н. А. Семашко»⁹⁴. Николай Семашко был на один год моложе Михаила Пришвина и «старшим» товарищем мог быть только по своему развитию. Он, тогда подросток 14 лет, мать которого была сводной сестрой Г. В. Плеханова, по-видимому, имел представление о революционной деятельности своего дяди⁹⁵ и мог рассказывать о нём своему другу Михаилу Пришвину.

Перейдя в 1889 г. в 5-й класс, Семашко продолжал хорошо учиться. Он окончил его с отличными оценками по древним языкам (латинскому и греческому), по французскому и немецкому и почти по всем остальным предметам (математике, географии, истории). Педагогический совет гимназии перевел его в 6-й класс с наградой 1-й степени⁹⁶.

С 1892 г. его успехи в учёбе стали снижаться. В 8-м классе, в который он был переведён с наградой 2-й степени⁹⁷, образовался не-

⁹² Пришвин М. М. Собрание соч. : в 8 т. Т. 2. М., 1982. С. 84–87.

⁹³ Там же. С. 84. В 1888–1889 гг. в 8-м классе гимназии учился Владимир Семашко.

⁹⁴ Подоксенов А. М. Художественный мир Михаила Пришвина в контексте мировоззренческого дискурса русской культуры XX века. Елец ; Кострома, 2012. С. 49. О том же см.: Подоксенов А. М., Телкова В. А. М. М. Пришвин и Н. А. Семашко: художественный образ «гимназического друга» в творчестве писателя // *Философия и культура*. 2020, № 12. С. 42.

⁹⁵ Сёстры Г. В. Плеханова в 1880-х — начале 1890-х гг. были в курсе заграничной жизни своего брата, знали о его революционной деятельности и некоторые из них находились в России под негласным надзором полиции. Александра Валентиновна в 1882–1887 гг. жила за границей вместе с Георгием Валентиновичем. В 1883 г. она привозила в Россию нелегальные издания // *Коробейников В. Н.* К вопросу о судьбе сестры Г. В. Плеханова — Александры Валентиновны Якич-Плехановой // *Русский сборник : исследования по истории России*. Т. XXIX. М., Модест Колеров. 2021. С. 310–311.

⁹⁶ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 235. Л. 78 об — 79.

⁹⁷ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 265. Л. 85 об — 86.

большой кружок из гимназистов, стремившихся, прежде всего, выйти за пределы учебной программы, в которой не было места для книг, посвященных общественным вопросам. Тем более запрещалось им читать произведения революционных демократов. Развитию интереса к общественно-политической литературе способствовало знакомство учащихся со студентами, приезжавшими в Елец. К ним тянулись гимназисты старших классов⁹⁸. Как много позже писал Николай Александрович, ими был создан кружок «для изучения Чернышевского, Добролюбова, Скабичевского и других полулегальных писателей»⁹⁹. Как ни странно, но об этих собраниях стало известно в департаменте полиции, куда сведения поступили из Особого отдела. Начальник Орловского ГЖУ на запрос департамента полиции 4 мая 1893 г. уведомлял Петербург: «... ученики и ученицы старших классов мужской и женской гимназий в ноябре 1892 г., действительно, начали было группироваться, собираясь друг у друга, но отдельно воспитанники от воспитанниц». Полковник сообщал, что «на собраниях этих, с целью самообразования, читались статьи из журналов: «Русской Мысли», «Дела», «Отечественные Записки» и сочинения Щедрин». Собрания, в которых участвовало 7 гимназистов, в их числе — Николай Семашко, были признаны елецким жандармским ротмистром не имеющими «никакого серьезного характера». Поэтому в ноябре 1892 г., «для усиления надзора и наблюдения за учащимися», ротмистр сообщил о собраниях инспектору мужской гимназии и начальнице — женской¹⁰⁰. Владимиру Семашко во второй половине ноября 1892 г. писали в Москву из Ельца, что «там полиция накрыла кружок гимназистов, читавших что-то, собиравшихся для чего-то»¹⁰¹. В феврале 1893 г. елецкие жандармы получили сведения, что собрания учащихся и чтение ими журналов продолжается¹⁰². По всей вероятности, гимназическое начальство не посчитало серьезным предыдущее сообщение и не разогнало кружок. Начальник Орловского ГЖУ считал, что эти учащиеся «находятся, исключительно под влиянием студентов Московского университета...», и называл при этом Евгения Звягинцева, Димитрия Протопо-

⁹⁸ Введенская М. М. Елецкие друзья // Воспоминания о Михаиле Пришвине : сборник. М., 1991. С. 23.

⁹⁹ Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 168.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 97 (1899 г.). 3 дел. Д. 122. Л. 1 об. — 2.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 2 об.

¹⁰² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 97 (1899 г.). 3 дел. Д. 122. Л. 2.

пова и Владимира Семашко¹⁰³. По мнению жандарма, под их исключительным влиянием «воспитанники и воспитанницы гимназий навлекли на себя подозрения в политической неблагонадежности»¹⁰⁴. 19 апреля 1893 г. состоялось заседание комиссии преподавателей Елецкой гимназии, на которой Николай Семашко был допущен к «письменному испытанию зрелости» в июне того же года¹⁰⁵. По-видимому, вслед за этим членов кружка «накрыл» директор гимназии»¹⁰⁶, а 27 апреля инспектор гимназии сделал обыск в доме ученика 7-го класса А. Коноплянцева и нашел у него гектографированные экземпляры рукописного ученического журнала «Прогресс». В журнале учащиеся упражнялись в написании литературных сочинений: повестей и рассказов, по отзыву инспектора, «невинных по содержанию и не совсем складных по изложению»¹⁰⁷. Тогда же у Коноплянцева найдены были запрещенные для гимназистов книги и журналы: «статьи политико-экономического и социологического содержания из «Отечественных Записок» и «Современника», журнал «Русская Мысль», книга Кривенко «Физический труд»¹⁰⁸. Найдены также две тетради с выписками из Щедрина, Шелгунова, Скабичевского, Дарвина, Конта и Гегеля и тетрадь с расписками членов кружка о взносе денег на приобретение книг¹⁰⁹. Каждый кружковец (это были ученики 5–8 классов) сдавал деньги на приобретение книг интересовавших его авторов. Это были сочинения Добролюбова, Скабичевского, Гольцева и книги «сельско-хозяйственного содержания». В тетради записан был и Николай Семашко. Он читал только что опубликованную книгу Г. А. Джаншиева «Из эпохи великих реформ»¹¹⁰, которую предоставил инспектору¹¹¹. Н. А. Семашко писал в воспоминаниях: «Члены кружка были уволены из по-

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 5.

¹⁰⁵ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 267. Л. 14.

¹⁰⁶ Семашко Н. Клочки воспоминаний. От зари революции до ее рассвета М., 1930. С. 7.

¹⁰⁷ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 267. Л. 14.

¹⁰⁸ Книга С. Н. Кривенко была составлена из двух его статей, напечатанных в «Отечественных Записках» в 1876–1878 гг.: «Физический труд, как необходимый элемент образования» и «Несколько замечаний на сочинение Спенсера о воспитании». Кривенко С. Н. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1911. С. 1–2.

¹⁰⁹ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 267. Л. 17 об.

¹¹⁰ Труд юриста Г. А. Джаншиева «Из эпохи великих реформ» пользовался спросом, выходил в течение первой половины 1892 г. последовательно тремя изданиями. С 1896 г. книга переиздавалась под названием «Эпоха великих реформ».

¹¹¹ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 267. Л. 18.

следнего класса гимназии с волчьим паспортом, относительно меня шли долгие дебаты, так как за все время учения в гимназии я был лучшим учеником»¹¹². На самом деле, организатор кружка Александр Коноплянецв получил дисциплинарное наказание — был посажен на 24 часа в карцер (в пустой класс). Его предупредили, что в следующий раз он будет «уволен из гимназии»¹¹³. Еще пять гимназистов участников кружка также были посажены в карцер на 24 и 12 часов с последующим строгим надзором за ними со стороны воспитательней¹¹⁴. При обсуждении на педагогическом совете проступка Николая Семашко, было сказано, что «ученик 8 класса Семашко всегда отличался безупречностью поведения и успешностью в занятиях». Решено было: «принимая во внимание его отличное поведение и успехи в течение всего гимназического курса, отметить в поведении баллом четыре»¹¹⁵. 2 июня 1893 г. его удостоили Аттестатом зрелости, в котором из 10 предметов было пять пятерок, четыре четверки и тройка по русскому языку¹¹⁶. М. М. Пришвин 15 мая 1918 г. писал в дневнике: «... Семашко, всегда 1-го ученика, за чтение Белинского лишили золотой медали»¹¹⁷. Это была легенда, возможно, созданная самим Пришвиным, и развитая другими¹¹⁸. Золотую медаль в тот год не получил ни один ученик. Серебряной медалью был награждён один из соучеников — Пономарев Ростислав. Сравнивая выпускные оценки Пономарева и Семашко видим, что Семашко отставал от Пономарева по трём предметам¹¹⁹.

В сентябре 1893 г., вместе с братом Владимиром, он уехал в Москву¹²⁰, где поступил на медицинский факультет Московского универ-

¹¹² Семашко Н. Ключки воспоминаний... М., 1930. С. 7

¹¹³ ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 267. 18 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 19.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ ГАЛО. Ф. 119 Оп. 1. Д. 267. Л. 43 об. — 44. Тройки по русскому языку имели большинство учеников 8-го класса.

¹¹⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. СПб., 2008. С. 108.

¹¹⁸ М. М. Введенская — родная сестра А. М. Коноплянцева, вспоминала: «На выпускных экзаменах все делалось для того, чтоб не давать ему [Семашко] медали: так закон божий заставили его отвечать на греческом языке, и он ответил. Сочинение блестящее написал, и за поведение ему «пять» поставили, но медали все-таки не дали». Введенская М. М. Елецкие друзья // Воспоминания о Михаиле Пришвине : сборник. М., 1991. С. 24.

¹¹⁹ По русскому языку у Пономарева была четвёрка, у Семашко — тройка, по греческому языку и логике Пономарев имел пятёрки, а Николай Семашко — четвёрки. ГАЛО. Ф. 119 Оп. 1. Д. 267. Л. 44.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 5 об.

ситета. Свои тогда общественно-политические взгляды Николай Семашко определял, как «смутные, революционно-демократические настроения»¹²¹. Поэтому бесосновательно считать, что в тот год он вошел в марксистский кружок и даже стал членом РСДРП¹²², которая находилась тогда в кружковом состоянии. Вопрос о времени его становления, как марксиста, имеет свою историографическую историю. В первом издании Большой Советской энциклопедии в статье о Семашко даётся взвешенное определение: «в революционном движении с 1893, в партии с её основания»¹²³. После смерти Семашко в советской исторической литературе закрепилось мнение, опиравшееся на одно из его первых воспоминаний¹²⁴, что, окончив гимназию в 1891 г., он поступил в Московский университет, а в 1893 г. стал членом марксистского кружка¹²⁵. Как представляется, в 1893 г. Николаю Семашко не доставало знаний для общественно-политического понимания окружающей действительности и, тем более, чтобы стать марксистом. Об уровне его образованности и направленности интересов в общественных вопросах говорит то, что в 1892–1893 гг. он участвовал в просветительском кружке, в котором гимназисты стремились изучать работы революционных демократов.

С первых месяцев учёбы в университете он, по его словам, «набросился на те книги, которые были запрещены в гимназии». Чернышевский, Добролюбов, Писарев «были прочтены запоем». Появилась там возможность читать подпольные издания, в том числе «нелегальные книжки, популяризирующие учение Маркса»¹²⁶. Но до того, как осознать значение марксизма для понимания исторических процессов, ему необходимо было разобраться в общественных движениях, развивавшихся в России. Требовались также соответствующее личное окружение. Думается, не случайно в своих воспоминаниях он отделял на два года время присоединения к марксистской группе в Союзном совете Московского университета от окончания им гимназии¹²⁷.

¹²¹ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 17.

¹²² Конференция РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М., 2008. С. 1093.

¹²³ БСЭ. Первое издание. Т. 50. М., 1944. Стб. 738.

¹²⁴ Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 167, 169.

¹²⁵ Семашко Н. А. Избранные произведения. М., 1954. С. 6; БСЭ. Третье издание. Т. 23. М., 1976. С. 224; БМЭ под ред. акад. Б. В. Петровского. Изд. 3-е. Т. 23. М., 1984.

¹²⁶ Семашко Н. Страницы воспоминаний // Советское студенчество. 1937. № 3. Цитируется по: Семашко Н. А. Избранные произведения. М., 1954. С. 293.

¹²⁷ Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 167, 169.

В университете Семашко оказался среди студентов, как он писал, — «в большинстве голодных и холодных», которые «тянулись к оппозиционным настроениям и революционным партиям»¹²⁸, что помогало ему войти в контекст волновавших молодежь общественных вопросов. Развитию его политического сознания способствовали также лекции либеральных профессоров А. И. Чупрова, И. М. Сеченова, К. А. Тимирязева¹²⁹ и приват-доцента М. Н. Милюкова, лекции которого Союзный совет предлагал членам землячеств возможно шире распространять, как материал «весьма пригодный к подготовке студентов для общественной деятельности»¹³⁰.

Через некоторое время Семашко избрали представителем Елецкого землячества в Союзный совет¹³¹, политическая линия которого, как он писал впоследствии, «в общем, была довольно сумбурной»¹³². Из членов Союза землячеств Семашко припоминал: П. Г. Смидовича¹³³, А. А. Богданова (Малиновского), В. Г. Громана, В. А. Базарова (Руднева) и А. Е. Лосицкого¹³⁴. Из них Смидович был исключен из университета «за участие в нелегальных студенческих кружках»¹³⁵ и числился в списке студентов Московского университета, высланных на родину в декабре 1894 г.¹³⁶ Тогда же, за «участие в Союзном совете землячеств», выслали на родину в Тулу Малиновского¹³⁷. Лосицкий выслан был из Москвы в ноябре 1895 г.¹³⁸ Громана арестовали в ноябре 1896 г. и 18 января 1897 г. выслали на родину¹³⁹. Все перечисленные студенты, кроме Руднева, который в 1896 г. входил в третий состав участников Московского «Рабочего союза»¹⁴⁰, не были марксистами и социал-демократами.

¹²⁸ Семашко Н. Ключки воспоминаний... С. 7.

¹²⁹ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 17;

¹³⁰ Меньщиков Л. Охрана и революция... Часть 1. Годы реакции. 1885–1898 гг. М., 1925. С. 236.

¹³¹ Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 169; Семашко Н. Ключки воспоминаний... С. 7, 8; Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 19.

¹³² Семашко Н. Ключки воспоминаний... С. 8.

¹³³ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 20.

¹³⁴ Семашко Н. Ключки воспоминаний... М., 1930. С. 8.

¹³⁵ БСЭ. Третье издание. Т. 23. С. 608.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е делопроизводство (1893 г.). Д. 1016. Л. 28об.

¹³⁷ БРЭ. Т. 8. С. 34.

¹³⁸ Меньщиков Л. Указ. соч. С. 243, 413.

¹³⁹ Там же. С. 426–427.

¹⁴⁰ Кутнев В. Ф. «Московский «Рабочий Союз». М., 1985. С. 228; Руднев в ночь с 10 на 11 ноября 1896 г. Меньщиков Л. Охрана и революция... С. 313, 422.

Перелом в характере деятельности студенческой организации произошёл в начале 1895 г. Причиной перемен стали аресты её членов 3 декабря 1894 г. Поначалу отношение к произошедшему, как в студенческой среде, так и со стороны начальства, оставалось неопределённым. Министр народного просвещения И. Д. Делянов высказывал пожелание отложить высылку арестованных до рождественских каникул. В это время среди либеральной части профессоров готовилась петиция в адрес генерал-губернатора Москвы. По мнению протестантов большинство высылаемых студентов подлежали университетскому суду, а не административным взысканиям¹⁴¹. Союзный совет 11 декабря обратился к студентам с просьбой не разъезжаться до 15 декабря. В организации не ждали к этому сроку освобождение арестованных, но надеялись, что выяснится отношение профессоров и властей к этому делу. В случае неизменности позиции властей и безрезультатности петиции профессоров Союзный совет намеревался «прибегнуть к крайним мерам» и, «во всяком случае, это дело довести до конца»¹⁴². Депутация 42-х профессоров¹⁴³ передала 17 декабря петицию вел. кн. Сергею Александровичу, который поручил создать комиссию для рассмотрения степени виновности студентов, уже высланных к этому времени из Москвы административным порядком. В работу комиссии, в которую вошли полицейские власти (Власовский, Бердяев) и попечитель Капнист, вмешался департамент полиции, считавший своей привилегией решать это дело. Власовскому, а за ним Капнисту, пришлось лично докладывать по этому вопросу государю. В результате: вел. кн. Сергей Александрович оставил в силе административные наказания студентам¹⁴⁴. «Петиция 42-х» получила отклик среди университетских профессоров, большинство которых высказывались против Союзного совета. На собрании 29 декабря 1894 г., под влиянием ректора Некрасова, была принята компромиссная формула: «не касаясь в настоящее время вопроса о землячествах, как отдельных студенческих обществах для благотворительных и общеобразовательных целей, мы считаем вредным для общеуниверситетской жизни так

¹⁴¹ Меньщиков А. Указ. соч. С. 233.

¹⁴² Мельгунов С. Студенческие организации 80–90 гг. в Московском университете (по архивным данным). М., 1908. С. 65–66.

¹⁴³ В числе подписавших петицию был В. О. Ключевский // Меньщиков А. Указ. соч. С. 412.

¹⁴⁴ Меньщиков А. Указ. соч. С. 234–235.

называемый союзный совет, как такой тайный союз, который имеет притязание судить университетских преподавателей, начальство и студентов...». Под этим решением подписались 82 профессора¹⁴⁵. На Союзный совет было заведено особое дело о государственной преступности его деятельности, расследованием которого занималось Московское ГЖУ¹⁴⁶.

Из-за перемены отношения властей Союзному совету пришлось «законспирировать свой состав», и от прежде, на практике, «открытого органа, с которым разговаривали и профессора, и полицейские власти», перейти к тайной системе организации¹⁴⁷. Это ограничивало открытость его отношений со студенческой средой. Политика же властей способствовала радикализации настроений его членов. Семашко писал: «Чем дальше развертывалась политическая борьба, тем более дифференцировались политические течения и тем более обострялась борьба внутри самого совета»¹⁴⁸. Весной 1895 г. начались аресты обновлённого состава Союзного совета. Следствие и дознание продолжались до конца 1896 г. когда 6 ноября дело о Союзном совете было «разрешено высочайшим повелением»¹⁴⁹. В прокламации, относящейся к концу 1896 г., Союзный совет объяснял своё положение: «борьба против окружающих нас условий, которая не позволяет нам разумно жить и учиться, делают для нас невозможным никакое мирное выражение своих мнений и желаний, и волей-неволей заставляют нас становиться в боевое положение»¹⁵⁰. Семашко вспоминал: «Союзный совет землячеств был органом политическим» и задача его состояла в том, «чтобы политически воспитывать студентов (через него доставали много нелегальной литературы). Собирались мы с соблюдением всех мер конспирации»¹⁵¹.

О тех внешних условиях, в которых приходилось действовать Союзному совету землячеств говорит один из его документов, относящийся к 1896 г., в котором писалось: «Мы находимся под постоянной опекой полиции, без разрешения которой не можем даже на время оставить Москву; охранное отделение обращает на

¹⁴⁵ Мельгунов С. Указ. соч. С. 82.

¹⁴⁶ Меньщиков А. Указ. соч. С. 236.

¹⁴⁷ Орлов В. И. Указ. соч. С. 284.

¹⁴⁸ Семашко Н. Клочки воспоминаний... С. 8.

¹⁴⁹ Меньщиков А. Указ. соч. С. 243, 413.

¹⁵⁰ Мельгунов С. Указ. соч. С. 78.

¹⁵¹ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 18, 20.

нас особое внимание, преследуя нас постоянно арестами и высылками... Что же мы находим в университете? Вместо объединённых общей идеей интеллигентных работников будущего, мы встречаем там разрозненную и тем, в значительной степени, деморализованную толпу отдельных посетителей университета, среди которых, чуть не на каждом курсе каждого факультета, существуют тайные и даже явные шпионы; вместо нравственного единения с профессорами мы находим официальные отношения с чиновниками-преподавателями; вместо администрации, представляющей за наши духовные и материальные интересы, мы имеем дело с толпой полицейских, проникнутых заботами о «предупреждении» и «пресечении»... В довершение всего нас третируют, как профессиональных «бунтовщиков»... Какой гнёт может быть тяжелее для людей, которые по самой природе своих занятий научаются ценить свободу критической мысли?»¹⁵².

По-видимому, в конце 1894 — начале 1895 г. Семашко начал склоняться к марксизму. Он вспоминал: «... когда я прочёл нелегальную брошюру Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», я почувствовал, что мои политические симпатии на стороне марксизма». На его выборе сказались детские впечатления в годы жизни в деревне Ливенка. Он писал: «понятие о классовой борьбе, о борьбе классов у меня сложилось довольно прочно». Во время студенческих дискуссий Семашко пытался полемизировать с народниками. Но это, по его словам, «выходило неважно: был плохо вооружен, а народники, как В. М. Чернов, и особенно старые народовольцы были гораздо начитаннее меня»¹⁵³. Необходимо было изучать марксизм в приложении к практике российского оппозиционного и революционного движения. В 1894–1895 гг. среди членов Союзного совета образовалась марксистская группа, в которую вошел Семашко. Под влиянием рабочего движения в Москве, которое стимулировало студентов к переходу от идейного увлечения марксизмом к практической деятельности, необходимо было более углублённо изучать марксизм. Семашко писал, что «в центре нашего внимания и самого пристального изучения» были сначала «Наши разногласия» Плеханова». Разбор существа теоретических споров между легальными народниками и марксистами дала гектографированная рукопись сочинения

¹⁵² Мельгунов С. Указ. соч. С. 70–71.

¹⁵³ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 18–19.

В. И. Ульянова «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)»¹⁵⁴. Эту работу Семашко представилась возможность проштудировать и сделать из нее выписки в 1895 г.¹⁵⁵. После прочтения сочинений Плеханова и гектографированной рукописи Ульянова он, по его словам, «с жаром прозелита занялся пропагандой марксистских идей среди товарищей, и принялся за организацию социал-демократических кружков среди студентов». О марксистской пропаганде в пролетарской среде он писал: «Прослышав о начавшемся подпольном движении рабочих (первомайская демонстрация в Сокольниках в 1895 г.), я стал налаживать связи с рабочими...»¹⁵⁶.

В ноябре 1896 г., вместе с молодыми марксистами В. В. Воровским и В. Д. Бонч-Бруевичем, он принял участие в подготовке Союзным советом землячеств воззвания к москвичам и студентам с призывом прийти 18 ноября на демонстрацию-панихиду по погибшим на Ходынском поле 18 мая 1896 г. Мысль о демонстрации возникла в одном из землячеств, но «устройство её вызвало протест значительной части союзного совета»¹⁵⁷. Воззвание было выпущено 14 ноября. В ночь на 17 ноября 1896 г., желая предотвратить шествие, полиция произвела обыски и аресты известных ей членов Союзного совета¹⁵⁸, в их числе и Семашко. У него обнаружили: «11 разных воззваний Союзного совета, протоколы собраний 1893–96 гг. Елецкого землячества и медный кастет»¹⁵⁹.

До января 1897 г., находясь в тюрьме при Пречистенском полицейском участке¹⁶⁰, он занимался самообразованием, изучая французский язык (по евангелию на французском языке) и мар-

¹⁵⁴ Семашко Н. Ключки воспоминаний... С. 8–9.

¹⁵⁵ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 18. Семашко писал, что гектографированное издание рукописи В. И. Ульянова появилось в Москве в начале 1895 г. Семашко Н. А. Незабываемый образ // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 5 т. Т. 2. М., 1979. С. 274.

¹⁵⁶ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 18.

¹⁵⁷ Мельгунов С. Указ. соч. С. 76.

¹⁵⁸ Орлов В. И. Указ. соч. С. 292, 293.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 97 (1899 г.). 3 дел. Д. 122. Л. 6; Н. А. Семашко относил свой первый арест к декабрю 1895 г. Семашко Н. Ключки воспоминаний... С. 10; Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 23; Точная дата ареста Семашко 17 ноября 1896 г. была указана в книге: «Воспитанники Московского университета — соратники В. И. Ленина... М., 1973. С. 164.

¹⁶⁰ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 23.

ксистскую науку. От хозяев квартиры, в которой жил до ареста, ему удалось получать книги по официально разрешенной программе учебного чтения. Он читал также недавно опубликованную и приобретенную им перед арестом книгу Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»¹⁶¹. Семашко вспоминал: «Я впился в чтение «взасос», отрываясь только для еды, в один день прочитал ее от доски до доски, а следующие дни перечитывал еще раз особенно важные места. Я и до сих пор не знаю, что я знаю лучше наизусть: евангелие, которое заставляли нас зубрить слово в слово в гимназии, или книжку Бельтова, которую я с жаром изучал в тюрьме».¹⁶² Затем он «взялся в тюрьме за «Логикку» Гегеля и осилил ее». Ему представилась также возможность не спеша прочесть «Капитал» К. Маркса¹⁶³. В работе «Что такое «друзья народа...» В. И. Ульянов писал, что этот труд Маркса имел гигантский успех потому, что «эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию, как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов...»¹⁶⁴. Несколько месяцев нахождения в тюрьме позволили Семашко заложить теоретический фундамент не только для своих марксистских взглядов, но и для дальнейшей пропагандистской работы в интеллигентской и пролетарской среде.

После жандармского дознания следствию удалось предъявить ему обвинение лишь в том, что он «был членом Елецкого землячества и автором годовых отчетов о деятельности «Союзного Совета», при этом пользовавшимся, «как пособием, негласною литературою». Ему инкриминировалась также «близость к лицам политически неблагонадежным»¹⁶⁵. Из допросов следователя он понял, что жандармам были известны члены марксистского кружка, в который он входил¹⁶⁶, и его «попытки связаться с рабочими мас-

¹⁶¹ Бельтов Н. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп. СПб., 1895.

¹⁶² Семашко Н. Клочки воспоминаний... М., 1930. С. 16–17.

¹⁶³ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 26.

¹⁶⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 139.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 97 (1899 г.). 3 дел. Д. 122. Л. 6, 20–20 об.

¹⁶⁶ Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 25.

сами»¹⁶⁷. Но, по-видимому, кроме агентурных сведений, юридическими свидетельствами его «противоправительственной» деятельности жандармы не располагали. По этой причине 17 января 1897 г. по решению Особого совещания при министерстве внутренних дел Н. А. Семашко административно выслали на родину в город Елец Орловской губернии на два года под гласный надзор полиции, где 18 февраля 1897 г. он поселился¹⁶⁸.

Формирование политических и философских взглядов братьев Семашко происходило в начале 1890-х гг., когда в оппозиционном российском обществе начали возрождаться освободительные устремления. В Московском университете это проявлялось в распространении среди студенчества не только либеральных и народнических, но и радикально-революционных идей. Если Владимир всецело отдался служению идеям просвещения крестьянства, то действительному темпераменту личности Николая Семашко отвечала революционная теория марксизма, нацеленная для России на социальное освобождение всего трудового народа. В политическом выборе Николая Семашко сказалось также то, что в семье его матери Марии Валентиновны «любили», даже «боготворили» Г. В. Плеханова¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Семашко Н. Клочки воспоминаний ... М., 1930. С. 10.

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 97 (1899 г.). 3 дел. Д. 122. Л. 10, 11, 20.

¹⁶⁹ Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 174.

Стефан Машкевич

ЭЛИТА В ОККУПАЦИИ (КИЕВ, 1941–1943):
«СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ» ИЛИ БОРЬБА
ЗА ВЫЖИВАНИЕ?
ИНТЕРВЬЮ С АГЛАЕЙ ГОРМАН,
ДОЧЕРЬЮ КОНСТАНТИНА ШТЕППЫ

Тема повседневной жизни населения на оккупированной территории СССР во время Великой Отечественной войны получила интенсивное развитие в постсоветский период, когда отпали идеологические ограничения и появилась возможность рассматривать ее с объективных позиций. Тема сама по себе достаточно сложна, потому что включает вопросы не только чисто исторического, но и социологического, психологического и даже морального характера.

Не вызывает сомнений, что жизненные условия для подавляющего большинства населения в условиях оккупации были исключительно тяжелыми. Людям пришлось бороться за свою жизнь, страдать от голода и недоедания, живя в экстремальных условиях, особенно в зимнее время, будучи лишенными надлежащей медицинской помощи — и вдобавок опасаясь за свою свободу, если не жизнь. Те, кто не были ликвидированы организованно — прежде всего в рамках пресловутого «окончательного решения» еврейского вопроса — могли попасть в заложники в отместку за акты саботажа и быть казненными или «в лучшем случае» депортированными в Германию на принудительные работы.

В довоенном советском обществе, как и везде, существовали «верхи», элита. Многие из ее представителей — в первую очередь партийные вожди — скорее всего, оказались бы в числе первых жертв, если бы остались под властью немцев, политика

которых подразумевала искоренение любых проявлений и следов большевизма. «Верхи» это понимали или по крайней мере подозревали — и эвакуировались (такую возможность они, разумеется, имели). Однако представители не самых высших кругов частично не могли уехать, частично — не хотели. Некоторые из них полагали, что немцы не причинят им вреда. В любом случае, те, кто не уехали, в условиях оккупации сформировали новую местную элиту.

Соответственно, они сотрудничали с оккупантами, т. е., по современной терминологии, были коллаборантами. Коль скоро они остались в оккупации, у них практически не было выбора — но, опять-таки, заметим, что как минимум часть из них были (первоначально) склонны рассматривать оккупантов как своих «освободителей» от советской власти, и поэтому их сотрудничество было не только добровольным, но и желанным для них самих.

Это вызывает естественные вопросы:

Во-первых, о причинах такого шага. Почему представители элиты шли на сотрудничество с оккупационной властью?

Во-вторых, о его следствиях. В какие условия были поставлены эти представители новой элиты? Жили ли они намного лучше, чем простые граждане, имели ли какие-либо привилегии? Были ли они в значительной мере избавлены от вышеупомянутых проблем?

Одним из наиболее видных общественных деятелей Киева в период немецкой оккупации этого города в 1941–1943 годах был историк Константин Феодосьевич Штеппа, он же Штепа¹ (1896–1958). До войны он был профессором Киевского университета, а в период оккупации: в 1941–1942 годах — ректором этого же университета; недолгое время в 1941 году — заведующим отделом народного образования Киевской городской управы; в 1941–1943 годах — главным редактором основной в то время городской газеты «Нове українське слово»; в 1942–1943 годах — одновременно главным редактором русскоязычного еженедельника «Последние новости». В 1943 году Штеппа с семьей уехал из Киева в Германию, а впоследствии обосновался в США; умер в Нью-Йорке, похоронен на кладбище православного монастыря в Ново-Дивеево (штат Нью-Йорк).

Сам Константин Штеппа и его дети — дочь Аглая, в замужестве Горман (1924–2013), и сын Эразм (1925–2008) — оставили ме-

¹ О причине разночтения в написании фамилии см. ниже.

муары, которые в основной своей массе опубликованы. В 2003 году в серии «Материалы к истории русской политической эмиграции» под одной обложкой² вышла документальная повесть Константина Штеппы «Ежовщина» (впервые опубликованная в Нью-Йорке в 1966 году³), очерки Эразма Штеппы «Не забудь-те, люди» и Аглаи Горман «Из воспоминаний». В 2005 году Горман опубликовала в США книгу воспоминаний «A Choice between Two Evils» («Выбор между двух зол»)⁴. В 2011 году воспоминания Эразма Штеппы⁵ были опубликованы в сборнике «Под немцами» под редакцией Кирилла Александрова.

Биография Константина Штеппы подробно исследована в работах украинских историков Игоря Вербы⁶ и Михаила Самофалова⁷ и их же обобщающей монографии⁸. Штеппа как объект репрессий конца 1930-х годов неоднократно фигурирует в историко-ведческом исследовании Сергея Белокопя⁹. Историографию деятельности Штеппы в оккупированном Киеве изучил Виталий Гедз¹⁰; его научную деятельность как историка-медиевиста ис-

² XX век. История одной семьи / Под ред. А. В. Попова. Москва : Русаки, 2003. 272 с.

³ Штеппа К. Ф. Ежовщина. Нью-Йорк, 1966. 168 с.

⁴ Gorman, A. A Choice between Two Evils. Xlibris Corp. 2005.

⁵ Штеппа Э. К. Из воспоминаний // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Сост. К. М. Александров. Санкт-Петербург : Скрипториум, 2011. С. 210–262.

⁶ Верба І. В. Кость Штеппа // Український історичний журнал. 1999. № 3. С. 97–112; № 4. С. 98–114; Верба І. В. Штеппа Кость Федосійович // Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка: минуле й сьогодення (1834–2004 рр.). Київ : Прайм-М, 2004. С. 315; Верба І. В., Самофалов М. О. Кость Штеппа: роки окупації (1941–1943) // Історичний журнал. 2007. № 4. С. 101–116.

⁷ Самофалов М. О. Кость Штепа: молоді роки (1896–1920) // Київська старовина. 2006. № 6. С. 36–40; Самофалов М. О. Кость Штеппа — співробітник Михайла Грушевського // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія. 2007. Вип. 91/93. С. 55–56; Самофалов М. О. Кость Штеппа: роки еміграції (1943–1958) // Історичний журнал. 2008. № 6. С. 22–31; Самофалов М. О. Науково-педагогічна і громадська діяльність історика Костя Штеппи (1896–1958): автореф. дис. ... канд. іст. наук: Київ, 2008. 20 с.

⁸ Верба І. В., Самофалов М. О. Історик Кость Штеппа: людина, вчений, педагог. Київ, 2010. 196 с.

⁹ Білокінь С. І. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР. 1917–1941 рр.: джерелознавче дослідження. Київ : Пенмен, 2017. 768 с.

¹⁰ Гедз В. А. Діяльність Костя Штеппи в окупованому Києві (1941–1943 рр.): історіографія // Гуржівські історичні читання. 2014. Вип. 7. С. 44–48.

следовал Геннадий Казакевич¹¹, его творческое и архивное наследие — Андрей Попов¹².

Вышеперечисленные научные публикации основаны на мемуарных и документальных источниках. Вместе с тем до 2013 года оставалась в живых непосредственная свидетельница и участница событий 1941–1943 годов в Киеве — упомянутая выше Аглая Горман, дочь Константина Штеппы. Автор этих строк воспользовался уникальной возможностью, посетил ее в Галфпорте (штат Флорида, США) и 12 февраля 2012 года взял у нее интервью длительностью около трех часов. На основе этого интервью несколько лет назад была опубликована работа¹³, в которой обсуждаются поставленные выше вопросы и делаются выводы: основной причиной, по которой Штеппа остался в оккупации, было его недовольство советской властью после ареста и тюремного заключения в 1938–1939 годах; в Киеве, в качестве представителя элиты, он получил квартиру в достаточно престижном доме, но, помимо этого, ни он, ни его семья не пользовались какими-либо значительными привилегиями, а вели не столько «сладкую жизнь», сколько борьбу за выживание. Здесь впервые публикуется текст самого интервью, с комментариями.

Помимо объективного интереса к теме, была другая причина, побудившая меня к разговору с г-жой Горман. Дело в том, что, во-первых, вместе со Штеппой на историческом факультете Киевского государственного университета некоторое время работал Стефан Гервасиевич Машкевич, мой родной дед по отцу — с которым, следовательно, Штеппа был хорошо знаком лично. В повести «Ежовщина», рассказывая об арестах коллег, он упоминает Машкевича (а также Михаила Орлова, родного брата жены Стефана Гервасиевича, т. е. моей бабушки по отцу)¹⁴. Во-вторых, пе-

¹¹ Казакевич Г. М. Кость Штеппа — дослідник релігійно-міфологічних уявлень доби античності та середньовіччя // Етнічна історія народів Європи. 2009. № 30. С. 33–38.

¹² Попов А. В. Творческое и архивное наследие профессора К. Ф. Штеппы // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы : сб. науч. тр. / отв. ред. П. А. Трибунский. Москва : Институт российской истории РАН, 2016. С. 559–564.

¹³ Mashkevich, S. How the elite survived: Konstantin Shtepa in german-occupied Kiev (1941–1943) // Сторінки воєнної історії України. 2019. № 22. С. 192–202.

¹⁴ Штеппа К. Ф. Ежовщина // XX век. История одной семьи. С. 35; См. также: Машкевич С. В. Киев-1937: механизм одного следственного дела // Русский сборник. Т. XXV. Москва: Модест Колеров, 2018. С. 287.

ред войной Штеппа был научным руководителем аспирантки Евдокии Григорьевны Гонтовой, выпускницы того же исторического факультета Киевского университета — моей бабушки по маме. (Тот факт, что он впоследствии стал коллаборантом и «ушел с немцами», поставил крест на ее карьере как историка.) Аглая Горман не смогла вспомнить ни коллегу своего отца, ни тем более его аспирантку; тем не менее, тот факт, что ее отец был лично знаком с моими предками сразу по двум линиям, добавил к исследовательскому интересу очевидную личную заинтересованность.

Несколько предварительных замечаний методологического характера. Во время интервью бывало сложно удержать тему беседы; моя собеседница имела тенденцию (непреднамеренно) вводить разговор в сторону, отвлекаться на воспоминания и т. п. Поэтому в публикуемом ниже тексте, для удобства восприятия, изменен порядок некоторых фрагментов по сравнению с их порядком в реальном разговоре. Всё интервью разбито на части, в хронологическом порядке, и каждая часть сопровождается вступительным комментарием, позволяющим лучше понять контекст.

Утверждения г-жи Горман и особенно ее суждения следует оценивать весьма аккуратно. Вообще говоря, трудно оставаться объективным, говоря о себе и своей семье. Кроме того, в данном конкретном случае тот факт, что моя собеседница считала оккупантов злом (с каковой точкой зрения я не могу не согласиться), означает, что она, вероятно, переоценила уровень трудностей, которые испытала ее семья. Как будет показано ниже, по крайней мере одно из ее утверждений, касающееся таких трудностей, не выдерживает элементарной проверки. Более того, учитывая общепринятое — теперь, но не во время самих событий — отношение к оккупантам, нельзя не ожидать, что член семьи человека, который с ними сотрудничал, теперь постарается избежать создания впечатления, что тогда эта семья была у оккупантов в фаворе. В целом это означает, что Константину Штеппе и его семье в действительности, вероятно, жилось лучше, чем в рассказе г-жи Горман. Наконец, об одном аспекте его деятельности в тогдашнем Киеве — сотрудничестве с СД и полицией безопасности в качестве секретного агента — я вообще не упоминал в интервью, из этических соображений. Тем не менее большинство фактов, сообщенных моей собеседницей, выглядят вполне правдоподобно и могут служить материалом для обобщений (конечно, ограниченных).

Константин Штеппа родился 3 (15) декабря 1896 года в местечке Лохвица Полтавской губернии (сейчас Полтавская область Украины) в семье священника, причем его дед по отцу предположительно был немецким переселенцем. Окончил Полтавскую духовную семинарию, после чего, в 1914 году, поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, однако в 1916 году перешел в военное училище. После его окончания отправился на фронт Первой мировой войны, а в 1919–1920 годах воевал в составе сначала Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России генерала Деникина, затем в Русской армии генерала Врангеля.

В последнем бою он был ранен, попал в плен и оказался в госпитале. Там ему удалось скрыть свой офицерский чин. По выходе из госпиталя он получил новые документы, в которых была указана фамилия «Штепа», которая больше похожа на украинскую, чем его настоящая фамилия. В дальнейшем в советских документах он был вынужден указывать именно эту версию, с одним «п».

— Аглая Константиновна, ваш отец родился в Лохвице, которая и тогда считалась, и сейчас, пожалуй, считается «классической» Украиной: Полтава, Хорол, Миргород, Лохвица... Он скорее чувствовал себя русским, украинцем, или он об этом особенно не задумывался?

— Я не думаю, что он особенно об этом думал. Мама его¹⁵ даже не украинка по национальности, а молдаванка. Дедушка¹⁶, когда на ней женился, был учителем немецкого языка в деревне, а она была в каком-то институте, точно не знаю, в каком. Она закончила институт, приехала домой, и... в общем, она страшно полюбила украинский язык.

— И она говорила по-украински?

— О да, да! Она с нами говорила по-украински. И я знала, что с бабушкой надо было всегда на украинском. Она декламировала стихи Шевченко: «Як умру, то поховайте // Мене на могилі // Серед степу широкого, // На Вкраїні милій»¹⁷. Мы были в Кане-

¹⁵ Неонила Евдокимовна, в девичестве Лобунская. См. *Верба І. В., Самофалов М. О.* Историк Кость Штеппа... С. 29.

¹⁶ Феодосий Ефремович Штеппа (дедушка Аглаи Константиновны). См. Там же.

¹⁷ Первые строки одного из самых известных стихотворений Тараса Шевченко «Заповіт» («Завещание»).

ве, видели это¹⁸ ... А Киев мы очень любили. Я до сих пор люблю Киев. Я видела много городов и много стран, но Киев все-таки для меня милее всего ...

— Возвращаясь к вашему отцу. В 1917–1918 годах, когда была предпринята первая попытка создания украинского государства, он был уже во вполне сознательном возрасте. Он тогда был на Украине?

— Да. Он закончил Полтавскую духовную семинарию. Но ... У бабушки был замечательный голос, она даже пела в домашних концертах, а у папы не было музыкального таланта, поэтому священником ему быть было сложно ...

— ... потому что для этого нужно читать нараспев?

— Да, конечно. Он говорил очень хорошие проповеди, но людям, крестьянам, это было не так интересно: они предпочитали гимны. И тогда он надумал поступить в Петербургский университет. Потом уже, дома, папа и мама говорили по-русски, и мы тоже. Папа иногда рассказывал какое-нибудь стихотворение, или анекдот ... Ведь украинский народ отличается от русского очень мало — только, я думаю, остроумием: украинцы более остроумны, больше есть присказок на украинском языке, чем по-русски. Как-то веселее: украинские сказки, танцы ...

— Фамилия вашего отца правильно пишется с двумя «п» — Штеппа? Ведь часто встречается вариант «Штепа».

— Да, правильно «Штеппа».

— Я читал, что разницей произошёл из-за того, что он в 20-е годы поменял документы. Это так?

— Да. Он был во врангелевской армии и попал в плен. В моей книге это описано — как он попал в плен и как выкрутился¹⁹. Он приехал на свое старое место жительства, в Нежин, где все его знали — и никто за все годы на него не донес. Он всю жизнь жил и боялся — потому что все видели его в офицерской форме ...

— Когда приблизительно он попал в Белую армию? В 1919 году?

— Когда образовалась армия Врангеля. Жизнь в Петербурге [sic] была очень тяжелой, а на Украине было лучше. И вообще его взгляды, по-видимому, больше его тянули сюда ... Его брат был убит — вы знаете об этом?

¹⁸ Очевидно, могилу Тараса Шевченко.

¹⁹ Это же описано в воспоминаниях самого Штеппы. См.: *Штеппа К. Ф. Ежовщина*. С. 56–58.

— Да, я об этом читал²⁰. А в 1919 году ваш отец, будучи в Белой армии, не воевал на Украине?

— Нет. Он только отступал. Он заболел тифом. Три тифа у него были, один за другим. Когда болезни кончились, он сказал: «Надо теперь как-то жизнь начинать» ... Ему ничего не оставалось делать, и он пошел туда и продолжал в том же духе ...

— Вы не знаете, будучи в Белой армии, не был ли он знаком с генералом Бредовым²¹?

— Нет, никаких генералов он не встречал. Он дослужился, по-моему, до капитана. Был в пулеметном²² ...

— Значит, в 1920 году он был в Крыму, защищал Крым от Красной армии?

— Да, когда Красная армия отступала²³.

В 1921 году Константин Штеппа переехал в Нежин, где продолжил обучение в Нежинском институте народного образования (по современной терминологии — педагогический институт). По окончании института он был зачислен аспирантом на научно-исследовательскую кафедру истории культуры и языка при этом же институте.

Там же, в Нежине, он женился на Валентине Леонидовне Шепелевой (1902–1963), и там же родились его дети Аглая (1924) и Эразм (1925).

В 1927 году Штеппа защитил диссертацию и получил ученую степень доктора истории европейской культуры.

В 1930 году научно-исследовательскую кафедру истории культуры и языка расформировали. Константин Штеппа переехал в Киев, куда его пригласили на работу преподавателем в Киевский институт профессионального образования (КИПО)²⁴. Этот институт был одним из «осколков» Киевского университета, об-

²⁰ Брат Константина Штеппы, Николай, был убит на фронте в Первую мировую войну. См. *Верба І. В., Самофалов М. О.* Историк Кость Штеппа ... С. 33.

²¹ Бредов Николай Эмильевич (1873 — после 1945) — генерал-лейтенант, участник Белого движения. Летом 1919 года командовал Полтавским отрядом Добровольческой армии, который 31 августа того же года взял Киев.

²² По-видимому, батальоне или полку.

²³ Очевидно, имеется в виду «наступала».

²⁴ *Верба І. В., Самофалов М. О.* Историк Кость Штеппа ... С. 36–77.

разовавшихся после нескольких реорганизаций 1920-х — начала 1930-х годов. В 1933 году КИПО вошел в состав вновь организованного Киевского университета.

Не позднее июля 1932 года директором КИПО был назначен Стефан Машкевич²⁵; он оставался в этой должности как минимум до декабря того же года²⁶. Заместителем директора КИПО в 1932 году был историк Лев Сахновский²⁷.

Штеппа некоторое время работал деканом исторического факультета восстановленного Киевского университета²⁸. В этом качестве он был знаком практически со всеми ведущими украинскими историками, в том числе с Михаилом Грушевским (1866–1934) — профессором истории, в 1917–1918 гг. председателем Украинской Центральной рады, с 1923 г. — академиком Всеукраинской академии наук (ВУАН), руководителем историко-филологического отдела, с 1929 г. — академиком АН СССР.

— Когда ваш отец стал деканом исторического факультета Киевского университета?

— Когда переехали из Нежина в Киев. По работе это было повышение, а по жизненным условиям — понижение. Потому что в Нежине у нас был маленький домик и маленький садик... жили так, более или менее по старинке. А в Киеве мы получили только одну комнату, какого-то арестованного человека, что было очень неприятно...

— Одну комнату на всю семью, на всех четверых?

— Да. Фамилия этого арестованного, по-моему, была Камышан²⁹ (но я не помню точно). Во всяком случае, у него тоже была

²⁵ ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 10. Д. 790. Л. 19–20.

²⁶ ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 10. Д. 1528. Л. 5.

²⁷ ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 10. Д. 1159. Л. 30.

²⁸ *Вербя І. В., Самофалов М. О.* Историк Кость Штеппа... С. 153.

²⁹ Имеется в виду, по всей видимости, Александр Николаевич Камышан, по одним сведениям — основатель научно-исследовательской кафедры марксизма-ленинизма при ВУАН (1926), по другим — заместитель директора Института марксизма в Харькове, арестованный в Москве в 1937 году (см. *Рубльов О.* «Заборона українства 1931 року» — Федір Савченко (1892–1938): спроба біографії ученого // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2019. № 2 (52). С. 161). Возможно, он был арестован в Киеве ранее, но затем выпущен. Вышеупомянутая кафедра находилась в особняке по адресу Карла Либкнехта, 12 (см. Київ. Провідник / Ф. Ернст (ред). Київ, 1930. С. 454) — то есть на той же улице, где, предположительно, бывшая квартира Камышана (см. ниже).

жена и дети... Тогда мы первый раз услышали об арестах. Тогда они забирали эту... украинскую группу, националистов.

— В каком году это было?

— Я еще в детский сад ходила, мне было семь лет³⁰...

— Где была эта квартира?

— На Печерске, в бывшем польском консульстве, где арестовали этого Камышана.

— На какой улице?

— На Левашовской³¹. На самом верху, как подняться по Лютеранской³². Комната была хорошая, но в одной комнате было довольно трудно...

— ... конечно — четыре человека...

— ... четыре человека, да. Это было на первом этаже. Дом был очень хороший (бывшее консульство), мраморные лестницы, коридоры, все очень красиво... Но комната была маленькая. Маме не хотелось (папа все время был занят) подниматься по Лютеранской улице — надо было пешком ходить. А когда была гололедица... мама заболела... и папа нас отвозил в детский сад, в Доме ученых. Там был хороший детский сад, я его очень любила...

— Дом ученых был на Владимирской³³?

— Нет, на углу Пушкинской и Свердлова (Прорезной).

— В Киеве тех лет ваш отец иногда продолжал говорить по-украински?

— Конечно. У него был лучший друг, Николай Неонович Петровский³⁴. Я никогда не слышала, чтобы он сказал одно слово

³⁰ Это указывает на 1931 или первую половину 1932 года, т. к. А. Горман родилась 30 мая 1924 года. Возможно, она немного ошиблась, и на самом деле это было в конце 1930 года, когда Штеппа переехал в Киев.

³¹ В советское время — Карла Либкнехта, сейчас — Шелковичная. Отметим, что г-жа Горман систематически использует дореволюционные названия улиц, хотя в реальности она их не застала. «Инерция» была сильна: многие киевляне и даже приезжие продолжали в обиходе использовать дореволюционные названия много лет после того, как значительная часть центральных улиц, начиная с 1919 года, была переименована (см. *Майкевич С. В. Улицы Киева. Ретропутешествие. Харьков: Фолио, 1918. 396 с.*)

³² В 1930-е годы польское консульство в Киеве находилось по адресу Карла Либкнехта, 1, на углу с нынешней улицей Грушевского (см. Список абонентів кийівської телефонної станції міських та міжміських сполучень. Київ: Київ-друк. 1930. С. 154).

³³ Сегодня Дом ученых в Киеве находится по адресу Владимирская, 45А.

³⁴ Николай Неонович Петровский (1894–1951) — советский историк-медиевист, доктор исторических наук, член-корреспондент АН УССР. В 1928 году арестован НКВД УССР за «националистическую деятельность», однако вскоре выпущен.

по-русски. Только по-украински. Когда они были в гостях, сидели, выпивали — всегда только по-украински.

— И никаких проблем это не вызывало? Никаких трений в связи с этим не было?

— Абсолютно никаких. Вообще никогда в жизни никто не обращал внимания — фамилия кончается на «о» или на «в»... Это не имело никакого значения. Иногда попадались и другие национальности. В нашей школе очень много было евреев; по-украински они не научились говорить, но экзамены сдавали. А мы научились. Ко мне учитель иногда на переменке подойдет и говорит: мол, говорить надо тільки по-українськи!

... Не знаю — как по мне, если Сталин сделал одно достижение [sic] в своей жизни — он добился того, что люди перестали плохо относиться друг к другу из-за национальности. Русские, украинцы... Когда мне выдавали паспорт в 16 лет, я могла написать, что хотела — хоть русская, хоть украинка, это не имело значения. Я любила украинские песни, украинские сказки... Папа всегда любил украинские частушки.

— Ваш отец ведь был знаком и с Грушевским?

— Да. Он его знал еще прежде, чем мы приехали в Киев, по Академии наук... Папа потом был его ассистентом, он с ним работал и все время был в очень хороших отношениях³⁵. Потом он умер, я была на его похоронах, хорошо помню эти похороны... Очень большие похороны, много людей, открытый гроб... Мы с мамой туда ходили, а папа не ходил с нами... И вот, возле него³⁶ группировались украинофилы.

— Грушевский тоже настаивал на том, чтобы говорить по-украински? Скажем, с вашим папой — на каком языке они говорили?

— По-моему, по-русски они говорили.

В конце 1920-х годов начались аресты представителей украинской интеллигенции. Летом 1929 года по делу «Комитета освобождения Украины» были арестованы Сергей Ефремов (литератор,

³⁵ Сам Штеппа вспоминал: «Встретил я на улице Михаила Сергеевича Грушевского, к которому чувствовал почти сыновью преданность <...> В течении [sic] ряда лет я работал в Академии под начальством М. Грушевского, который был тогда в большом почете у власти». См.: *Штеппа К. Ф.* Ежовщина. С. 35.

³⁶ Грушевского.

вице-президент ВУАН), Андрей Никовский (журналист, бывший главный редактор газеты «Нова Рада»), Владимир Чеховский (бывший премьер-министр УНР) и другие³⁷. В 1930–1931 годах было возбуждено дело «Украинского национального центра». Именно по этому делу 23 марта 1931 года в Москве был арестован Михаил Грушевский, которого обвинили в руководстве этой организацией, но уже 4 апреля того же года его освободили³⁸.

В 1936 году начались аресты киевских научных работников и преподавателей по нескольким делам, впоследствии объединенным в одно «Дело контрреволюционной троцкистско-террористической организации на Украине», также неформально известное как «дело тридцати семи» (по количеству фигурантов) или «дело профессоров» (большинство из них было профессорами). Многих из арестованных Штеппа знал лично — в частности, Григория Лозовика, Михаила Орлова, Льва Сахновского. В своей документальной повести «Ежовщина» он подробно описывает свои ощущения этого периода. Многих из тех, кого впоследствии арестовали, перед этим подвергали «проработке» на различных собраниях, обвиняя их в «методологических ошибках», «враждебной идеологии» и т. д. Подобная «проработка» означала возможный арест в будущем³⁹.

«Дело контрреволюционной троцкистско-террористической организации на Украине» было рассмотрено в суде 21 октября 1936 года. Все 37 участников «организации» были приговорены к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение на следующий день⁴⁰. В следующем, 1937 году «по следам» этого дела были арестованы еще несколько киевских преподавателей, в частности, Стефан Машкевич, который на допросе показал, что его завербовал в «организацию» Лев Сахновский⁴¹.

18 марта 1938 года был арестован сам Штеппа⁴². По одному делу с ним проходили: Екатерина Грушевская (дочь Михаила Грушевского, старший научный сотрудник Института истории литературы АН УССР), Соломон Майлис (научный сотрудник Киевского педагогического института) и Александр Сухов (профессор географии Одесского государственного университета).

³⁷ Білокін С. І. Масовий терор ... С. 349.

³⁸ *Енциклопедія історії України*. Т. 2. Київ : Наукова думка, 2004. С. 235.

³⁹ Штеппа К. Ф. Ежовщина. С. 21–43.

⁴⁰ ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 38407-ФП. Т. 27а. Л. 11–55.

⁴¹ ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 36113-ФП. Л. 12–13.

⁴² ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 49863-ФП. Л. 3.

В повести «Ежовщина» Штеппа утверждает, что подвергался допросам почти без перерыва с 18 марта до 10 мая, а еще через некоторое время сознался сначала в участии в подготовке на Украине вооруженного восстания против советской власти, затем — еще и в том, что был японским шпионом: «Шпионские сведения я передавал Майлису, а тот через Сухова направлял их японской агентуре»⁴³.

Протоколы допроса, имеющиеся в его уголовном деле, подтверждают эти его воспоминания. На допросе 5 сентября 1938 года Штеппа признал себя виновным в участии в «антисоветской националистической организации», в которую его якобы завербовал Николай Петровский⁴⁴. На другом допросе, через два дня, он показал, что «Сухов, как говорил мне Майлис, был связан с японским консулом в Одессе <...> материалы разведывательно-го характера я передавал через Майлиса»⁴⁵.

15–16 апреля 1939 дело Грушевской, Майлиса, Сухова и Штеппы слушалось в закрытом заседании военного трибунала Киевского особого военного округа⁴⁶. На суде Штеппа заявил, что никаких шпионских сведений Майлису не передавал; Майлис, в свою очередь, показал, что никакой шпионской работы не проводил⁴⁷. Затем Сухов и Штеппа попросили суд заслушать их показания, «которые имеют существенное значение по делу», в отсутствие остальных подсудимых и конвоя. Когда просьба была удовлетворена, Штеппа показал, что еще с 1927 года начал работать секретным сотрудником НКВД, а в контрреволюционную националистическую организацию вошел по заданию НКВД, чтобы вскрыть и разоблачить ее⁴⁸. (В повести «Ежовщина» об этом нет ни слова, что неудивительно.) Аналогичные показания дал Сухов.

Майлис был оправдан военным трибуналом и через некоторое время освобожден из-под стражи⁴⁹.

Дело Штеппы было отправлено на следствие. Он был освобожден из-под стражи 29 сентября 1939 года⁵⁰.

⁴³ Штеппа К. Ф. Ежовщина. С. 71–77.

⁴⁴ ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 49863-ФП. Л. 11–20.

⁴⁵ Там же. Л. 57.

⁴⁶ ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 50407-ФП. Л. 92–93.

⁴⁷ Там же. Л. 97, 115.

⁴⁸ Там же. Л. 116.

⁴⁹ ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 49863-ФП. Л. 180–181.

⁵⁰ Там же. Л. 200.

— Как долго отец был деканом исторического факультета?
— Я не знаю, они менялись... Кого-то уволили, кого-то арестовали...

— Грушевский умер при должности. Как так получилось? Он, что называется, вовремя умер? Ведь уж кого-кого, а его, председателя Центральной Рады, основного противника большевиков, казалось бы, могли бы «вычистить» в первую очередь?

— Не знаю. Вся группа, которая была вокруг него — все они были арестованы, насколько я помню. Папа об этом рассказывал. Я одним ухом слушала, но потом забывала эти фамилии... У них была таковой себе «кружок» людей среднего возраста. Они собирались... выпили по рюмке вина, поговорили... В это я уже не вмешивалась.

... Но мама иногда брала меня с собой: у нас не было няни, и мама брала меня с собой на собрания — «чистки» профессоров. Прежде чем арестовывать, их «чистили», клеймили на собраниях. Даже студенты и аспиранты выступали с обвинениями. Я помню, как они, профессора, защищались.

— Здесь возникает связь с моей собственной семьей. В 1934–1935 годах деканом исторического факультета университета была мой родной дед, в честь которого меня и назвали. Еще до этого, около 1932 года, он был директором одного из институтов, из которых впоследствии воссоздали университет...

— Его не арестовали?

— Арестовали. Он наверняка был знаком с вашим отцом: как и ваш отец, он был историком. 4 апреля 1937 года его арестовали. Ему не повезло так, как вашему отцу — в июле того же 1937 года его расстреляли...

— Мама говорила, что мой отец попал на «перемены в верхах»⁵¹.

— Итак, его арестовали в 1938 году...

⁵¹ Имеется в виду ослабление террора в 1938–1939 годах, по мере постепенного отстранения наркома внутренних дел Николая Ежова. Последний был 8 апреля 1938 года назначен по совместительству наркомом водного транспорта, что было первым признаком будущей опалы; 9 декабря того же года — «по собственному желанию» освобожден от обязанностей наркома внутренних дел с оставлением его наркомом водного транспорта; 9 апреля 1939 года — освобожден от должности наркома водного транспорта; на следующий день — арестован; 4 или 6 февраля 1940 года — расстрелян. После ареста его обвинили во вредительской работе, в частности, в «истреблении преданных партии кадров». Вслед за ним многие сотрудники НКВД, принимавшие участие в репрессиях, сами были арестованы.

— Да. Петровский был единственный человек, который помогал нам с Эриком, когда папу арестовали, а на следующий день маму забрали в роддом⁵². В то время после родов десять дней надо было быть в больнице. Знаете, вот вы живете, и в один день и папа и мама исчезают... и мы остаемся вдвоем — никого нет...

— В деле вашего отца фигурирует человек по имени Соломон Майлис...

— Да, я его знала.

— И мой отец его прекрасно знал. Он был другом семьи родителей моего отца.

— Я как-то его встретила, и он мне сказал: «Ты можешь надеяться. Сейчас начались перемены, и, может быть, ты что-нибудь узнаешь о папе».

— Это было, когда его самого уже выпустили? Ведь его тоже арестовали и выпустили.

— Его выпустили, да.

— Отец мне рассказывал, с его слов, что он, Майлис, очень неохотно говорил о том, что ему пришлось там пережить, но вот один момент он пересказал. Он когда-то работал на Дальнем Востоке...

— Да-да, это так и было...

— ... и поэтому из него изначально делали японского шпиона...

— ... да, японского шпиона — как и из папы...

— ... а в какой-то момент, согласно рассказу моего отца, следователь сказал Майлису: «Значит, так: японских шпионов у нас уже хватает, поэтому ты, Майлис, будешь теперь не японский, а польский шпион». Но тот заупрямился и стал настаивать: «Нет, если уж я японский шпион, то им и буду!». И так и остался японским. Значит, его выпустили раньше, чем вашего отца?

— Да, раньше. Может быть, на месяц.

— И вот он вас и обнадежил?

— Да. Я ходила... раз в месяц можно было прийти на свидание с каким-то там следователем, и он всегда говорил: «С вашим мужем всё в порядке»... но потом усмотрел, что я никак на жену не походила, так что он, наверно, проявил какие-то чувства... куда-то звонил, куда-то ходил, а потом сказал, что дело на следова-

⁵² Дочь Константина и Валентины Штеппы — третий ребенок в семье — родилась на следующий день после ареста Константина Штеппы (см. ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 49863-ФП. Л. 200); она умерла в младенчестве.

нии — а это был хороший признак. Обвинения снимались, и если новых не находили, то обвиняемый имел шанс выйти. И вот он вышел. Но многие, которые с ним вышли, потом попали ...

— ... под повторный арест в 1941 году?

— Да.

— В связи с историей об аресте вашего отца фигурирует еще человек по фамилии Сахновский. Вы его помните?

— Помню. Из Академии наук. Он был, арестован по-моему, раньше ...

— Да, существенно раньше. Моего деда арестовали в апреле 1937-го, и в его деле указано, что как раз Сахновский якобы завербовал моего деда в «троцкистскую организацию».

— Не знаю точно, какое он имел отношение, но фамилию такую точно знаю. Папа заведовал Институтом Ближнего Востока⁵³, и вот там этот Сахновский тоже был. Этот институт потом закрыли.

— Отец вам что-то рассказывал о том, что он пережил в НКВД?

— Конечно, рассказывал.

— Я читал, что в какой-то момент он подписал признание в том, что был японским шпионом ...

— Да ... Так, как мой дядя. Но его расстреляли — а теперь у меня есть бумажка о том, что он реабилитирован, потому что такой организации вообще не было.

— Ваш отец каким-то образом понимал, почему его выпустили, как так получилось?

— Он сказал, что то, в чём его обвиняли ... оказалось, что ничего этого не было.

— Но, наверно, в 99% случаев, организаций, в участии в которых людей обвиняли, не было ...

— Да. Он оказался в счастливое время, во время ...

— ... когда Ежова сменил Берия⁵⁴ ...

— Да, когда Ежова сместили. Очень недолго продолжался этот период. Потом начали опять арестовывать, уже по другим поводам. Его счастье, что он попал именно в этот период ... Ежов, Успенский⁵⁵, Успенский, Ежов ...

⁵³ В 1930–1934 годах Штеппа был заместителем председателя академической Комиссии по исследованиям истории Ближнего Востока и Византии, а фактически возглавлял ее. См. *Верба I. В., Самофалов М. О.* Историк Кость Штеппа ... С. 153.

⁵⁴ Лаврентий Павлович Берия сменил Ежова на посту наркома внутренних дел.

⁵⁵ Александр Иванович Успенский (1902–1940) — нарком внутренних дел СССР с 25 января по 14 ноября 1938 года. После звонка Ежова из Москвы с намеком

— Когда вашего отца освободили, в 1939 году, он почти сразу же вернулся на работу в университет?

— Да. Вернулся, и ему даже сделали своеобразное приветствие. Его очень любили студенты, и он очень многим помогал. И когда он пришел, собралось много студентов, и нам принесли торт с надписью «Разделяем ваше счастье», а отцу дали путевку в санаторий.

* * *

Штеппа был восстановлен в должности профессора Киевского университета и продолжал работать, как и до ареста.

Однако с началом Великой Отечественной войны и приближением немецких войск к Киеву усилилась шпиономания. Дмитрий Малаков, живший (ребенком) в Киеве во время немецкой оккупации, вспоминал, что на киевских трамваях и троллейбусах закрасили маршрутные таблички. Имелось в виду, что если кто-то начнет расспрашивать местных жителей о маршруте транспортного средства — он, вероятно, шпион и подлежит аресту⁵⁶.

Некоторых знакомых Штеппы, ранее арестованных и затем освобожденных, снова арестовали. Других коллег — в частности, Александра Оглоблина и Наталью Полонскую-Василенко — разыскивали, вполне вероятно, с целью ареста⁵⁷.

— Как вы узнали о начале войны?

— Первые бомбы упали на Киев после нашего выпускного вечера, который был в субботу...

— ...двадцать первого июня.

— Да. Мы гуляли в ночь после выпускного вечера, целой группой — и вдруг услышали выстрелы. Мы думали, что это красноармейцы где-то упражняются, и особо не обратили внимания. А на другой день у нас был назначен пикник — мы должны были собраться и поехать на Труханов остров, там был такой пляж, можно было в футбол играть, в волейбол... Я пришла домой, и мы с Эри-

на то, что его, Успенского, «дела плохи», имитировал самоубийство, оставив в служебном кабинете предсмертную записку: «труп мой ищите, если он нужен, в Днепре», а сам бежал в Воронеж. Несколько месяцев жил в разных городах по поддельным документам, но 16 апреля 1939 года в Миассе был опознан и арестован, 27 января 1940 года расстрелян.

⁵⁶ Интервью автора с Д. В. Малаковым. 27 июля 2008.

⁵⁷ *Верба І. В., Самофалов М. О.* Историк Кость Штеппа ... С. 119.

ком уже собрались идти, вышли, и вдруг я ему говорю: ты забыла мяч, а что ж мы придем без мяча, играть будет не во что? Он говорит: хорошо, ты стой здесь, а я побегу домой, за мячом. И в это время громкоговоритель как раз...

— ...двенадцать часов, и речь Молотова?

— ...речь Молотова. Папа был дома, сидел, что-то писал. Я пришла и сказала: «Включи радио, сейчас будет говорить Молотов». Папа включил... и потом сказал, что нам лучше всего уехать в деревню. Но мама была учительницей, и ее моментально завербовали — помогать польским беженцам. Мама работала в 6-й школе на площади Богдана Хмельницкого, там рядом улица, на которой была 6-я школа⁵⁸. Она там целый день проводила. Я работала в Александровской больнице⁵⁹. А Эрик болтался...

— На пикник вы, конечно, уже не пошли?..

— Нет, не пошли. И потом, что хуже всего, я никого из моих друзей уже не встретила.

— В первые месяцы войны — в июне, июле — жизнь города еще была более или менее нормальной, или все-таки сразу начало чувствоваться, что «что-то не так»?

— Сразу! На второй день уже, в понедельник, мы уже не могли взять деньги в банке...

— ...в сберкассе?

— ...в сберкассе. Кассы были закрыты. А я знаю, что у мамы было немножко сбережений, потому что они собирались купить квартиру: где-то был кооперативный дом — и мама складывала свой заработок в сберкассу...

— ...и уже на второй день снять эти деньги было нельзя?

— ...да, нельзя.

— Это как-то мотивировалось? Или просто — денег нет, и всё?

— Просто закрыты были банки.

— Итак, летом сорок первого года, после начала войны, но пока Киев еще оставался советским, началась кампания арестов, «подчисток» — и вот тогда же вашему отцу опять угрожал арест. Тогда многих арестовали?

⁵⁸ В 1940 году киевская 6-я школа располагалась по адресу Горовица (ныне Большая Житомирская), 2 (см. Список абонентів київської телефонної сітки А. Т. С. за станом на 1/V 1940. Київ: Видання дирекції київських телефонних станцій. 1940. С. 183).

⁵⁹ Александровская больница (в советское время Октябрьская) — одно из главных лечебных учреждений Киева. Расположена по адресу Шелковичная, 39/1.

— Да. Выпустили, а потом опять арестовали. Многих. Отец их называл, но я уже позабывала имена...

— Вы что-то помните о шпиономании в это время? Я знаю по воспоминаниям, что в людях сплошь и рядом видели шпионов. Мне рассказывали, что на трамваях покрасили маршрутные таблички, чтобы шпионы не узнали, куда эти трамваи идут; была такая подозрительная атмосфера. Вы помните об этом?

— Да. Помню. Даже некоторые мальчики, мои знакомые, попались как «шпионы», хотя они шпионами никак не были. Потом их выпустили. Но да, всё время было: «о, там шпион, там шпион!» ... Это было.

— Как в 1941 году ваш отец понял, что его могут опять арестовать?

— Арестовывали друзей, знакомых... У него была одна знакомая, которую он знал еще до «чистки». Потом ее арестовали, выпустили — и она судилась. Отец советовал ей не делать этого — но она подала в суд...

— ... за несправедливый арест?

— Да. Я о ней читала: о ней вспоминает Эрик, потому что ее сын был его другом в школе. Она была женой какого-то генерала, и хотела доказать... и доказала! Ее признали невиновной. Но как только война началась, на второй день папа пришел и рассказал, что ее арестовали опять⁶⁰.

— Я читал, что ваш отец какое-то время скрывался, потому что боялся повторного ареста?

— Да, этого он боялся.

— Согласно воспоминаниям Эрика⁶¹, отец ваш тогда какое-то время ночевал у знакомых...

— Да. У одной знакомой, докторши.

— Как долго? Несколько дней, недель?

— Может быть, пару недель.

— И в это время за ним действительно приходили?

⁶⁰ Речь, по всей видимости, о Елене Лобачевой, которая, согласно Штеппе, была арестована, затем освобождена, подала жалобу в Генеральную прокуратуру СССР, в результате чего Военная коллегия Верховного суда рассмотрела дело служащих НКВД, которые вели следствие Лобачевой с применением незаконных методов следственного воздействия. Они получили наказание. Однако 24 июня 1941 года Лобачева «была арестована второй раз и теперь исчезла уже навсегда». См. *Штеппа К. Ф. Ежовщина*. С. 88–90.

⁶¹ *Штеппа Э. Из воспоминаний // Под немцами ...* С. 211.

— Приходили. Он потом рассказал, что дворник сказал, что приходили какие-то двое, и дворник сказал, что его нет.

К середине–концу лета 1941 года стало ясно, что удержать Киев, скорее всего, не удастся. Перед киевлянами встал вопрос — оставаться в городе или эвакуироваться. Но, с одной стороны, не все, кто хотели уехать, имели такую возможность; с другой стороны, не все, кто имел возможность, хотели.

В середине 1941 года в Киеве было около 930 тысяч жителей. После 22 июня 1941 года около 200 тысяч из них было призвано в армию, около 325 тысяч — эвакуировалось; осталось, таким образом, около 400 тысяч⁶².

Как хорошо известно, одной из причин, по которой заметная часть киевлян не хотела уезжать, был опыт первой немецкой оккупации Киева (и Украины), в 1918 году, после Брестского мира. Как вспоминал очевидец тех событий, киевский адвокат Алексей Гольденвейзер (эмигрировавший в 1921 году), один из немецких солдат в ответ на расспросы о цели их прихода сказал: «Wir werden Ordnung schaffen» [«Мы наведем порядок»]⁶³. Действительно, период первой немецкой оккупации был для Украины периодом относительной стабильности. Немцы тогда вполне нормально относились к евреям, заметных проявлений антисемитизма с их стороны не было. Тем евреям, которые остались в Киеве в расчете на благожелательное отношение к себе немцев, это решение стоило жизни.

— Из Киева после начала войны нельзя было просто так уехать?

— Нет, сесть на поезд — нет! Надо было разрешение иметь. [Давали их тем], кто считался важным. Папа таким не был. Ему не было еще сорока пяти лет, и его забрали в армию. Он прошел комиссию, и потом они пошли пешком... Я и сейчас вижу себя, как я стою, машу ему рукой — они пошли через Цепной мост⁶⁴. Сразу

⁶² Кружлов А. Трагедия Бабьего Яра в немецких документах. Днепропетровск: Ткума, 2011. С. 6.

⁶³ Гольденвейзер А. Из киевских воспоминаний (1917–1921 гг.) // Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922. С. 209.

⁶⁴ Николаевский цепной мост через Днепр, приблизительно на месте нынешнего моста метро, был открыт в 1853 году и взорван отступавшими из Киева польскими войсками в 1920 году. В 1925 году на опорах старого моста был открыт

за Цепным мостом был такой лагерь — и там всех людей, которые занимали какое-то положение, держали отдельно, немножко лучше. А потом ... вдруг он приехал. Их всех отпустили.

— Это лето сорок первого года, да? То есть его мобилизовали где-нибудь, скажем, в июле, и через Цепной мост он пошел тоже предположительно в июле, но его еще не отправили на фронт, не зачислили в какую-то часть?..

— Потом их перевели в Харьков. Они были в Харькове, и папа «попался» ... Самолетики такие маленькие спускались и стреляли по эшелонам. Папа положил руку на голову, рука была прострелена — и ему дали разрешение остаться в Киеве на какое-то время. Он сказал, что он приехал за семьей. Таким образом мы и остались.

— То есть он в принципе хотел эвакуироваться?..

— Нет, не хотел.

— После всего, что он получил от советской власти в предшествующие годы?..

— Да. И вы знаете, что? Все те, которые были вместе с ним, с кем он встречался в камерах, и после того, когда их выпустили — целую группу — так вот, когда началась война, их всех поарестовывали⁶⁵.

— Хорошо известно, что многие киевляне дружелюбно встречали немцев, потому что помнили 1918-й год. Вы помните какие-то мнения ваших знакомых, или детали, связанные с воспоминанием о 1918-м годе — и с разочарованием, которое постигло киевлян, когда они поняли, что немцы совсем «не те», которые были за четверть века до того?

— Мама моя помнила 1918 год. Она помнила, что тогда часто менялись правительства, и что утром надо было бежать к ратуше, смотреть, какой флаг висит ... И да, когда были немцы — это было самое лучшее время. Особенно это касается евреев: к евреям они очень хорошо относились в то время. И потому, я думаю, много евреев, особенно старших, остались в Киеве.

мост имени Евгении Бош (взорванный в 1941 году отступавшими из Киева советскими войсками). Однако, как и в случае со старыми названиями улиц, киевляне по привычке продолжали говорить «Цепной мост» (хотя новый мост не был цепным).

⁶⁵ Это наверняка преувеличение. Точнее было бы сказать «некоторых из них арестовали».

Немецкие войска вошли в Киев 19 сентября 1941 года. Началась оккупация Киева.

Из воспоминаний очевидцев явствует, что многие в Киеве встречали немцев с энтузиазмом. Дарили им цветы, подносили традиционное угощение — хлеб-соль⁶⁶. В свете вышесказанного, это объяснимо. Некоторые из оставшихся в Киеве остались добровольно. Многие из тех, чьи родные (или они сами) пострадали в ходе Большого террора, перестали поддерживать советскую власть и думали, что при немцах «хуже не будет».

Отношения между киевлянами и оккупантами резко изменились на шестой день оккупации — 24 сентября 1941 года. В этот день были взорваны заблаговременно заложенные советскими войсками мины под рядом зданий на Крещатике, главной улице Киева. В ответ на эти взрывы и ряд других диверсионных актов немцы ввели практику взятия заложников. В качестве таковых брали первых попавшихся прохожих — от ста до нескольких сотен за каждый диверсионный акт — и расстреливали их (во всяком случае, так официально объявлялось)⁶⁷.

Уже в тот же день, 24 сентября, немецкий комендант Киева генерал-майор Курт Эбергард и/или командир 29-го армейского корпуса, который в тот момент дислоцировался в Киеве, генерал Ганс фон Обстфельдер потребовали от СД в качестве возмездия расстрелять всех евреев города⁶⁸. Таким образом был создан формальный повод для «акции» в Бабьем Яре — хотя повод этот был именно формальным: к моменту захвата Киева уже действовал приказ о поголовном истреблении евреев в оккупированных районах Советского Союза, и подобные «акции» до Киева проводились, например, в Белой Церкви и Каменце-Подольском⁶⁹.

За два дня, 29–30 сентября 1941 года, в Бабьем Яре, по немецким официальным данным, был расстрелян 33 771 человек⁷⁰. Расстрелы там продолжались и позже (в меньших масштабах).

— Вы писали, что немцев в Киеве восторженно встречали. Действительно можно сказать, что буквально всё оставшееся население

⁶⁶ Кузнецов А. Бабий Яр. Киев : Саммит-книга, 2008. С. 24.

⁶⁷ Там же. С. 113–116.

⁶⁸ Круглов А. Трагедия Бабьего Яра в немецких документах. С. 15–16.

⁶⁹ Там же. С. 4–5.

⁷⁰ Die «Ereignismeldungen UdSSR» 1941. Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2011. S. 642.

ние было радо избавлению от советской власти и приходу немцев? Что вы помните по этому поводу?

— Я не могу сказать «всё», но да, очень многие. Взорвался магазин детских игрушек⁷¹ — и вот немцы, которые въезжали на танках, везли с собой этих медведей, везли цветы... да, их встречали. Некоторые совершенно с ума сходили... Был один человек, колхозник, наверно, не особенно культурный... Он спросил, как по-немецки «друг», а ему кто-то сказал: «Esel» ...

— ...то есть «осёл» ...

— Да. Он это сказал... и его моментально убрали.

Немцы входили — и вся публика на одной стороне и на другой... И я смотрела — на другой стороне одна девочка из параллельного класса и один мальчик, из евреев... Девочка стояла в толпе. Она меня узнала, поздоровалась. «Ну, как ты? Ну, что будет?»

— А помните ли вы, когда отношение немцев к местному населению, к киевлянам претерпело изменения? Скажем, после взрывов на Крещатике. Было такое, чтобы изначально они менее строго, менее жестоко относились к киевлянам, а потом это изменилось? Если да, то действительно, по-вашему, взрывы на Крещатике сыграли в этом какую-то роль?

— По-моему, сыграли. Потому что никто не знал, откуда это. Некоторые говорили, что это евреи сделали. Некоторые говорили, что коммунисты. Но этому тоже не верили. Об этом знали только Эрик и его компания...

— Теперь-то об этом известно. Опубликованы воспоминания, в частности, Михаила Татарского, который заведовал всей этой операцией...

— Да, постепенно всё всегда выясняется... А еще тогда были объявления, на рідній мові, о том, что, мол, на какого-то немца было покушение, и за это расстреляно сто заложников...

— Да, такое было и до Бабьего Яра, и после. Вы помните эти объявления? Где они вывешивались?

— Объявления о Бабьем Яре?

— И о Бабьем Яре, и о вот этих заложниках. Просто на улицах? На стенах домов? На столбах? Как много их было?

⁷¹ Видимо, оговорка: не взорвался, а был ограблен. В день безвластия, 18 сентября, и в ночь на 19 сентября имело место мародерство: киевляне массово грабили магазины — в частности, создавая себе таким образом «запасы» на будущее. См. ГАКО. Ф. Р-2412. Оп. 2. Д. 52. Л. 3 об.

— Много! Юра Дудин, брат Льва Дудина — его поймали один раз как заложника, когда собрались сто человек расстрелять. Где-то с большим трудом его нашли, сработали... в общем, кто-то его выручил⁷².

— То есть объявлений было столько, что пройти мимо них было невозможно?

— Невозможно. Может быть, где-нибудь на Подоле их не было, но там я не бывала. А в самом центре города, где мы жили — там их было всегда много.

— А в обратную сторону? Восприятие евреями (теми, кто выжил) немцев после 1941 года в комментариях не нуждается. А как насчет русских и украинцев? В какой момент изменилось их отношение к немцам? Это произошло из-за Бабьего Яра? Из-за объявлений о заложниках? Из-за плохих условий жизни, голода? Что, по-вашему, больше всего повлияло на изменение восприятия немцев? Когда люди поняли, что это совсем не 1918 год?

— Сразу. Потому что Бабий Яр произошел через пять дней⁷³... Я до сих пор не могу себе представить, как это произошло. Люди шли туда совершенно добровольно...

— ...ведь некоторые думали, что их будут вывозить. На Лукьяновке была товарная станция, и люди думали, что их ведут туда, там посадят в поезда...

— Да, да. Некоторые говорили, что их везут в какой-то специальный лагерь, где им будет лучше. А стреляли же все время...

— ...то есть даже те, кто слышали выстрелы в Бабьем Яре, могли не понимать, что там происходит?..

— Нет, не отдавали себе отчета. Это только потом, когда некоторые оттуда вышли и стали куда-то прибегать, люди начали понимать... И потом некоторые спасали евреев... кто спасал, а кто, наоборот, выдавал. Всякие были.

— А как вы лично узнали о том, что произошло в Бабьем Яре? Объявления — это понятно. Когда вы узнали именно о том, что евреев там расстреляли?

⁷² Согласно воспоминаниям Льва Дудина, сам он, Лев, и выручил Юрия: «<...> мне удалось его спасти в последнюю минуту только благодаря знанию немецкого языка. Я выхватила его из толпы, которую немцы сажали на автомобили для отправки на место казни». См. Дудин Л. В. В оккупации // Под немцами... С. 316.

⁷³ Через пять дней после взрывов на Крещатике, или через десять дней после начала оккупации Киева.

— Даже не могу сказать. Первые дни мы ничего не знали... В то время у людей был еще подъем, надежды, казалось, что все будет хорошо — но, конечно, после этих взрывов...

— Вы сказали, что «Эрик и его компания» что-то знали об этих взрывах. Что вы имеете в виду?

— Эрик, мальчик тогда — они бежали по городу, и он собственными глазами видел, как эти мины подкладывали — наши.

— Еще летом сорок первого года?

— Да.

— Где?

— На Крещатике... На Николаевской⁷⁴?. Какая улица шла к цирку⁷⁵?

— Николаевская.

— Да. Вот там взорвали дома, а потом всё на Бессарабке⁷⁶...

— Насколько я знаю, мины подкладывали в основном ночью. Выходит, не только ночью?

— Нет. Может, сами мины подкладывали и ночью, но к минам надо же какие-то...

— ...провода? антенны?..

— Да-да, и вот мальчики бежали и смотрели... Это еще до отступления.

— Если можно, подробнее. Вы говорите, что он просто гулял по улицам и видел это. Но каким образом они понимали, что подкладывают мины? Или все-таки он это понял уже потом, когда всё это взорвалось?

— Я думаю, что они понимали, что подкладывают мины. Потому что он нам это рассказывал.

— Когда примерно рассказывал? Еще до взрывов?

— До взрывов. Абсолютно! Взрывы были полным сюрпризом для людей и для немцев. Особенно когда взорвали этот со-

⁷⁴ Одна из центральных улиц Киева, прилегающих к Крещатику. В советское время — Карла Маркса, сейчас — Архитектора Городецкого.

⁷⁵ Имеется в виду старый цирк Крутикова, находившийся на Николаевской, 9 (сейчас на этом месте кинотеатр «Украина»).

⁷⁶ «Взорвали <...> всё на Бессарабке» — преувеличение. Квартал четной стороны Крещатика, прилегающий к Бессарабской площади — единственный квартал на этой улице, не затронутый взрывами. Его дореволюционная застройка практически полностью сохранилась по сей день. Не было взорвано и здание Бессарабского рынка на одноименной площади, 1912 года постройки, которое также существует сегодня.

бор⁷⁷ ... это уже вообще сумасшедший дом. Потому что это уже оккупация была — и вдруг взрывается эта церковь. Чего ее взрывали? Если б мины не были подложены раньше ...

— С Успенским собором на самом деле ведь история темная. Кто его взорвал, доподлинно так и не известно. Потому что есть аргументы, существенные, в пользу того, что советские мины здесь ни при чем: они слишком долго должны были лежать в соборе, и заряда батарей на такое время скорее всего не хватило бы. В любом случае, Успенский собор стоит немножко в стороне, его-то взорвали гораздо позже ...

— Каждый день были взрывы⁷⁸! Немцы выставили оцепление по Владимирской. Вниз уже спускаться нельзя было ... А я была как раз на углу Прорезной и Пушкинской, когда был первый взрыв ...

— То есть вы видели первый взрыв своими глазами?

— Да. Взорвался «Детский мир» ...

— ... на углу Прорезной и Крещатика — там и был первый взрыв.

— Да. Там еще было пятое кино⁷⁹ ... точно уже не помню.

— Есть несколько воспоминаний касательно взрывов. Разные люди, в том числе те, кто тогда были детьми, вспоминают, что буквально за час, два часа до взрывов некие люди, то ли в форме, то ли в штатском, как бы намекали людям: мол, вам здесь нечего де-

⁷⁷ Речь об Успенском соборе Киево-Печерской лавры, который был взорван 3 ноября 1941 года. До сих пор существует две версии происшедшего. Согласно одной, он был взорван оккупантами. В пользу этой версии имеется ряд аргументов. В советских минах, даже если они были установлены незадолго до 19 сентября, за полтора с лишним месяца должны были разрядиться батареи. Непосредственно перед взрывом оккупанты вывезли из собора художественные ценности и выселили жителей из этого района. Наконец, сам момент взрыва зафиксирован на немецкой кинохронике — следовательно, весьма вероятно, что немецкие власти заранее знали о времени взрыва. Однако существует и вторая версия, согласно которой взрыв — дело рук советских частей, как и взрывы на Крещатике, или советских партизан. По вполне понятным причинам в современной украинской историографии распространена вторая версия.

⁷⁸ Это, очевидно, тоже преувеличение.

⁷⁹ «Госкино № 5» (см. Тимчасовий список абонентів київської телефонної станції міських та міжміських сполучень. Київ: Видання бюро обслуговування київського відділу зв'язку. 1932. С. 78), впоследствии кинотеатр «Спартак» (см. Список абонентів київської телефонної сітки А. Т. С. за станом на I/V 1940. Київ: Видання дирекції київських телефонних станцій. 1940. С. 168), располагалось по адресу Крещатик, 30 — в одном из кварталов, которые были полностью уничтожены взрывами и последовавшими пожарами.

лать, уходите отсюда (очевидно, эти люди, будучи агентами, знали о предстоящих взрывах). Вы что-то подобное помните?

— Да. Мальчиков тоже прогоняли. Но вы знаете, какие мальчишки. Мальчишки всегда куда-то пролезут...

— Но прогоняли уже когда начались взрывы, или до того?

— До того.

— А кто прогонял?

— Не знаю... Дворники, или кто там прогонял... Не знаю. Я же не ходила...

— Но все-таки помните, что именно перед взрывами, когда никто еще ничего не знал, было какое-то такое движение — чтобы людей оттуда прогонять?

— Да, да.

— То есть кто-то что-то все-таки знал...

— Кто-то знал.

— Возвращаясь к Эрику: он рассказал вам, отцу, матери, что что-то там «нечисто» (заминировано?) когда примерно? Уже когда немцы вошли в Киев? Или даже еще до этого?

— До того, как вошли в Киев.

— То есть где-то летом, ранней осенью?

— Нет, не осенью. Война началась 22 июня, а это было после школы... они уже были свободны, Эрик закончил девятый класс. Делать было нечего... там их целая шпана собиралась, глупости всякие делали, баловались... их, конечно, гнали отовсюду...

— То есть это было после окончания школы, летом сорок первого года, война уже шла...

— Да, война уже шла.

Уже в сентябре 1941 года Константин Штеппа был назначен заведующим отделом культуры и образования Киевской городской управы. В Киеве осталось больше тысячи сотрудников Академии наук УССР, и их делами, в частности, занимался возглавляемый Штеппой отдел. Оккупанты не были заинтересованы ни в каком-либо развитии украинской гуманитарной науки, ни в судьбах «местных» ученых, и Штеппа в меру своих возможностей пытался облегчить их положение⁸⁰.

⁸⁰ Верба І. В., Самофалов М. О. Историк Кость Штеппа ... С. 121–123.

19 ноября 1941 года Штеппа был назначен ректором Киевского университета (точнее говоря, той его части, которая осталась в Киеве; официально университет был эвакуирован в Кзыл-Орду⁸¹). Его распоряжением были восстановлены университетские кафедры; в частности, кафедре всеобщей истории возглавил он сам, а вновь созданную кафедру истории Украины — Александр Оглоблин. Однако наладить нормальную работу университета не удалось. С точки зрения оккупантов, для местного населения было вполне достаточно четырех классов образования. В начале 1942 года Киевский университет был закрыт⁸².

Еще до того, как немцы взяли Киев, в Житомире начала выходить ежедневная газета «Українське слово». Затем редакция этой газеты была переведена в Киев. Ее главным редактором был член ОУН Иван Рогач; одним из сотрудников редакции — украинская поэтесса Елена Телига. Эта газета была абсолютно лояльна к оккупантам, изображая их исключительно как «освободителей», полностью разделяя их позицию по отношению к евреям, в том числе и после Бабьего Яра⁸³. Тем не менее 13 декабря вышел последний номер «Українського слова» (о предстоявшем прекращении ее издания в самой газете никак не было объявлено), а 14 декабря — первый номер «Нового українського слова». На первой странице этой новой газеты сообщалось: «Крайние националисты, вместе с большевистски настроенными элементами, сделали попытку превратить национально-украинскую газету в информационный орган своих предательских целей. <... > Чтобы предотвратить угрозу закрытия газеты и сберечь для народа ценный информационный орган, было проведено очищение редакции от предательских элементов. Чтобы популяризировать газету в духе немецкой дружбы [sic], ректор Киевского университета проф. Штеппа [sic] согласился стать главным редактором газеты и призвать к сотрудничеству настоящих друзей народа, которые имеют здоровое политическое мышление»⁸⁴.

«Очищение редакции» заключалось в том, что Рогач, Телига и другие члены редакции были арестованы. В современной укра-

⁸¹ *Історія Київського університету*, т. 1. Київ, 2019. С. 701–704.

⁸² *Верба І. В., Самофалов М. О.* Історик Кость Штеппа ... С. 124–127.

⁸³ В этой связи примечательно, что одна из киевских улиц, непосредственно примыкающих к Бабьему Яру, с 1993 года называется именем Елены Телиги, а в 2017 году одна из новых улиц в Деснянском районе Киева была названа именем Ивана Рогача.

⁸⁴ До нашего читача! // *Нове українське слово*. 1941. 14 декабря. № 1. С. 1.

инской историографии принято утверждать, что они были впоследствии расстреляны в Бабьем Яре, хотя документальных подтверждений этому нет.

Штеппа был главным редактором «Нового українського слова» вплоть до сентября 1943 года, когда газета прекратила свое существование. В ноябре 1942 года он также стал главным редактором российской еженедельной газеты «Последние новости», сменив на этом посту своего коллегу Льва Дудина.

— Вы упоминали, что не ваш отец пришел к немцам и предложил свои услуги, а они пришли к нему.

— Да. К нему пришли немцы чуть ли не на второй день, как они заняли Киев, еще до взрывов.

— Чем он занимался в первый период оккупации?

— Он заведовал образованием⁸⁵. И занимался тем, что доставал продовольственные карточки для профессоров, преподавателей университета, которые остались без работы. Мама варила большую кастрюлю супа или чего-то подобного, и мы с Эриком ходили, относили еду этим старикам — они просто умирали с голоду. Пайка не было, магазинов не было... Можно было жить только, если ты мог спокойно ходить куда-нибудь в деревню — чем дальше, тем лучше...

— На обмен?

— Да. Мама в конце концов обменяла мое пианино на четыре килограмма сала. Это была большая победа...

— Как же она физически отвезла туда это пианино?

— Человек сам приехал и забрал его. Они, крестьяне, жили хорошо, потому что у них были продукты... И это сало нас держало до отступления! Ничего другого не было... А если немножко сала поджарить и положить в суп, борщ или кашу... хоть что-то. Немцы пришли и закрыли все магазины. Магазинов фактически не было. Оставался базар...

— Кроме всего прочего, на базаре цены были баснословными? Килограмм хлеба, картофеля стоил сотни рублей. На зарплату можно было купить пару килограммов?..

— Да. Деньги не играли никакой роли. Я и до сих пор деньгами не умею владеть, рассчитывать, не умею их беречь...

⁸⁵ Очевидно, речь о его работе заведующим отделом культуры и образования Киевской городской управы.

— Я читал и у того же Кузнецова в «Бабьем Яре», и у других авторов, что этих людей, которые ходили на обмен за продуктами, потом часто в городе задерживала полиция и конфисковывала эти продукты. Действительно была большая вероятность нарваться на задержание и лишиться всех продуктов?

— Да.

— Почему, как вам кажется, они отбирали эти продукты? Хотели уморить людей голодом? Показать свою власть? Или что-то еще?

— Может быть, думали, что там что-нибудь другое... Что эти люди связаны с партизанами... Я не знаю. Делали еще так: собирались базары, и на эти базары тоже приезжали крестьяне. Были тогда еще возы, и сено, я это очень любила... Привозили продукты, и можно было обменять; но потом иногда этот базар окружала немецкая полиция, и всех собирали и отсылали в Германию. У нас было два случая: одна девочка, которую я знала еще по Нежину, ее фамилия была Максимович. Она приехала в летней одежде. Ей даже не разрешили поехать, взять какую-нибудь зимнюю одежду. Их всех собирали куда-то... деталей не знаю.

— Насколько я знаю, цель этих облав и состояла в том, чтобы угонять людей в Германию, «остарбайтерами». Ведь вначале люди ехали добровольно, не зная, что их там ждет, а потом, когда просочились сведения о том, что там на самом деле происходит, люди перестали ехать добровольно?

— Да, перестали.

— Если можно, остановимся подробнее на украинской полиции. Правда, что в Киеве в ней работали в основном не киевляне?

— Да. Когда пришли немцы, они привели с собой целую группу украинских полицейских...

— Именно с ними же пришел Иван Рогач, редактор «Украинского слова»?

— Да. Но я его не знала.

— Правда, что эти полицейские были в основном с Западной Украины?

— Да. Все были с Западной Украины, «бандеровцы» главным образом⁸⁶. Кроме того, даже тем, кто служили в полиции, никакой формы не давали. И все свои преступления немцы своими руками

⁸⁶ На самом деле в Киеве были в основном «мельниковцы» — представители ОУН-М, фракции, враждебной ОУН-Б («бандеровцам»).

не делали... Они пользовались «услугами» этих людей с Западной Украины⁸⁷.

— Я читал, что в печально известном Бабьем Яре было много украинской полиции, причем чуть ли не больше, чем самих немцев. Это так?

— Я не могу ручаться, потому что я видела Бабий Яр только через год после случившегося. Почему? — потому что я, чтобы спастись от работы в Германии, устроилась работать на малярийной станции. В Киеве, как вы знаете, кругом озера. Голосеево, Мышеловка⁸⁸... И вот, надо было ходить и исследовать воду. Если находили личинки малярийных комаров... немцы, мадьяры, итальянцы боялись их как смерти. Сразу же вызывали подводу, машины, ехали и опрыскивали всё мышьяком. Потому что если один солдат заболевает, то был шанс, что тут же заболеют все. Перед этим было объявлено, что где-то в Африке заразилась целая часть. Это было то ли в немецких, то ли в украинских газетах — во всяком случае, об этом говорили все. Очень они боялись этой малярии. У каждого из работавших на этой малярийной станции немцев была часть, за которую он отвечал. Когда на озерах было что-то не так, на следующий день давали мне подводу, мешки с мышьяком, обрызгивать озера. Никаких других отношений, кроме рабочих, у меня с ними не было. Папа мне сразу сказал: никаких знакомств с немцами не води.

— Кроме всего прочего, эти немцы могли заинтересоваться вами как девушкой?..

— В том-то и дело.

— То есть это и была ваша работа — брать пробы воды на малярию?

— Да. И это меня спасало от угона в Германию... Я должна была пешком ходить в это Голосеево, потому что нам не разрешали пользоваться общественным транспортом.

— Я хотел вас спросить именно об этом. Я знаю, что по официальным правилам — по документам, которые сохранились в архивах — передняя площадка была предназначена для немецких военнослужащих и служащих трамвая, а на заднюю площадку официально могли входить все. Но вы пишете в своих воспоминаниях,

⁸⁷ Следует заметить, что, во всяком случае, в расстрелах в Бабьем Яре украинская полиция непосредственно не участвовала, выполняя только вспомогательные функции. См. *Круглов А.* Трагедия Бабьего Яра в немецких документах. С. 33–34.

⁸⁸ Районы Киева, в которых действительно есть водоемы.

что на трамваях висели таблички «Только для немцев». Вы помните подробности, как это выглядело? На всех ли трамваях они висели? Где висели? На каком языке были эти таблички?

— «Nur für Deutsche» ...

— То есть по-немецки. А по-русски или по-украински это даже не дублировалось?

— Нет ... Хотя ... Обыкновенно все объявления дублировались. По-русски — нет ... По-украински.

— То есть «Nur für Deutsche. Лише для німців» — как-то так?

— Да.

— Они висели у передних дверей трамваев?

— Не знаю ... Вообще люди трамваями не пользовались⁸⁹. Не знаю, может, другие и пользовались, но ... Это для меня было тяжелым ударом. Не нужно было так делать. Ведь и ни одного поезда из Киева не ушло во время немецкой оккупации⁹⁰. Нельзя было поехать никуда ...

— Насколько я знаю, железная дорога в принципе все-таки работала. Но она работала только на немецкие нужды?

— Да. Вот театр или кино были для русских и украинцев ...

— Как вам кажется, линия на жесткую украинизацию, на подавление всего русского была инспирирована немцами, или так получилось в основном за счет того, что пришли вышеупомянутые люди с Западной Украины?

— Это никак не немцы насаждали. Были бандеровцы и были мельниковцы ... Мы с Эриком как-то шли по улице Ленина — там была парикмахерская — и смотрим: окно пустое, и висит объявление от организации української молоді. Мы посмотрели друг на друга: мы же украинская молодь? Пойдем запишемся! Ну, и пошли. Нас с удовольствием приняли. Начали мы учиться. «Ще не вмерла Україна, // Ні слава, ні воля, // Ще нам, браття молодії, // Усміхнеться доля. // Згинуть наші вороженьки, // Як роса на сонці, // І ми, браття, запануєм [sic] // У своїй сторонці»⁹¹. Потом

⁸⁹ Это утверждение не выдерживает проверки. В период оккупации проезд гражданских лиц в киевском трамвае был разрешен, хотя и не всё время (значительную часть времени пассажирского трамвайного движения не было). См. *Мишкевич С.* Історія Київського міського транспорту. Кінець ХІХ — початок ХХІ ст. Київ: Варто, 2019. С. 289–290.

⁹⁰ На самом деле поезда из Киева ходили — в частности, в Германию, в Нюрнберг. Однако гражданским лицам, скорее всего, было запрещено в них ездить.

⁹¹ Первые строки современного гимна Украины, с небольшим искажением.

еще много такого... Маршировали, ходили... Ну а потом стало неинтересно. Но немцы этого не поддерживали.

— То есть эта ОУМ (Организация украинской молодежи) — это было нечто вроде комсомола, только под эгидой ОУН (Организация украинских националистов)?

— Да. Но это не бандеровцы были. С бандеровцами Эрик встретился в лагере, и там, говорил, они его поддерживали. Там была целая группа — наверно, всю деревню, или весь округ, или бог его знает что — их всех, молодых, собрали, и вот он попал с ними в лагерь. Украинец, по документам. Самый молодой. И они к нему относились хорошо... Но немцы очень скоро эту украинскую полицию [sic] распустили.

— И ведь именно тогда «Українське слово» превратилось в «Нове українське слово»?

— Да, в «Нове українське слово».

— Я работал с обеими этими газетами, и, в частности, прекрасно помню, что в «Украинском слове», до декабря 1941 года, была целая серия репортажей под общей рубрикой «В Україні — по-українському» (это, кстати, еще и не совсем грамотно — вообще-то не «по-українському», а «українською», если уж українською мовою), и там регулярно доносилась мысль о том, что русский язык и русскую культуру нужно из Киева изгонять. Там проходились по людям, которые говорили по-русски в трамваях, писали, мол, «да сколько же можно?!»⁹²... И это было, конечно, еще замешано на антисетимизме...

— Хуже! Слушайте... Папа тогда заведовал отделом образования, и у него там работала балерина (кажется, Анастасова), из киевской оперы. Она не получала ни пайка, ни денег — потому что она была русская! Так было, пока был Рогач и его компания. А папа нам сказал: вы лучше из этой самой украинской организации выйдите, займитесь чем-нибудь другим. И тогда я поступила на малярийную станцию, а Эрик уехал в Германию. Но немцы не поддерживали [украинское движение]. Вначале, может быть, они и думали об Украине... Но потом увидели, что Украина если отделится, то пользы им никакой не будет.

— Что вы помните о деятельности вашего отца как ректора Киевского университета? Когда и как его назначили ректором?

⁹² См., напр.: Про культуру нашого побуту і звичаїв // Українське слово. 1941. 25 жовтня. № 40. С. 2–3.

Насколько вообще реальной была деятельность университета в то время? Потом, насколько я знаю, университет закрыли... Что вы об этом помните?

— Я помню, что были выборы. Какие-то профессора остались; их было больше, чем вы думаете. Было довольно много научных работников. Большинство, может быть, не по политическим соображениям, а просто по физическим. Потому что трудно было получить разрешение на отступление⁹³...

— Ваш отец некоторое время совмещал должность главного редактора газеты и ректора университета...

— Да.

— Как он с этим справлялся? Он ходил то на одну работу, то на другую?

— Нет, в университет он каждый день не ходил. У них были дни, когда они собирались — по вечерам, наверно... точно даже не знаю. Профессоров осталось довольно много... они были бедные, несчастные, потому что работы не было... а еще не дай бог русский — русскому даже хлеба не дадут.

— Но занятий, лекций в университете не было в это время, или что-то немножко было?

— Что-то было... но определенного расписания — нет, тако-го не было. Были какие-то семинары, что-то техническое... кто-то занимался с какими-то чертежами... точно не знаю.

— А занятия в школах на каком-то уровне проводились?

— По-моему, нет. Но точно не знаю. Что работало — я там училась еще до своей работы — это фельдшерская школа. Вот она была открыта.

— Учились уже во время оккупации?

— Да. И также во время оккупации открыли медицинский институт. И в этот медицинский институт поступили все... каким бы кто студентом ни был. Всё шло хорошо, год проучились... потом летние каникулы, сорок второго года... а потом собрал генералкомиссар всех студентов и сказал: «Теперь вы должны ехать в деревню, помогать колхозникам [sic], а документы ваши получите после конца войны. Немецкие студенты работают, и вы тоже должны работать»...

— «Ехать в деревню помогать колхозникам» — это уже как при советском строе. То же самое... В наше время — когда я был

⁹³ Очевидно, на эвакуацию.

студентом — студенты тоже ездили в колхоз, помогали. В этом плане особо ничего не изменилось...

— ...и да, многие поехали и были очень довольны. Меня «спасла» моя малярная станция. Но поехавшие были довольны. Приехали здоровые ... кормили их там хорошо. Но никаких документов им так и не дали. «Получите в конце войны». На этом всё и закончилось.

— А где была эта фельдшерская школа, которую вы упомянули?

— На Львовской улице⁹⁴, где-то недалеко от Львовской площади.

— Туда вы тоже ходили пешком?

— Да. В то время это казалось близко ... А еще мы каждый день ходили в парк к Днепру. Мы жили с Днепром, как будто это часть нашей жизни!..

— На пляжи ходили летом? Купались?

— Да. Я не только ходила — я переплывала Днепр! Могла переплыть Днепр за один день два раза. Потому что на моторную лодку нужно было стоять в очереди. Так я надену купальный костюм, сверху юбку, кофту ... потом одежду отдам кому-нибудь, и, пока они стоят в очереди, я доплываю. Только сносило течением, конечно.

— Интересно. В центре Киева Днепр теперь не переплывешь: катера, большое движение ...

— О, я один раз чуть не попала под пароход, а один раз под парусную лодку ...

— То есть пароходы по Днепру тогда ходили?

— Какие-то ходили ...

— Но переправы через Днепр на пароходах не было?

— Нет, не было.

— Согласно документам осени 1941 года, планировали организовать переправу через Днепр речными трамваями (видимо, уже на весну, на следующую навигацию). Но летом 1942 года вы такого не помните?

— Не могу ручаться, во всяком случае, я такой переправой не пользовалась.

* * *

В начале 1930-х годов Константин Штеппа с семьей переехал с Левашовской, 1 на Короленко (нынешняя Владимирская), 37,

⁹⁴ В советское время — улица Артема, сейчас — Сечевых стрельцов.

кв. 12А⁹⁵. По этому же адресу семья продолжала жить и в то время, когда Штеппа был в заключении⁹⁶, и в начале немецкой оккупации.

Через некоторое время Штеппа получил квартиру в так называемом «доме Мороза» (иногда неправильно говорят «доме Морозова») — доходном доме, сооруженном в 1910–1912 годах и до революции принадлежавшем купцу 1-й гильдии Берко Морозу⁹⁷, по адресу Владимирская, 61/11 (или Толстого, 11/61), по диагонали через перекресток от главного корпуса Киевского университета («красного корпуса»).

Одного аспекта отношений между Штеппой и немецкими властями я не коснулся во время интервью — из этических соображений.

Не позднее сентября 1942 года⁹⁸ (а скорее всего, существенно раньше — осенью 1941 года, когда он был назначен ректором университета и редактором городской газеты) Константин Штеппа подписал обязательство о сотрудничестве с СД и полицией безопасности (SiPo)⁹⁹. (До нас этот документ дошел в виде фотографии. Теоретически можно предположить, что почерк и подпись Штеппы на нем подделаны, но это представляется маловероятным. Сравнение, хотя и непрофессиональное, почерка на этом документе с почерком на анкете и автобиографии Штеппы¹⁰⁰, а так-

⁹⁵ Согласно И. Вербе и М. Самофалову, Штеппа с семьей поселился в академической квартире по адресу ул. Короленко (нынешняя Владимирская), 37, кв. 12А, в которой ранее жил незадолго до этого арестованный личный секретарь М. Грушевского Ф. Савченко (*Верба І. В., Самофалов М. О.* Историк Кость Штеппа ... С. 77). Этот же адрес — Короленко, 37, кв. 12А — указан в анкете арестованного от 20 марта 1938 года (ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 49863-ФП. Л. 11). Сам Штеппа пишет: «Когда-то я должен был занять квартиру в доме, где до меня некоторое время жил известный историк, коммунист Матфей Иванович Яворский. А до него там же жил другой историк, Гермайзе, не коммунист. Гермайзе судили как заговорщика и националиста <...> Яворский оказался тоже националистом, нашлось у него что-то в прошлом». Иосиф Юрьевич Гермайзе (1892–1958) был арестован 27 апреля 1929 года (*Блюкiнь С. І.* Масовий терор ... С. 349). Матвей Иванович Яворский (1885–1937) в 1930 году выехал за пределы Украины и был арестован в марте 1931 года в Ленинграде (*Енциклопедія історії України*. Т. 10. Київ: Наукова думка, 2013. С. 719). Далее Штеппа упоминает, что встретил на улице Грушевского и поделился с ним сомнениями — вселяться ли в эту «роковую» квартиру. Грушевский в марте 1931 года переехал в Москву; следовательно, Штеппа, вероятно, въехал в эту квартиру в начале 1931 года.

⁹⁶ ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 49863-ФП. Л. 190–190 об.

⁹⁷ *Третьяков А. П.* Киевские купцы. Киев: ЛАТ & К, 2020. С. 486.

⁹⁸ ЦГАВО Украины. Ф. 4628. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁹⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰⁰ ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 12. Д. 8785. Л. 1–8.

же на его заявлении, написанном в тюрьме в 1939 году¹⁰¹ — относительно которых не может быть сомнений, что они написаны им собственноручно — не обнаруживает заметных различий.)

В этом документе Штеппа берет на себя, под страхом «сурового наказания», обязательство «действовать только в интересах Великого Германского Рейха» и «тайно сообщать обо всем, что мне станет известно, что я услышу, увижу или иным образом узнаю, касающееся враждебной пропаганды и вредоносной работы против Великой Германии».

Кроме того, в дальнейшем он заявил в беседе с неким штурмбаннфюрером СС, что «настолько привык к Германии и к работе с немцами, что хотел бы также “полностью взойти до немецкости”» [völlig im Deutschtum aufgehen]¹⁰². (Он и его семья получили немецкое гражданство, когда они уже жили в Германии¹⁰³.)

— А жили вы в то время там же, на Владимирской (Короленко)?

— Мы жили на Короленко, пока не переехали в другую квартиру. Новая квартира была лучше. В старой у нас была только одна комната. А потом, не знаю, каким образом, но мы поселились вместе с Багазием¹⁰⁴, на одной площадке...

— Где это было, на какой улице?

— В доме Мороза.

— На углу Владимирской и Толстого?

— Да, напротив университета.

— Прекрасно знаю этот дом. В Киеве я живу в двух кварталах отсюда — на Никольско-Ботанической, у Ботанического сада...

— В Ботанический сад мы ходили на лыжах кататься...

— Когда приблизительно вы туда переехали?

— Не помню. Уезжали мы уже отсюда, из дома Мороза. Переехали, наверно, в конце 1942-го¹⁰⁵...

— То есть уже во время оккупации.

¹⁰¹ ОГА СБУ. Ф. 6. Д. 49863-ФП. Л. 186–186об.

¹⁰² ЦГАВО Украины. Ф. 4628. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹⁰³ Штеппа Э. Из воспоминаний // Под немцами ... С. 247.

¹⁰⁴ Владимир Пантелеймонович Багазий (1902–1942?) — второй (после А. А. Оглобина) бургомистр Киева периода немецкой оккупации, с ноября 1941 по февраль 1942 года. Был арестован СД и предположительно расстрелян в Бабьем Яре.

¹⁰⁵ По всей видимости, существенно раньше. Вышеупомянутый Владимир Багазий был арестован 19 февраля 1942 года (см. Кучерук О. В. Володимир Багазий і Київ 1941–1942 років. <https://archive.is/20130702104836/kmoun.info/news/>

— Да. В той квартире до этого тоже жило несколько людей. Но я знаю, что папа сказал: «Что ж, там всё равно никто не живет» ... Ему всю жизнь обещали дать квартиру, и у нас тоже были с квартирой неприятности ...

— То есть эта квартира, в доме Мороза — это, конечно, была чья-то квартира, из тех, кто уехал, или ...

— Там было, наверно, несколько людей, да ... У нас была квартира на Короленко, 37 — это была одна большая комната. В этой квартире был зал. Три окна и балкон. Его разделили деревянными перегородками и сделали нам три комнаты. Первая была папина комната, его книжный шкаф, диван, письменный стол, тумбочка какая-то, дальше перегородка; за перегородкой было у нас нечто вроде столовой, буфет ... Потом я в какой-то газете читала, что у него была «замечательная квартира» ...

— ... а эта «замечательная квартира» — это был зал, разгороженный перегородкой?

— Да. А вот еще до оккупации какой-то студент написал статью «Диоген в бочке». И вот там он описал, как папа с семьей ... Нет, это была красивая комната, там были такие потолки ... Но вот когда установили перегородки, то вся эта «красота» [исчезла] ...

— Как вы проводили свободное время?

— Напротив дома был Николаевский садик, он же Шевченковский. Приходили мои подружки, мы ходили в этот садик с ними, сидели. Какие-то компании в садике бывали, приходили несколько человек, мальчики, девочки, посидели, поговорили, ничего особенно делать нельзя было ...

— Если бы собралась большая группа, то на это бы сразу обратили внимание?

— Нет, больших групп там не было.

— В 70-е годы в этом садике собирались — и сейчас собираются — шахматисты. Тогда такого не было?

— Нет, не было.

— После того, как немецкая армия прошла через Киев — скажем, в 1942 году — немецких военных в Киеве было много? Часто они вам встречались?

— Нет, много не было. Если бывали облавы на базаре, то базар окружали военные ...

view/612. html); следовательно, на тот момент Штеппа с семьей уже должны были некоторое время жить по соседству с ним.

— ...но это могли быть военные, которые не базировались в Киеве?

— Да, могли приезжать... С другой стороны, вечером, когда шли на прогулки, то видели — много девочек ходили с офицерами...

— ...крутили романы?

— ...романы, да.

— Кто в таком случае были те немцы, для которых работали трамваи, кинотеатры и т. п., которые были «nur für deutsche»? Больше гражданские, чем военные?

— Нет, все-таки военные.

— То есть, хотя их было мало, но трамваи, магазины, кинотеатры работали для них, даже для этого малого количества?

— Да... впрочем, точно не знаю.

— Вы и ваша семья заходить в эти заведения, пользоваться трамваями и не пытались?

— Нет, не пытались. Мы ходили пешком, и это несколько не было затруднительно.

— То есть на трамваях вы вообще ни разу за всю оккупацию не ездили?

— По-моему, нет. Я такого не помню.

— А то, что ваш отец имел немецкие корни — это как-то признавалось? Или этих немецких корней было слишком мало, чтобы он считался фольксдойче?

— Фольксдойче он никогда не был¹⁰⁶. Он не записался, даже не регистрировался, ничего... И когда он был редактором украинской газеты, никаких преимуществ мы от этого не получали.

— А вы знаете, кто принял решение о назначении его редактором этой газеты?

— Наверно, генералкомиссариат. Они убрали Рогача... просто их вывезли, и всё. Может, в этом участвовал кто-то из этой украинской полиции...

— ...но решение это принималось не на уровне городских властей? Решали немцы?

— Да, решали немцы. Наши, украинцы, ничего не могли решать.

— Будучи редактором, ваш отец каждый день ходил на работу, в редакцию?

¹⁰⁶ В свете вышесказанного и с учетом немецкого происхождения предков Штеповы, это утверждение следует поставить под сомнение.

— Да, да. И мы с Эриком иногда ходили туда, посмотреть, что там делается.

— А где была редакция ?

— Там, где [до войны] была редакция «Коммуниста». Убейте меня, если бы я вам сказала, как туда дойти... Но помню, что надо было пройти через Ботанический сад... и куда-то дальше¹⁰⁷. Папа ходил всегда пешком, ему никто никакой машины никогда не давал.

— Если это было в центре, то это было не очень далеко...

— Да. А единственный раз я ездила на машине на свою собственную свадьбу, 15 мая 1943 года. Я бы не вышла замуж... не то чтобы я не любила своего мужа, но мне бы родители не разрешили... но в Германию забирали одиноких девушек, а кто был замужем, тех оставляли. Потому родители согласились.

— Ваш муж тоже был киевлянин?

— Да.

— Ваш отец, насколько я понимаю, был хорошо знаком с Александром Оглоблиным (наверно, и вы его знали)?

— Да, да. Я его с детства знала. В Нью-Йорке папа с ним не встречался, мы перестали с ним общаться. До этого — дружили. Они к нам приходили. У него был мальчик Дима, немножко старше меня, года на два. У меня с ним были хорошие отношения, мы играли в шашки, шахматы...

— После Оглоблина городским головой стал Багазий. Ваш отец тоже, насколько я знаю, с ним общался, поддерживал какие-то отношения... Вот его потом расстреляли немцы.

— Багазия? Расстреляли немцы?

— Да, насколько я знаю из литературы. Доподлинно это неизвестно, но, видимо, его арестовали, и, по одной из версий, расстреляли в Бабьем Яре.

— Не знаю... Мы жили на одной площадке. Наша квартира напротив его квартиры¹⁰⁸. Я тоже была одно время дружна с его сы-

¹⁰⁷ Редакция газеты «Нове українське слово» располагалась по адресу Бульварно-Кудрявская, 24. Чтобы попасть туда пешком от дома Мороза кратчайшим путем, действительно нужно пересечь Ботанический сад. Длина этого маршрута — немногим более двух километров.

¹⁰⁸ Это утверждение несколько сомнительно. В обязательстве о сотрудничестве с СД Штеппа приводит свой адрес — Караваевская, 11, кв. 30 (см. ЦГАВО Украины. Ф. 4628. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). По сведениям Александра Кучерука, адрес Владимира Багазия — Толстого (то же, что Караваевская), 11, кв. 13 (см. Кучерук А. Володимир Багазій — голова міської управи м. Києва 1941–1942 рр. // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали Всеукраїнської науко-

ном... забыла, как его звали¹⁰⁹... мы виделись в каком-то медицинском институте, но потом я перестала туда ходить. А Багазия я хорошо знаю [sic], потому что он был директором лагеря... последний мой лагерь, до войны...

— Пионерский лагерь?

— Да, пионерский лагерь. В Пуще-Водице. Лагерь 20-й школы. Там был какой-то папин знакомый... и там мы очень часто с этим Багазием сидели на дровах и разговаривали... по-моему, по-украински. О том, что его расстреляли, я не знаю.

— Доподлинно это не известно, но официальная версия такая. А вы общались с ним уже во время оккупации, когда он был городским головой?

— Да! Именно тогда мы и были соседями. Мама и папа не особенно с ним дружили. Но я... так и не могу вспомнить, как мальчишка звали... было ему тогда семнадцать лет, мы с ним ходили иногда на танцульки или что-нибудь такое.

— Когда вы переехали в дом Мороза, вы должны были получить какое-то разрешение на переезд? От немцев?

— О да, да. Городская управа выдавала ордер.

— Багазий тогда ведь и был городским головой. То, что вы его знали, то, что он был вашим соседом, как-то упростило получение этого самого ордера?

— Да никак. Папа с ним не дружил. Это я с ним дружила. Больше даже с его сыном... Это случайно получилось, что мы оказались на одном этаже.

— А когда Багазий исчез, вы заметили?

— Нет, не помню этого. Мы с ним регулярно не общались. Вот до войны, в лагере... Когда мы были в лагере, папа туда приезжал, и они разговаривали между собой. Но о чем они разговаривали, я не знаю.

— У вас есть какое-нибудь представление: когда Багазий был городским головой (мэром, как говорят сейчас), он пользовался какой-то самостоятельностью, или он в основном всё делал под указку немцев, должен был сверять каждый свой шаг с немцами? Вообще, какие были взаимоотношения немецких оккупационных властей и городских властей?

вої конференції. — Київ : Сфера, 2005. С. 194). Впрочем, нельзя исключить, что кто-то из них в какой-то момент мог переехать в другую квартиру в том же доме.

¹⁰⁹ По всей видимости, имеется в виду сын Владимира Багазия Игорь, 1922 г. р. См. Кучерук О. В. Володимир Багазій і Київ 1941–1942 років. <https://archive.is/20130702104836/kmoun.info/news/view/612.html>.

— Я вам скажу: после того, как убрали Рогача и всю его «команду», отношения сделались хуже. Эти украинцы перестали занимать какие-либо должности. Немцы стали больше ориентироваться на местных людей, которым они больше доверяли. Этим галичанам больше не доверяли. Потому что люди их невзлюбили.

— С другой стороны, немцам, вообще говоря, наверно, было не очень много дела до того, что там думает местное население? Или они все-таки боялись беспорядков?

— Этого я не знаю... Боялись?.. Нет, беспорядков не могло быть. Беспорядков бы никаких не было. Вот эту девочку из Нежина, о которой я говорила... она знала, просила папу, и папа где-то там ее водил... ничего не помогло. Она уехала, он не мог ее освободить.

— Я когда-то видел такой документ¹¹⁰: управление киевского трамвая попросило Оглоблина о помощи по каким-то хозяйственным делам. Оглоблин передал это обращение немецкому штабт-комиссару Муссу — был такой. Судя по этому, была городская власть, но немцы были над всем этим...

— О, да!

— ...и все шаги нужно было согласовывать с немцами, что-то просить у немцев... Так оно и было?

— Так и было, да.

— То есть, скажем, тот же Багазий... любые решения, которые он принимал, должны были каким-то образом согласовываться с немцами?

— Да. Было даже у папы иногда такое — он приходил, говорил: вот, мол, принесли мне эту статью, от генерал-губернатора, или откуда там, и я должен ее печатать, хочешь не хочешь...

— В «Новом украинском слове», да?

— Да, в «Новом украинском слове». Иногда попадались такие статьи...

— ...которые он не хотел бы печатать, но куда не денешься?..

— ...но этих он не мог контролировать. Они не всегда приносили. Иногда. Когда они хотели какую-то идею провести...

— Тогда же, в декабре 1941 года, в Киеве стала издаваться газета на русском языке («Последние новости»). Ваш отец потом был ее главным редактором. А вначале редактором был Лев Дудин. Как вам кажется, создание этой газеты было в рамках нормализации отношения к русскому языку?

¹¹⁰ ГАКО. Ф. Р-2412. Оп. 2. Д. 246. Л. 22–24.

— Да. Печатали по-русски. Но они нигде против украинцев ничего не сказали... Ну, может быть, кто-нибудь что-нибудь сказал...

— Просто я так понимаю, что вполне естественно было в Киеве иметь газету на русском языке, потому что ведь большинство Киева говорило по-русски?

— Да. Но все-таки большинство читали это самое «Новое украинское слово». Потому что там больше было сведений. А «Последние новости» — да... я и Лёву, и Юру очень хорошо знала. С ними были хорошие отношения. Юра, младший брат Лёвы Дудина, здесь¹¹¹ уже преподавал в каком-то университете русский язык, но потом спился... Мама Лёвы Дудина — папа сказал, она, кажется, английский язык преподавала в университете, так что он ее знал еще оттуда. А отец у них был... лишенцем. Знаете, были еще такие в то время? Дядя моей мамы тоже был из них. Их не принимали ни на какую работу... и он вот так болтался. Но он был интеллигентный человек...

— Но все-таки помимо вот этих статей — сейчас бы их назвали «заказные статьи», которые приносили и приказывали опубликовать — помимо них, какая-то свобода у вашего отца, как у редактора газеты, была? Он мог сам подбирать материалы, выбирать, что публиковать, что нет?

— Ну да.

— Но, наверно, всё это просматривалось цензурой, да?

— Наверно, просматривалось. Но не так, чтобы... Иногда приносили что-то: «вот это напечатать». И здесь он уже не мог спорить. А другие...

— После Багазия городским головой стал Форостовский¹¹². Вы точно не знаете, с чем реально (если не декларативно) была связана замена? Почему Багазия убрали?

— С Багазием, как я сказала, была в личных отношениях... О Форостовском я знаю, что он был коммунистом. Занимал какую-то важную должность. Потому что он жил в одном доме с моим «бойфрендом», мальчиком, с которым я дружила...

¹¹¹ Т. е. в США.

¹¹² Леонтий Иванович Форостовский (1896–1974) — третий и последний, после Оглобина и Багазия, бургомистр Киева в период немецкой оккупации. «Ушел с немцами», как и Штеппа; впоследствии эмигрировал в Аргентину, где в 1952 году издал книгу «Київ під ворожими окупаціями», позднее переехал в США, где и скончался.

— По какому адресу?
— Адрес забыла... Много лет прошло...
— Где-то в центре? Или на Липках, может быть? На Печерске?
— Нет-нет. В центре.
— То есть вы Форостовского лично знали?
— Я лично его не знала. Только знала, что он живет в этом доме. И что он занимал какое-то положение. Где-то там в мясном¹¹³... не знаю...
— В советское время?
— Да, в советское время. А Багазий был директором этой 20-й школы¹¹⁴. Это я точно знаю...
— Где эта школа была?
— Этого я не знаю. Потому что мы в лагере были от этой школы. Каким-то образом, у папы какие-то знакомые были, и они меня устроили в этот лагерь.
— Я читал, что Багазий в какой-то момент, чуть ли не прямо перед войной, был аспирантом. Он же был историком?
— Да, он был. Но он был украинцем. Он говорил по-украински. Это были такие, как вот Петровский... они держали украинский язык. А потом, видите, что происходило... Менялись всё время эти комиссары¹¹⁵... Был Скрипник¹¹⁶... Одно время они как-то собирали всех украинских националистов... потом те занимали какие-то позиции... а потом их всех вместе уничтожали. Видимо, не любили... не знаю. Папа политически с этим не был связан никак. У него было много друзей еврейского происхождения. Вот они говорили по-русски, потому что украинского языка не любили. А когда мы были у бабушки в гостях... дедушка был до последнего дня своей жизни священником в таком селе Белоград (?). Замечательное село. Красивое, лето было хорошее... Ну а потом всё это кон-

¹¹³ До оккупации Киева Форостовский работал директором магазина № 1 Киевской областной торговой конторы «Главрыбсбыт».

¹¹⁴ Школа № 20 в 1940 году находилась по адресу Красная (ныне Контрактная) пл., 12 (см. Список абонентів київської телефонної сітки А. Т. С. за станом на 1/V 1940. Київ: Видання дирекції київських телефонних станцій. 1940. С. 183). По сведениям Александра Кучерука, Багазий перед войной преподавал украинский и русский языки в еврейской школе № 109 (см. *Кучерук О. В.* Володимир Багазий і Київ 1941–1942 років. <https://archive.is/20130702104836/kmoun.info/news/view/612.html>), по адресу Миллионная (Панаса Мирного), 20.

¹¹⁵ Очевидно, народные комиссары, т. е. члены правительства.

¹¹⁶ Скрипник Николай Алексеевич (1872–1933) — нарком образования Украины (1927–1933). Известен своим вкладом в «большевистскую украинизацию».

чилось... Вот там да — вот там говорили по-украински. В сёлах больше был украинский язык.

Осенью 1943 года стало практически ясно, что отступление немецкой армии из Киева — вопрос времени. И если «простым» людям не оставалось ничего делать, кроме как готовиться к обратной смене власти и надеяться на лучшее, то для людей уровня Штеппы было очевидно, что возвращение советской власти будет для них означать как минимум арест и длительное заключение. Так появилась категория людей, которые, по популярному выражению, «ушли с немцами».

Штеппа с семьёй прожил некоторое время в Германии, прежде чем обосноваться в США.

— Перейдем к уходу немцев из Киева. Когда примерно стало ясно, что немцам Киева не удержать? Летом, осенью?

— Очень поздно. Люди до последнего верили, что немцы Киева не отдадут. Многие остались — я не знаю судьбы этих людей, но боюсь, что они тоже пострадали.

— Да, клеймо человека, «бывшего на оккупированной территории», как известно, было нехорошей вещью... А ваш отец понимал, что оставаться и ждать прихода Красной армии ему нежелательно?

— Да, оставаться — об этом не было и речи. Но что немцы оставят Киев, он не верил. Да, был Сталинград, но... С Киевом, конечно, было хуже. Не могу себе даже представить, что в Киеве произошло, когда пришли наши...

— Чтобы вам уехать из Киева, нужно было получать какое-то разрешение от немецких властей? Как это работало?

— О разрешении точно не знаю. Кто был к немцам лоялен, тем они помогли. Нельзя сказать, что они всех «оставили»... Нас посадили в какой-то вагон с немецким вооружением. Это было в сентябре 1943 года.

— Но освободили Киев только 6 ноября. То есть уже за пару месяцев до того было, в общем, ясно, что немцы из Киева уйдут?

— Некоторые все-таки надеялись, что Киев останется под немцами. Думали, что будет Россия, а отдельно будет Украина. И вот, идешь по улице, встречаешь кого-то из знакомых, спрашиваешь: «Ну что, уезжаешь?» — «Нет, чего я буду уезжать!» Не знаю, кто из них потом остался в живых, кто погиб...

— Расскажите, пожалуйста, подробнее об отъезде вашего брата в Германию¹¹⁷.

— У него энтузиазм был очень большой. Мама моя очень не хотела, папа тоже считал, что нужно подождать — но он рвался...

— ... как вам кажется — потому, что он поддался на пропаганду или потому, что на контрасте с советским режимом немецкий казался чуть ли не избавлением?

— Ни то, ни другое. Наш дедушка был немецкого происхождения. И к нам приходила немка, старушка, которая учила нас немецкому языку. Она читала нам сказки братьев Гримм по-немецки и потом задавала по ним вопросы, мы отвечали... Иногда было немножко грамматики. И, конечно, интерес к немецкому был...

— ... к немецкой культуре?

— Да, к немецкой культуре. И тут такая возможность! Для него в этом не было совершенно никакой «политики».

— Понятно. То есть это никак не было связано ни с войной, ни с советским строем?

— Нет. Он 1925 года рождения. В 1941 году он даже не подлежал мобилизации. Первую мобилизацию объявили — с шестнадцати лет. А он родился в октябре. Еще мама ходила в военкомат и показала его документы, о том, что он еще пятнадцатилетний...

— Еще до начала оккупации?

— Да, перед самым концом [советской власти]. Папу моего забрали... Других мальчиков позабирали, но потом вернули, очень скоро. Это было совершенное чудо! Когда мы с моим приятелем Володей¹¹⁸ попрощались, я думала, что это уже на всю жизнь. А потом... я смотрю в окно... трамвай идет мимо нашего дома (тогда еще по Владимирской ходили трамваи) ... и он выходит из трамвая!

Последний фрагмент интервью не касался жизни Константина Штеппы в оккупации, но затронул актуальную и сегодня тему — национальной идентичности, распада СССР и «имперских взглядов».

¹¹⁷ Штеппа Э. Из воспоминаний // Под немцами... С. 233–247.

¹¹⁸ Речь, по-видимому, о Владимире Полуботько, которого упоминает в своих воспоминаниях Эразм Штеппа. См. Штеппа Э. Из воспоминаний // Под немцами... С. 211.

— В современной Украине встречается мнение о том, что после войны ваш отец придерживался «российско-имперских взглядов». Это, конечно, говорится с украинской точки зрения...

— Да, это понятно.

— ...согласно которой всё, что допускает даже малейшую мысль о несуществовании украинского государства, автоматически зачисляется в «российско-имперские взгляды». Как бы вы могли это прокомментировать?

— Даже не знаю, как это можно прокомментировать. Если он не за отдельное существование Украины и России, значит, он враг?.. По-моему, «имперские взгляды» — это преувеличение. Он ничего не имел против Украины. Наоборот!..

— Но украинским националистом он не был?

— Нет! Не был. О том, чтобы отделить Украину от России, он не думал.

— Если пофантазировать — представить себе, что ваш отец был бы жив в 1991 году, когда распался Советский Союз: как вам кажется, как бы он к этому отнесся?

— Он получил бы разрыв сердца. Я не думаю, что он поверил бы, что это возможно!..

— ...возможно, что распадется СССР?

— Да. Я вам скажу откровенно, что и я в это не верю на сто процентов...

— Вы упредили мой следующий вопрос: я хотел вас спросить, как вы к этому отнеслись (без «бы», в реальности).

— Я люблю украинцев и всё украинское. Но я не вижу такой большой разницы между Украиной и Россией, чтобы... чтобы воевать?!

— До войны, к счастью, не дошло. Только до, так сказать, словесной войны, до газовых проблем...

— Да, обвиняют друг друга бог знает в чем!¹¹⁹

Итак, в начале войны у Константина Штеппы был выбор — переходить или не переходить на сторону немцев. Его прежние отношения с Советской властью («темное пятно» в его биографии, восходящее к Гражданской войне, и тем более память о тюремном

¹¹⁹ Напомним, что разговор происходил в феврале 2012 года.

заключении в 1938–1939 годах) только обострились в первые месяцы войны, с угрозой нового ареста. Поэтому в 1941 году он сделал, казалось бы, очевидный выбор. Однако первоначальный энтузиазм быстро улетучился. По словам его дочери, разочарование Штеппы в новых «хозяевах» было быстрым и окончательным — как и у подавляющего большинства украинцев. Несмотря на это, он подписал обязательство о сотрудничестве с СД/SiPo, которое затем выполнил, заявив при этом, что он «привык к Германии и к работе с немцами».

Как бы то ни было, он, по-видимому, не смог извлечь из своего сотрудничества большой пользы, кроме улучшения своих жилищных условий (но в этом отношении он был скорее «одним из многих», чем «одним из немногих», учитывая, сколько киевлян было эвакуировано и сколько ушло в Бабий Яр). Конечно, его семья жила лучше, чем средний гражданин; тем не менее, учитывая, в частности, их продовольственную ситуацию, они, насколько можно судить, «боролись за выживание». Но, учитывая его высокий статус, в 1943 году, когда вопрос «Остаться или уйти?» снова возник, выбора по сути уже не было: еще одна смена лояльности могла стоить ему жизни. Решение «уйти с немцами» в сентябре 1943 года было единственно возможным вариантом для него и его семьи.

М. А. Колеров

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ВРАГ ВЗЯЛ МОСКВУ? СУРСКИЙ РУБЕЖ НА ЗАЩИТЕ «ВТОРОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЦЕНТРА» СССР. ТЕЗИСЫ¹

Необходимо поместить Сурский рубеж в общий план стратегии Советского Союза в Великой Отечественной войне и реальных событий октября 1941-го года, когда принималось решение о создании Сурского оборонительного рубежа и затем начиналось его строительство в самых трудных, экстремальных погодных и бытовых условиях.

Мы хорошо знаем, что в самые трудные дни битвы под Москвой, когда гитлеровцы вплотную подошли к столице, в ключевые дни 14, 15, 16 октября 1941-го года остро стоял вопрос об эвакуации союзных органов власти из Москвы. И значительная часть центральных органов власти эвакуировалась в Куйбышев, а также в Казань и далее. Поэтому мы, при всём нашем глубочайшем уважении к подвигу нашего народа, должны постоянно задавать себе вопросы: какова была стратегия СССР на случай утраты Москвы, на какой тыл должна была опираться наша страна на пути к безаль-

¹ Выступление на научной конференции в Москве «Память народного подвига: тыл СССР и Сурский рубеж, 1941–1942 гг.» 30 сентября 2021 г. (<https://regnum.ru/article/3398835>). См. также публикации настоящего издания на эту тему: *Николаева Н.* Сурский рубеж, Казанский обвод и план обороны Чебоксар в Чувашии в 1942 году: карты // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 5. М., 2018; *Николаева Н.* За пределами сил. Неизвестное о Сурском рубеже. Как возводилась линия обороны в Советской Чувашии в 1941–1942 гг. // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 9. М., 2019.

тернативной Победе, какие дополнительные внешние угрозы возникли для нас, то есть насколько велик был риск, что в случае падения Москвы в войну против СССР вступят Япония на Дальнем Востоке и Турция в Закавказье? Что значила бы для судьбы нашей страны утрата Москвы в 1941–1942 году?

Конечно, мы отдаём себе отчёт в том, что окружённая с востока предположительно через подмосковный Ногинск Москва сопротивлялась бы, безусловно, не хуже Сталинграда, очень долго, и врагу это сопротивление Москвы стоило бы очень дорого. Но и нам это стоило бы почти катастрофы. Не говоря уже о страшном психологическом ударе этого для всей страны, утрата Москвы, утрата её как столичного и коммуникационного центра означала бы, в первую очередь, с военной точки зрения, прямую и серьёзную угрозу резервной столице — городу Куйбышев (ныне — Самара). Поэтому Сурский оборонительный рубеж имел своей приоритетной задачей защиту именно тыловой столицы. На карте фронтов декабря 1941-го года хорошо видна эта прямая линия угрозы. Центральное звено этой обороны — Чебоксары, Чувашия (Чувашская АССР). Чебоксары находятся на географической прямой линии угрозы в направлении Казани, а затем на Ульяновск и Куйбышев.

Естественно, надо понимать и исследовать степень изученности этого вопроса. И здесь нас ждут неожиданные открытия: даже выдающийся, очень знающий специалист Виктор Николаевич Земсков, историк принудительного труда, трудовых мобилизаций, ГУЛАГа, плена, потерь, непосредственно перед своей кончиной в 2015 году успел опубликовать обзорное исследование об оборонительных рубежах СССР по всей линии советско-германского фронта в 1941–1942 годах. Это детальное описание оборонительной линии к западу и северу от Москвы: Ленинград — Ржев — Вязьма — дальше на восток Селигерский оборонительный рубеж — потенциально Ярославский рубеж (добавим от себя: и фрагментарные узлы обороны Владимира и Иванова). С стороны, к югу от Москвы в 1942 году принципиальным стало сооружение обороны Сталинграда, которое стало острой, кричащей необходимостью после нашего поражения под Харьковом, когда открылось пространство для тяжелого наступления врага прямо на Волгу и далее на Каспий и Баку. В этом общем плане строительства к востоку от Москвы В. Н. Земсков упоминает и Сурский оборонительный рубеж, но только упоминает, букваль-

но одним словом. Он ничего не знает о нём. Но если мы смотрим на систему оборонительных рубежей в декабре 1941 года, то эта центральная часть уже строящегося Сурского рубежа — находится на расстоянии прямого удара ровно сразу за Москвой. На случай утраты Москвы, когда самой главной проблемой должна была стать защита нового политического и экономического центра СССР, который историографически можно называть «вторым индустриальным центром» СССР. Именно его пределы и должен был защищать Сурский рубеж.

Уже после кончины В. Н. Земскова в нашей литературе стали появляться региональные, частичные или краеведческие сведения, исследования о строительстве оборонительных узлов, укрепрайонов вокруг Иваново и Владимира, важнейших участков Сурского рубежа вне Чувашии и Чебоксар: в Горьковской (ныне Нижегородской) области, Пензенской области и других сопряжённых с ними регионов — Мордовии (Мордовской АССР), Татарии (Татарской АССР), Марийской республики (АССР). Всё это уже сейчас даёт хорошую основу для создания единой истории Сурского оборонительного рубежа и Казанского обвода. Осталось лишь принципиально поместить Сурский рубеж на стратегическую карту войны.

Мы понимаем, что само по себе строительство Сурского рубежа, конечно же, не было гарантией того, что он выдержит удар гитлеровской армии, взявшей Москву. Когда крупное судно тонет в море, оно создает вокруг себя воронку, куда всасывается всё окружающее. Есть подозрение, опасение, что окружение Москвы, так же, как окружение и пленение наших сотен тысяч солдат под Харьковом, которое в итоге довело фашистов до Сталинграда, создало бы такую же «стратегическую воронку» и восточней Москвы. Такая же брешь во фронте, который на юге откатился до Сталинграда, здесь, вокруг Москвы, конечно, представляла бы огромную угрозу для строящегося и уже в январе 1942 года очень вовремя законченного Сурского рубежа. Но никто из нас не может быть уверен, даже, скорее всего, мы можем с уверенностью опасаться того, что нашей Красной Армии было бы очень трудно противостоять этому удару врага и массовому отступлению наших сил.

Какие важные вопросы мы, как исследователи и как люди, должны себе задавать в рассмотрении возможного сценария стратегических последствий падения или окружения Москвы?

Весной 1942 года, когда успешное контрнаступление Красной армии под Москвой отодвинуло фронт чуть-чуть дальше на Запад, работы на Сурском рубеже были прекращены, а новый провал фронта под Харьковом развивал наступление врага уже южнее. Но военно-строительные и бюрократические системы управления рубежами были сохранены. Это значит, что сама нужда в защите стратегического тыла (то есть — и понимание потенциальной стратегической угрозы ему) сохранялась. В этом и состоит главный, второй, вопрос — стратегический, кроме технического, кроме военно-строительного. По моему глубокому убеждению, эвакуация промышленности из Центра СССР, которая и составила в очень значительной степени упомянутый «второй индустриальный центр», дала производственные результаты только в мае 1942 года. Для справки: задача создания «второго индустриального центра» СССР была впервые поставлена его руководством уже в 1925-м году, одновременно с курсом Коммунистической партии на индустриализацию. Но сила партийного влияния, партийного лоббизма Ленинграда — крупнейшего военно-промышленного центра, Украины (Украинской ССР) — как южного ресурсного центра, была неподъёмна, непреодолима для Сталина. Он писал Кагановичу на рубеже 1920-х и 1930-х годов: нам нужно соединить уральскую промышленность с угольным Кузбассом, нам нужно построить железную дорогу, мы не можем нигде взять рельсов, отнять их у украинского Донбасса. Потому что промышленный лоббизм, приоритет в промышленном планировании всегда был у украинской партийной организации и у ленинградской партийной организации. Переломить их волю столица СССР Москва не смогла. Индустриализацию начала 1930-х годов можно рассматривать лишь как основу «второго индустриального центра». Только эвакуация 1941–1942 годов реально создала этот второй индустриальный центр. По состоянию на 1941-й год до 75% ВПК СССР находились в Ленинграде, абсолютно угрожаемое положение которого было реализовано тут же в 1941 году в ходе блокады города Гитлером и Маннергеймом.

При этом хорошо понимаемая, произнесенная с самых высоких союзных партийных трибун угроза агрессии с Запада всегда называла её ближайшие цели — Ленинград и Украина. «Второй индустриальный центр» был жизненно необходим, но он так и не был создан до конца перед войной. А закончила его создание эвакуация промышленности в 1941–1942 годах.

Это значит, что окружение и падение Москвы даже при уже построенном Сурском рубеже не имело бы главного: рубеж есть — а «второго индустриального центра» ещё нет. На чём строить оборону дальше? Это первый вопрос — научный. Нападут ли после падения Москвы на СССР — с востока Япония, а с юга Турция? Мог ли Китай удерживать Японию от агрессии против СССР в случае падения Москвы?

Это и есть настоящий, подлинный, исторический и народный контекст для строительства Сурского рубежа. Строить рубеж на случай падения Москвы и не думать, как мы будем жить и бороться после падения Москвы, сопротивляться и побеждать, нельзя. Советский человек 1920-1930-1940-х годов прекрасно знал место СССР на глобусе и хорошо понимал, что означает падение Москвы.

Тот факт, что в декабре 1942 года на пике своего продвижения вглубь территории СССР враг дошёл до Сталинграда, не мог не оживить в сознании стратегического руководства страны значение Сурского рубежа. В это время «второй индустриальный центр» СССР уже работал. Но в новых условиях. Исследователи знают, что вплоть до послевоенного времени в Советском Союзе не существовало единой системы ПВО. А ПВО страны, находившаяся, кстати, в системе НКВД, называлось МПВО — местная противовоздушная оборона. Гитлер рисовал план нападения на СССР, план «Барбаросса», до вертикальной известной линии — от Архангельска до Астрахани. Поэтому и столица эвакуировалась в Куйбышев, но не дальше: её при линии фронта по состоянию на начало 1942 года не достигали гитлеровские бомбардировщики. А когда фронт сдвинулся до Сталинграда, как минимум, часть «второго индустриального центра» была уже досягаема для авиации врага.

И в этой картине опять как принципиальное, центральное место, закладной камень, — возникал Сурский рубеж — жив ли он, выдержит ли он удар? Но наши герои победили в Сталинграде в начале 1943 года — и угроза прямой смерти отодвинулась.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Под редакцией *Модеста Колерова*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

ISBN 978-5-905040-92-4

9 785905 040924 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 15.11.2023. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Atrnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru